

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Забайкальский государственный университет»
(ФГБОУ ВПО «ЗабГУ»)

ВЕСТНИК

ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА № 10 (89)

TRANSBAIKAL STATE UNIVERSITY JOURNAL

Чита 2012

**Основан
в 1995 г.**

Учредитель:
Забайкальский государственный университет

Журнал зарегистрирован как СМИ
17.04.2012, регистрационный номер
ПИ № ФС 77-49419

Журнал участвует в Российском индексе
научного цитирования (РИНЦ)

Периодичность издания: 12 номеров в год

Журнал «Вестник Забайкальского государственного университета» до № 8 (87) 2012 г. выходил под названием «Вестник Читинского государственного университета»

Журнал рекомендован ВАК РФ для публикации результатов исследований на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Подписку на журнал «Вестник ЗабГУ» можно оформить в любом почтовом отделении. Подписной индекс по федеральному почтовому Объединенному каталогу Пресса России и интернет-каталогу «Российская периодика»

www.agrk.org: 82102.

Подписка осуществляется и через редакцию. Также журнал можно приобрести в розницу. Цена 250 руб.

Тел.: +7 (3022) 41-67-18
E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
Web: www.journal.zabgu.ru

Все материалы, опубликованные в научном журнале «Вестник ЗабГУ», являются авторскими и защищены авторскими правами. Перевод материалов и их переиздание в любой форме, включая электронную, возможны только с письменного разрешения редакционной коллегии. Вопросы, касающиеся использования материалов журнала, направляйте главному редактору по электронной почте либо по почтовому адресу: 672039, г. Чита, ул. Александровская, 30, редакция журнала «Вестник ЗабГУ»

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
Качество иллюстраций соответствует качеству представленных оригиналов

ISSN 2227-9245

Вестник ЗабГУ **теоретический и научно-практический журнал**

Редакционная коллегия

- Иванов С.А.** – гл. редактор, канд. техн. наук, профессор, ректор ЗабГУ;
Малышев Е.А. – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, доцент, проректор по научной и инновационной работе ЗабГУ;
Романова Н.П. – научный редактор, д-р социол. наук, профессор;
Шалавина А.А. – литературный редактор;
Петрова И.В. – технический редактор.

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: С.А. Иванов, канд. техн. наук, профессор, ректор Забайкальского государственного университета.

Члены редакционного совета: Н.А. Абрамова, д-р филос. наук, профессор (Чита), С.Я. Березин, д-р техн. наук, профессор (Чита), И.В. Бычков, д-р техн. наук, профессор (Иркутск), Е.Т. Воронов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита), И.П. Глазырина, д-р эконом. наук, профессор (Чита), К.И. Карасев, д-р техн. наук, профессор (Чита), Е.А. Кудряшов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Курск), В.И. Летунов, канд. техн. наук, профессор (Чита), Л.М. Любимова, канд. филол. наук, доцент (Чита), А.В. Макаров, д-р юрид. наук, доцент (Чита), Мошкина З.В., д-р истор. наук, профессор (Чита), В.Н. Опарин, д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новосибирск), И.И. Осинский, д-р филос. наук, профессор (Улан-Удэ), Ю.В. Павленко, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита), А.Б. Птицын, д-р техн. наук, профессор (Чита), Н.П. Романова, д-р социол. наук, профессор (Чита), Г.В. Секисов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корр. Национальной Академии наук Киргизии (Хабаровск), В.А. Стетюха, д-р техн. наук, доцент (Чита), И.Ф. Суворов, д-р техн. наук, профессор (Чита), М.Л. Титаренко, д-р филос. наук, профессор, академик РАН (Москва), М.Н. Фомина, д-р филос. наук, профессор (Чита), И.И. Швецова, канд. физ.-мат. наук, доцент (Чита), К.Г. Эрдынеева, д-р пед. наук, профессор (Чита).

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, д-р социол. наук, профессор.

Утверждено и рекомендовано к изданию решением редакционно-издательского совета ЗабГУ.

Вестник Забайкальского государственного университета (Вестник ЗабГУ) № 10 (89). – Чита: ЗабГУ, 2012. – 153 с.
Transbaikal State University Journal. № 10 (89). – Transbaikal St. Univ. Pr. 2012.

© Забайкальский государственный университет, 2012

Исторические науки

УДК 93 : 343.2/7

Петров Артем Сергеевич
Artem Petrov**ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В СФЕРЕ ПРОСТИТУЦИИ И
РЕГЛАМЕНТАЦИОННЫЕ ПРАВИЛА ЭТОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЧИТЕ В ПЕРИОД 1907-1917 ГГ.****RUSSIAN IMPERIA LAWS IN PROSTITUTION'S
SPHERE AND REGULATION RULES OF THIS
ACTIVITY IN CHITA IN 1907-1917 PERIOD**

Рассматриваются правоустанавливающие акты, касающиеся занятия проституцией, которые действовали в России в 1907-1917 гг. Внимание уделяется как общеимперским регламентационным правилам, так и региональным нормам, установленным в г. Чита. Анализируется деятельность полицмейстера г. Чита, осуществлявшего надзор за проституцией. Отмечаются неоднозначные эпизоды в деятельности контролирующих органов по противодействию незаконной проституции

Ключевые слова: проституция, общеимперское законодательство, регламентация проституции в г. Чита, Читинский врачебно-полицейский комитет, полицмейстер

This research paper considers laws in prostitution area, which were in force in Russia in 1907-1917. Special attention is paid to imperial regulation rules, as well as to regional norms, accepted in Chita. The city police chief's activity of Chita, who inspected prostitution business, is analyzed. Ambiguous episodes in counteraction of illegal prostitution are pointed out

Key words: prostitution, Imperial law, regulation of prostitution in Chita, police-medical committee of Chita, chief of city police

Проституция в дореволюционное время в России была законодательно разрешена. Однако заниматься этим видом деятельности можно было лишь при строгом соблюдении соответствующих правил и условий. За соблюдением законности в интимной сфере на территории Российской империи надзирали сотрудники полиции и специально созданные врачебно-полицейские комитеты. Нами проанализировано общеимперское законодательство по регламентации проституции, отмечены особенности исполнения законов в таком отдаленном от центра городе, как г. Чита. Тема исследования в региональном аспекте не изучена, поэтому за основу в статье взяты первоисточники в виде архивных материалов.

В дореволюционное время деяния, направленные на извлечение прибыли в интимной сфере, подвергались регламентации уголовного законодательства, отчасти административно-ведомственного.

В Российской империи фактически существовало несколько уголовных законов, действовавших одновременно. Первый уголовный свод законов – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С момента его подписания 15 августа 1845 г. Николаем I этот кодекс неоднократно дополнялся и изменялся. В 1907-1917 гг. действовала его редакция от 1885 г. [1]. Второй свод – Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями – фактически выделен из Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в 1864 г. Устав о

наказаниях, налагаемых мировыми судьями также периодически дополнялся, изменялся и редактировался. В 1907-1917 гг. действовала его редакция от 1885 г. В отличие от Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, предусматривал ответственность за относительно мелкие уголовные правонарушения. В соответствии с Уставом мировые судьи могли налагать лишь незначительные наказания: выговоры, замечания, внушения, денежные взыскания не свыше 300 руб., арест до 3 месяцев и т.п. [2]. Кроме этого, в 1903 г. (22 марта) Николай II утвердил третий уголовный кодекс — Уголовное уложение [3], которое фактически должно было заменить указанные ранее уголовные законы (Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных) и вступить в действие дополнительным особым распоряжением. Однако распоряжения так и не последовало, и Уложение в полном объёме не вступило в силу. Согласно исследованиям П.В. Коняхина, в 1904 г. в силу вступили лишь главы, касающиеся государственных преступлений, в 1906 г. — главы о религиозных преступлениях, и до 1917 г. ещё 30 статей из различных глав. Во всех остальных случаях продолжал действовать прежний уголовный закон. Полностью Уголовное уложение 1903 г. вступило в силу на территории губерний Латвии, Литвы и Эстонии [4].

Рассмотрим статьи уголовных законов, которые имели отношение к проституции. Так, в первом законе (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных) интимной сфере посвящено первое отделение гл. 4 ст. с 993 по 1000. В указанных статьях запрещалось сводничество родителями своего ребёнка, сводничество учителем или опекуном, а также сводничество жены мужем [5].

В Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, было также несколько статей, касающихся интимной сферы. Акцентируем внимание на ст. № 44, 102, 103. По ст. 44 наказывалось невыполнение

любого распоряжения правительства, которое касалось регламентации проституции и пресечению вредных от неё последствий [6]. По ст. 102 виновные лица несли ответственность за недонесение о венерическом заболевании. По этой же статье привлекали и при невыполнении правил содержания домов терпимости [6; Ст. 102]. По ст. 103 предусматривалось наказание за заражение венерической болезнью [6; Ст. 103].

В Уголовном уложении Российской империи, высочайше утвержденном от 22 марта 1903 г., в статьях за номерами 500, 513-529 также содержался большой перечень деяний, связанных с проституцией и интимными отношениями, за которые законодатель усматривал уголовное возмездие [7]. В указанных статьях планировалось привлекать к уголовной ответственности по значительному количеству преступных действий сексуального характера: это за насильственное удержание женщины в «пристоне разврата», за вступление в интимную близость с малолетними или несовершеннолетними, за мужеложство, насильственное сводничество и сводничество с несовершеннолетними. Особо подвергались наказанию за сводничество, которое совершалось должностным лицом, осуществлявшим надзор за несовершеннолетним или малолетним и др. Однако, как указывалось ранее, Уложение вступило в силу лишь частично.

Научный интерес для проводимого исследования также представляет законодательный акт, подкорректировавший Уголовное уложение 1903 г. Он внес в Уголовное уложение 1903 г. определенные изменения. Этот закон был одобрен Госсоветом и Госдумой и утвержден императором. Назывался он «О мерах к пресечению торга женщинами в целях разврата» и вступил в силу с 29 декабря 1909 г. В Читу акт поступил в начале 1910 г. и был опубликован в 17-м номере газеты «Забайкальские областные ведомости», вышедшей в среду 1 февраля 1910 г. [8]. Кратко опишем указанные в законе изменения, так как именно они определили, какие статьи из Уголовного уложения 1903 г., касающиеся проституции, вступили в 1909 г. в законную силу.

В соответствии с изменениями ст. 524 каралось тюремным заключением посредничество виновного при совершении развратных действий с девушкой, не достигшей 21 года. Речь идет о так называемом сводничестве. Заключением в исправительный дом наказывались те же деяния, но совершенные в виде промысла. Под промыслом подразумевалось систематическое совершение подобных посреднических услуг с целью извлечения постоянной материальной прибыли. Заключением в исправительный дом наказывались и деяния виновного, если он занимался обычным (непромысловым) посредничеством-сводничеством собственной жены, дочери или лица, состоящего под его властью или попечением.

По ст. 526 каралось склонение лица женского пола промышлять проституцией с помощью насилия или угрозами убийством, особо тяжкими и просто тяжкими телесными повреждениями, ей самой или члену её семьи. Такие деяния наказывались тюремным заключением свыше 3 месяцев. Такая же санкция ждала и виновного, если он склонил лицо женского пола к проституции путем обмана или злоупотребления своею властью, либо пользуясь беспомощным положением женщины, или её зависимостью от него. Виновного наказывали также за покушение на подобное деяние.

В соответствии со ст. 527 лицо мужского пола можно было привлечь к уголовной ответственности и приговорить к тюремному заключению за извлечение имущественной выгоды от женщины, занимающейся проституцией и находящейся под его каким-либо влиянием или какой-либо зависимостью. Мужчина нес уголовную ответственность, если женщина находилась в беспомощном положении, а мужчина воспользовался этим, чтобы привлечь её к проституции. Аналогичному наказанию по этой же статье подлежит мужчина, если будет доказана его виновность в вовлечение в проституцию лиц женского пола с целью получения имущественной выгоды.

Не изменились и возрастные требования. Возраст, позволяющий заниматься

проституцией на территории Российской Империи, остался прежним – 21 год. Согласно ст. 529, лицо, виновное в принятии в «притон разврата» лица женского пола моложе 21 года, наказывается заключением в тюрьму. По этой же статье подлежит аналогичному наказанию виновный в удержании в притоне разврата промышляющей «непотребством» женщины вопреки её желанию.

В ст. 526 со значком 1 прим. с учетом новых изменений указывалось, что склонение к выезду из России с целью занятия проституцией наказывается заключением в тюрьму. Если такое склонение последовало с помощью насилия или угрозой убийства, особо тяжкими и просто тяжкими телесными повреждениями, ей самой или члену её семьи, виновный наказывается заключением в исправительный дом на срок не более 3 месяцев. Такая же санкция ждала виновного, если склонение произошло путем обмана или злоупотребления своею властью, либо если виновный воспользовался беспомощным положением женщины или её зависимостью. Возраст потерпевшей не имел какого-либо значения. При этом, если виновный будет признан занимающимся указанными в этой статье и в ст. 526 преступными деяниями систематически, то он наказывается заключением в исправительный дом на срок не более 3 месяцев [8; л. 125-125 об.].

Итак уголовное законодательство Российской империи (Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, Уложения о наказаниях уголовных и исправительных став, Уголовное уложение 1903 года, закон 1909 г. «О мерах к пресечению торга женщинами в целях разврата») фактически разрешило законопослушную проституцию в России и побуждало к определенной регламентации в этой сфере [9]. Государство, согласившись с наличием такого явления, как проституция, для контроля и надзора стало вводить различные правила и условия и не карало за проституцию при условии соблюдения установленных правил и подчинения надзору. Несоблюдение же официально установленных правил в 1907-1917

гг. автоматически попадало под состав правонарушения, предусмотренного ст. 44 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями [9].

В разных административных регионах империи регламентирование проституции осуществлялось с различиями, но санкционирование на принятие правил давалось именно этой статьей. Административно-ведомственные органы, правомочные устанавливать правила по регламентации проституции, определялись другими законодательными актами. Одним из таких являлся Устав врачебный [10]. Так, в соответствии со ст. 944 Устава врачебного правила в сфере регламентации проституции могли быть установлены врачебно-полицейскими комитетами. В местностях, где врачебно-полицейские комитеты не были учреждены, регламентационные правила устанавливались полицейскими органами в соответствии со ст. 188 Устава о предупреждении и пресечении преступлений [11]. Одним из основных правоустанавливающих документов в сфере контроля над проституцией для сотрудников полиции и врачебно-полицейских комитетов также являлось Положение об организации надзора за городской проституцией в империи, утвержденное от 8 октября 1903 г. Н.А. Зиновьевым – товарищем Министра внутренних дел [12]. Главное требование к изданию правил на местах заключалось в том, что принятые правила не уничтожали и не ограничивали законных прав частных лиц, то есть эти местные правила регламентации проституции не должны были вступать в противоречие с общеимперским законодательством и нарушать права граждан Российской империи. Под действие установленных правил, а следовательно, и ст. 44 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, могли попасть две категории лиц. Первая – проститутки, вторая – лица, извлекающие прибыль от проституток и от их деятельности в интимной сфере. Первых, как правило, местные установления обязывали получить соответствующее разрешение, встать на учет, своевременно проходить медицинскую комиссию. Вторые

должны были получать разрешение на открытие домов терпимости и всевозможных притонов и соблюдать правила функционирования этих заведений, нормы гигиены, требования паспортной регистрации приезжих девиц.

В г. Чита, в соответствии с указанными ранее законодательными актами, надзор за проституцией осуществлял созданный специально для этих целей Читинский врачебно-полицейский комитет, куда входило несколько должностных лиц города и области, обладающих различными властными полномочиями. Должностные лица совмещали деятельность в комитете с основным родом своей службы. Комитет собирался по мере необходимости и по результатам выносил постановления, обязательные для исполнения. Председательствовал в комитете вице-губернатор Забайкальской области, также в комитете был свой делопроизводитель. Одним из главных представителей комитета, который имел довольно большой вес в решении различных вопросов, являлся один из городских врачей. Деятельность Читинского комитета была напряженной, но наибольшая нагрузка ложилась на так называемого члена-распорядителя комитета. В г. Чита членом-распорядителем состоял глава читинской городской полиции – Читинский полицмейстер. В соответствии с установленной для него специальной инструкцией, полицмейстер лично или через подведомственных ему лиц полицейской системы или через членов комитета наблюдал за точным исполнением всех врачебно-полицейских правил в сфере проституции в г. Чита. Надзор и контроль распространялся и на публичные дома, и на женщин, внесенных полицией в список одиночных проституток [13]. Полицейстер выполнял возложенные на него функции через подведомственный ему полицейский аппарат. Сотрудники полиции на местах (приставы различных частей города и подчиненные им полицейские чины) обладали информацией обо всех домах терпимости, находящихся на подведомственной им территории, а также вели учет всех ставших им известными проституток-одиночек. Всю эту инфор-

мацию по мере необходимости они докладывали своему начальнику [13; л. 15].

В первую очередь полицмейстер нес ответственность за городские дома терпимости, зарегистрированные официально. Кроме того, следил за тем, чтобы дома терпимости помещались в указанных в свидетельствах (лицензии) домах, чтобы не осуществлялась незаконная передоверенность выданного права.

Открыть в г. Чита публичный дом в то время мог любой благонадежный человек. Для этой цели желающий подготавливал помещение, осуществлял там соответствующий ремонт и подавал прошение на имя председателя врачебно-полицейского комитета. Полицмейстер собирал сведения о помещении, в котором предполагалось открытие заведения, и о благонадежности лиц, просящих разрешение открыть дом терпимости [13].

Именно полицмейстер объяснял все правила содержания дома терпимости будущему держателю. В случае положительного решения вопроса об открытии публичного дома комитет выносил постановление, и полицмейстер выдавал соответствующее свидетельство, в котором указывались:

- 1) полные установочные данные держателя (правообладателя) заведения;
- 2) местоположение дома терпимости (улица, адрес);
- 3) кому на праве собственности принадлежит помещение, в котором находится дом терпимости (дом); на сколько девиц рассчитано заведение; разряд (классность) Дома терпимости [14].

После открытия Дома терпимости полицмейстер отвечал за соблюдение правил относительно порядка, чистоты в заведении, за недопущение распространения в нём венерических заболеваний. Полицмейстер через подчиненное ему полицейское ведомство контролировал посещение девицами медицинских кабинетов, при выявлении заболевания принимал меры к водворению заболевших в лечебное учреждение. На полицмейстера возлагалась обязанность проверять списки девиц, находящихся в домах терпимости, контролировать пра-

вильное составление этих списков. Содержателям домов терпимости и девицам, работающим в этих домах, выдавались специальные «книжки», в которых указывались все денежные расчёты за оказываемые услуги. Полицмейстер имел право проверять эти книжки, следить, чтобы расчёты не были искажены.

Полицмейстеру вменялось в обязанность разбирать жалобы, заявляемые женщинами на держателей, а также выявлять факты ненадлежащего обращения с девицами со стороны держателей: побои, ненадлежащее «продовольствование» и т.п. Если полицмейстеру становились известными какие-либо нарушения, то он докладывал об этом непосредственно председателю врачебно-полицейского комитета, который в свою очередь созывал комитет, выносящий соответствующее постановление о каком-либо распоряжении: наложении взыскания на виновных, лишении виновного лицензии и т.п. В случае обнаружения уголовного преступления полицмейстер поступал в соответствии с действующим уголовным судопроизводством, т.е. силами полиции проводилось так называемое дознание, которое в последующем передавалось по территориальности следственным органам или прокурору.

Читинский полицмейстер через подведомственных ему сотрудников полиции осуществлял негласный контроль и протитутток-одиночек. Как член-распорядитель врачебно-полицейского комитета, в соответствии с указанной инструкцией, и как непосредственно сотрудник полиции он имел право вести секретный надзор за девушками, которые не имели определенных занятий, а также за девушками, которые жили в ресторанах, трактирах, номерах, кофейнях. Девушек, встречающихся в банях с мужчинами, да и вообще девушек, ведущих развратную жизнь, читинский полицмейстер через подведомственных ему полицейских чинов также брал на учёт. Всех взятых на учёт девушек читинская полиция обязывала еженедельно проходить медицинский осмотр. Результаты осмотра заносились в специально выдаваемую каж-

дой девушке «смотровую книжку» (книжки выдавались делопроизводителем комитета). При выявлении венерического заболевания в тот же день девиц отправляли на излечение в Читинскую городскую больницу. Лечили читинских девушек бесплатно, но для этого они должны были периодически вносить в Читинскую городскую управу соответствующий больничный сбор. Надзор за периодичностью сбора также возлагался на главу городской полиции [14; л. 14-15 об.]. За неявку на медицинский осмотр без уважительной причины могла последовать репрессивная мера в виде привлечения к уголовной ответственности согласно ст. 44 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями [14; л. 14 об.].

В случае, если девушки, занимающиеся проституцией в г. Чита в одиночку, меняли место своего проживания, куда-либо уезжали, безвестно отлучались, выходили замуж, умирали и т.п., то сотрудники полиции в своих учётах делали соответствующую отметку. При желании полицмейстер мог отдать девиц на поруки родителей, родственников или других заслуживающих доверия лиц, с соответствующим снятием с учёта. Но решение о снятии с учёта в Чите принималось комитетом коллегиальное [15].

Если кто-либо в г. Чита из мужчин указывал полицмейстеру на какую-либо девицу, от которой он якобы заболел венерическим заболеванием, к примеру, таким, как сифилис, то полицмейстер или по его указанию соответствующий сотрудник полиции должны были обязательно отреагировать, принять заявление, составить протокол, провести дознание. Но заявитель предупреждался, что если его заявление не подтвердится, то он будет привлечен к уголовной ответственности за ложный донос со всеми вытекающими последствиями [15; л. 14 об.].

Одним из основных элементов контроля полиции за читинской проституцией был возраст девиц, занимающихся «развратным промыслом». В соответствии с правилами инструкции, установленной для читинского члена-распорядителя, женщины и девицы

моложе 18 лет в 1907-1909 гг. не должны были заниматься проституцией [15].

В возрастном правиле в Читинской интерпретации общеимперских законов наличествовала некоторая особенность. Так, в ходе проведенного исследования выявлено нарушение, которое фактически было совершено непосредственно представителями государственной власти. Согласно действующему общеимперскому законодательству, допуск девиц в Дома терпимости моложе 21 года категорически не допускался ещё с начала XX в. Этот возраст установлен Медицинским Департаментом МВД и циркулярным письмом сообщен в регионы империи за № 1314 ещё от 1901 г. [16]. В ст. 129 общеимперское Уголовное уложение 1903 г., пусть не вступившее в силу, но высочайше утвержденное, дополнительно подтвердило именно это возрастное ограничение – 21 год [17]. Однако на деле в Чите фактически разрешалось привлекать в дома терпимости девушек не с 21 года, а с 18 лет. Этот 18-летний возраст, как минимальный, отражен в официальной инструкции для члена-распорядителя (полицейстера г. Чита) врачебно-полицейского комитета за 1907 г. [18]. О возрасте девиц Домов терпимости города свидетельствует список, составленный приставом 2 части г. Чита в результате рейда 29 января 1910 г. Из него видно, что не достигших возраста 21 года на тот момент было обнаружено 50 девиц из 86 [18; л. 93-94 об.]. Если точнее, то из 86 девушек 31 находились в возрасте 18 и 19 лет, то есть больше трети состава проституток оказались моложе 20 лет.

Представители государственной власти в Чите до декабря 1909 г. считали, что проституцией девушкам можно было заниматься с 18-летнего возраста. По убеждению читинских властей, 21 год установлен лишь с принятием закона «О мерах к пресечению торговыми женщинами в целях разврата», принятым в декабре 1909 г. Только после ознакомления с этим законом полицмейстер г. Чита разослал подведомственным ему должностным лицам распоряжение, в котором сообщалось о том, что, на основании одобренного Государственным советом

и Государственной думой и высочайше утвержденным законом от 29 декабря 1909 г., необходимо распустить и освободить из домов терпимости девушек, не достигших 21 года. Данное распоряжение читинский полицмейстер разослал в феврале-марте 1910 г. Всех проституток моложе 21 года полицмейстер приказал передать родителям, родственникам, опекунам или попечителям [18; л. 102].

По мнению автора, подобные нарушения, касающиеся минимального возраста допустимости до занятий проституцией, действовали в Чите или в силу коррупционной направленности местной власти, или в силу её некомпетентности в трактовке общеимперских законодательных актов. Причина такого положения не установлена и требует дополнительного исследования. В подтверждение юридической некомпетентности местных властей можно привести циркулярное письмо, пришедшее из МВД из 3-го делопроизводства от 24 апреля 1910 г., которое подписано товарищем министра внутренних дел – С.Е. Крыжановским [18; л. 110].

В 1910 г. в Чите прокатилась «волна интеллектуальных преступлений» (увеличение, выходящее за понятие обычного числа). Эти преступления были связаны с подделкой и подлогом документов, удостоверяющих личность. Сотрудники полиции на территории г. Чита в 1910 г. стали чаще, чем прежде, задерживать граждан с поддельными паспортами. При этом характерными элементами многих подделок были следующие: субъект правонарушения – молодая девушка; сущность подделки – прибавление нескольких лет к истинному возрасту [18; л. 105]. Причина этих правонарушений, по мнению автора, кроется в указанном полицейском недоразумении и в требовании, прозвучавшем лишь в начале 1910 г. – «распустить и освободить из Домов терпимости девушек, не достигших 21 года».

Кроме этого, сотрудники читинской полиции в искаженном виде интерпретировали нормативно-правовую базу по регламентации проституции ещё в одном направ-

лении. В ходе исследования выявлено, что до 1910 г. распространённым нарушением со стороны читинской полиции было внесудебное принуждение девиц к внесению их имен в список проституток-одиночек. Дело в том, что, согласно действующему на то время законодательству, заявлять о себе как о проститутке-одиночке девушка могла лишь добровольно, вернее, под страхом привлечения к уголовной ответственности. Любое внесудебное принуждение было недопустимо. Так, согласно «Положению об организации надзора за городской проституцией в Империи», утвержденному ещё 08.10.1903 г., девушки, занимающиеся проституцией, могли быть подчинены врачебно-полицейскому надзору только при добровольном их согласии [19]. В случае несогласия девушек их могли привлечь за тайный разврат к уголовной ответственности по ст. 44 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Однако зачастую вместо привлечения к уголовной ответственности девушек, добровольно отказавшихся от подчинения надзору, сотрудники полиции исключительно волевым решением вносили их в список действующих проституток-одиночек, что было противозаконно. Указанное Положение категорически запрещало принудительно вносить девушек в списки проституток ни в силу коллегиального решения с вынесением постановления врачебно-полицейского комитета, ни в силу единичного распоряжения полицейского чиновника [20]. Согласно циркулярному письму из МВД от 28 апреля 1910 г., подобные нарушения связаны с юридической безграмотностью сотрудников местной полиции [20; л. 110]. Серьезным нарушением считалось принудительное выселение девушек, отказавшихся подчиняться контролю, в место их постоянной приписки этапом [20]. В подтверждение можно привести архивные материалы читинской городской полиции, в которых содержится большое количество различных приказов. В этих приказах полицмейстер непосредственно указывал приставам различных полицейских частей г. Чита как можно чаще проверять медицинские билеты у девушек, занимающихся

развратом, и при отсутствии таковых высылать девушек в места постоянной приписки. Такие приказы до сегодняшнего дня являются вещественными доказательствами должностного преступления. Подобные нарушения часто происходили в Чите до получения разъяснительного циркулярного письма из МВД [21].

Таким образом, проституция в 1907-1917 гг. в Российской империи не была запрещена. Регламентация противозаконных отступлений в интимной сфере ложилась на общеимперские нормы уголовного законодательства. В соответствии с этим, а также согласно административно-ведомственным актам, врачебно-полицейские комитеты

или представители общей полиции на местах определяли условия и устанавливали различные регламентационные правила. В Чите действовал врачебно-полицейский комитет, но основная функция по надзору и контролю ложилась на главу читинской полиции – полицмейстера. Благодаря искаженной интерпретации общеимперских законов, в Чите на протяжении некоторого времени существовали нарушения, связанные с минимальным возрастным ограничением для занятия проституцией. Отличались от общеустановленных форм в г. Чита и некоторые методы противодействия незаконной проституции.

Литература

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 7-е изд., пересмотр. и доп. СПб., 1892. 797 с.
2. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание 1885 года. С доп. по продолжению 1885 г., с прил. мотивов и извлечений из решений кассационных департаментов Сената. 14-е изд. доп. СПб.: Гос. типография, 1902. 437 с.
3. Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Сенатская типография, 1903. 144 с.
4. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.С. Комисарова. СПб.: Питер, 2005. С. 35.
5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 7-е изд., пересмотр. и доп. СПб, 1892. 797 с. Ст. 998-1000.
6. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание 1885 года. С доп. по продолжению 1885 г., с прил. мотивов и извлечений из решений кассационных департаментов Сената. 14-е изд. доп. СПб.: Гос. Типография, 1902. 437 с., Ст. 44.
7. Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб.: Сенатская типография, 1903. 144 с., Ст. 500/513-529.
8. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК), Ф. 26, Оп.1. д. 227, л. 125.
9. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание 1885 года. С доп. по продолжению 1885 г., с прил. мотивов и извлечений из решений кассационных департаментов Сената. 14-е изд. доп. СПб.: Гос. типография, 1902. 437 с., Ст. 44.
10. Устав врачебный. СПб.: 1905. Ст. 944.
11. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СПб: Типогр. второго отд. Соб. Е.И.В. Канц., 1876. 93 с., Ст. 188.
12. Циркуляр министерства внутренних дел от 8 октября 1903 г. № 1611. Положение об организации надзора за городской проституцией в Империи // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1903. ноябрь. С. 220-223.
13. ГАЗК, Ф. 26, Оп.1. д. 227, л. 14-16 об.
14. ГАЗК, Ф. 26, Оп.1. д. 227, л. 24 об.
15. ГАЗК, Ф. 26, Оп.1. д. 227, л. 14-14 об.
16. ГАЗК, Ф. 26, Оп.1. д. 227, л. 110.

17. Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб.: Сенатская типография, 1903. 144 с., Ст. 129.

18. ГАЗК, Ф. 26, Оп. 1. д. 227, л. 14 об.

19. Циркуляр министерства внутренних дел 8 октября 1903 г. № 1611. Положение об организации надзора за городской проституцией в Империи // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1903. ноябрь. С. 220-223.

20. ГАЗК, Ф. 26, Оп. 1. д. 227, л. 110. 21. ГАЗК, Ф. 26, Оп. 1. д. 227, л. 81, 82.

Коротко об авторе _____ ***Briefly about the author***

Петров А.С., аспирант, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Partem11@ramler.ru

A. Petrov, postgraduate, Zabaikalsky State University

Научные интересы: преступность в Забайкальском регионе в 1907-1917 гг.

Scientific interests: crime in Zabaikalsky region during the period of 1907-1917

УДК 908 (571.54/55)

Сажина Антонина Иннокентьевна
Antonina Sazhina

ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ В ЗАБАЙКАЛЬЕ В УСЛОВИЯХ ДВР (1920-1922 гг.)

ILLITERACY LIQUIDATION IN ZABAİKALIE IN THE FAR-EAST REPUBLIC CONDITIONS (1920-1922)

Описывается начало процесса ликвидации неграмотности взрослого населения Забайкалья в период существования Дальневосточной республики. Рассматриваются условия создания сети образовательных и просветительных учреждений, особенности их деятельности в 1920-1922 гг.

Ключевые слова: народное образование, просветительные учреждения, ликвидация неграмотности в Забайкалье

The beginning of the process of illiteracy liquidation among adults in Zabaikalie during the period of the Far-East republic is described. The conditions of the establishment of a net of educational institutions and their activity peculiarities in 1920-1922 are studied

Key words: public education, educational establishments, illiteracy liquidation in Zabaikalie

Ликвидация неграмотности взрослого населения была одной из важнейших задач, стоявших перед советским правительством России после октября 1917 г. Однако процесс упрочения советской власти и развернувшаяся в России гражданская война отодвигали её решение. Достижение коренного перелома в ходе гражданской войны, который произошел в 1919 г., позволил поставить решение проблемы ликвидации неграмотности в практическую плоскость. 29 декабря 1919 г. Советом народных комиссаров принят «Декрет о ликвидации безграмотности взрослого населения РСФСР», положивший начало процессу ликвидации неграмотности взрослого населения России.

В Забайкальской области ликвидация неграмотности началась в условиях Дальневосточной республики. Создание этого государства должно было обеспечить ликвидацию японской интервенции на Дальнем Востоке без прямого военного столкновения РСФСР и Японии. Однако провозглашение суверенитета ДВР не означало полной её независимости от Советской России. Для руководства всей партийной работой

в ДВР создано Дальневосточное Бюро ЦК РКП (б), обладавшее полномочиями в определении направлений внутренней и внешней политики республики; все вопросы, решавшиеся в Правительстве и Совете Министров ДВР, предварительно рассматривались Дальбюро ЦК РКП (б). Это обстоятельство должно было обеспечить контроль Советской России за идеологической обстановкой на территории ДВР и проведением экономических и социально-политических преобразований в соответствии с основными направлениями политики РКП (б) [4].

Деятельность Министерства народного просвещения ДВР положила начало реформам, направленным на демократизацию системы образования в Забайкалье. Программа строительства новой школы была намечена в Декларации «О народном просвещении», опубликованной 22 ноября 1920 г. В ней провозглашались бесплатное и обязательное совместное для обоих полов обучение, отмена преподавания Закона Божия в школе, введение во всех школах единой системы образования и воспитания и проведение занятий в школах по учеб-

ным планам, принятым в школах Советской России [8]. Таким образом, программа предусматривала не только создание надсловной, бесплатной, светской школы, но и обеспечивала преимущество по отношению к системе образования РСФСР.

Впоследствии все вышедшие законодательные акты были объединены в «Положении о единой школе в Дальневосточной республике». Оно выработано на первой Дальневосточной государственной конференции по народному образованию, состоявшейся в период с 1 по 15 января 1921 г. Положение подтвердило ранее принятые декреты о совместном обучении, бесплатной светской школе и декларировало всеобщность и обязательность обучения, а также в законодательном порядке упразднило прежнюю систему народного образования. Вместо различных типов общеобразовательных учреждений на территории ДВР вводилась единая двухступенчатая школа с 9-летним сроком обучения, по аналогии со школьной реформой, проведённой в 1918 г. в РСФСР [7].

Создание условий для начала ликвидации неграмотности взрослого населения ДВР закреплено подписанием «Положения о Центральном областном рабочем школах Министерства народного просвещения Дальневосточной республики» 26 декабря 1921 г. Положение предусматривало учреждение специальных школ для взрослого населения, которые открывались в крупных промышленных пунктах и принимали в число учащихся исключительно рабочих без возрастного ограничения. Обучение в таких школах велось по двум группам и предусматривало ликвидацию неграмотности и малограмотности учащихся, а также сообщение им необходимых знаний и профессиональных навыков [5].

Большую роль в реализации этих положений на практике сыграли созданные в этот период отделы народного образования. Как и в Советской России, они ведали вопросами организации школьной сети и культурно-просветительных учреждений для взрослых, опираясь в этой работе на помощь местных партийных ячеек и совет-

ских, профессиональных и общественных организаций.

Условия их работы были крайне сложными. Средств, отпускаемых государством на дело народного образования в этот период, хватало только на содержание аппаратов самих отделов народного образования. Создание и обеспечение деятельности разного рода образовательных и просветительных учреждений возлагалось на местное население, которое вынуждено было самостоятельно изыскивать средства на ремонт, оборудование и содержание помещений, наиболее пригодных для ведения учебных занятий и проживания педагогов, а также для покупки учебной литературы, канцелярских принадлежностей и оплаты труда учителя. Это приводило к тому, что процесс создания образовательных и просветительных учреждений на территории Забайкалья в этот период во многом зависел от настроений местного населения и его позиции по отношению к реформам дела народного образования. По архивным документам прослеживается зависимость этой позиции от положения уездов Забайкальской области в гражданской войне. Население Нерчинского, Сретенского, Нерчинско-Заводского и Александрово-Заводского уездов, которое в 1919-1920 гг. принимало непосредственное участие в сражениях с армиями Семёнова и Каппеля в составе «красных отрядов», было более революционизированным, по сравнению с населением Читинского и Акинского уездов. Это обстоятельство вызывало «своеобразное отношение к вопросам народного образования» и приводило к тому, что «в революционных уездах образовательные учреждения развивались, а в остальных хирели». Той же зависимости было подчинено и распределение культурно-просветительных учреждений на территории Забайкалья. К 1921 г. «...в двух уездах их почти не было... в четырёх же почти не было деревни, в которой не имелось бы культурно-просветительного кружка» [1].

Таким образом, сеть образовательных и просветительных учреждений Забайкалья отличалась крайней разрозненностью и неравномерностью развития.

Тем не менее, рассматриваемый период характеризуется тенденцией к росту числа таких учреждений. В архивных материалах отражён стихийный характер создания на территориях, освобождаемых от интервентов, культурно-просветительных кружков, изб-читален и библиотек. При участии местных коммунистических и комсомольских ячеек открывались также шко-

лы взрослых, деятельность которых была направлена на распространение основ грамоты среди крестьянского населения.

Однако впоследствии рост просветительных учреждений на территории Забайкалья прекратился. Сведения об этом содержат данные отчёта Забайкальского областного управления за 1922 г.

Сеть просветительных учреждений Забайкальской области в 1920-1922 гг. [3]

Тип учреждения	1920-1921 гг.	1921-1922 гг.
Библиотеки сельские	120	76
Библиотеки волостные	30	23
Библиотеки городские	6	6
Культпросветы	143	65
Школы взрослых	100	45
Дворцы пролетарской культуры	1	1
Городские театры	1	1

Основная причина сокращения этой сети — отсутствие финансирования деятельности образовательных и просветительных учреждений со стороны государства. В 1921-22 учебном году содержание школ, библиотек и культурно-просветительных кружков возлагалось на население в качестве натуральной повинности. Действующие учреждения имели возможность изыскивать собственные средства путём организации платных спектаклей, «живых газет», театрализованных литературных и политических судов. Кроме того, они могли рассчитывать на материальную помощь советских, профессиональных и общественных организаций. Эти меры позволили сохранить учреждения, располагавшиеся на территориях уездных центров Забайкалья. Однако большинство учреждений на местах либо прекратило своё существование, либо продолжало свою деятельность, «предоставленные сами себе». Отсутствие контроля за деятельностью местных просветительных учреждений со стороны руководящих органов объяснялось также недостатком подготовленных кадров для осуществления этой работы.

Особенно остро стояла проблема нехватки квалифицированных педагогичес-

ких кадров на местах. События революции и гражданской войны раскололи забайкальское учительство (как и другие профессиональные группы интеллигенции) и положили начало уходу из профессии части педагогов, которые не могли или не хотели продолжать свою деятельность в условиях развала школьной системы. Как правило, оставляли работу квалифицированные педагоги, работоспособные мужчины, имеющие возможность реализоваться в другой профессиональной сфере. Те же, кто не имел других возможностей для самостоятельного заработка, к началу 1920-х гг. столкнулись с острыми материальными проблемами, вызванными отсутствием стабильной системы финансирования сферы образования. В 1920-1921 гг. учителя сельских школ получали паёк от населения, а городское учительство — от местных государственных органов. Только в сентябре 1921 г. установлен размер денежного жалования городских и сельских учителей в 10 руб. золотом [1].

Низкий уровень доходов забайкальского учительства неизбежно приводил и к изменению его состава. Необходимость изыскания средств к существованию привела к тому, что многие из педагогов, особенно из

числа работающих в сельских школах, вынуждены были совмещать её с посильным побочным промыслом и ведением подсобного хозяйства. Процесс «окрестьянивания» сельского учительства приводил к перерождению местной интеллигенции, что отразилось на качестве учебного процесса.

Повышение квалификации работающих педагогов являлось необходимым условием для осуществления реформы народного образования и просвещения. Для повышения культурного уровня учительства и распространения в учительской среде принципов создающейся новой школы в 1921 г. на территории уездных центров Забайкалья проводились педагогические конференции (в течение трёх месяцев — шесть семидневных конференций). Участие в них приняли 190 учителей.

Программа конференций включала теоретическое изучение методов обучения и воспитания в общеобразовательной школе и ряд практических занятий, направленных на их закрепление. Кроме того, слушателей знакомили с основными методами обучения взрослых и ведения политико-просветительной работы.

Однако уровень профессиональной подготовки забайкальского учительства оставался крайне низким. Значительную проблему представлял также разрыв в уровне подготовки городских и сельских учителей. В 1921 г. из 226 учителей г. Чита 60 % имели высшее образование, 24,5 % — среднее и 15,5 % — низшее, тогда как 60 % учительского состава сельских школ составляли лица с низшим образованием либо вообще не имеющие педагогической подготовки [2].

Для решения этой проблемы в 1921 г. в ДВР был открыт Читинский институт народного образования. Перед первым высшим учебным заведением Забайкалья стояли задачи подготовки деятелей по дошкольному воспитанию, учителей и инструкторов для трудовой школы 1-й и 2-й степени, а также работников по внешкольному образованию [6].

В первый год число студентов и вольнослушателей двух факультетов института составило 1226 человек в возрасте 15...45 лет, однако за год оно упало более чем наполовину. Сокращение числа учащихся института было вызвано проведенной в 1922 г. чисткой студенческого состава по классовому признаку, а также материальными трудностями студентов.

Устойчивая организация процесса ликвидации неграмотности широких слоев населения Забайкалья в этих условиях была невозможной. Деятельность правительства ДВР, направленная на реформирование дела народного образования и организации политико-просветительной работы, существенно затруднялась не только отсутствием финансов и подготовленных кадров для ведения этой работы. Свой отпечаток в 1920-1922 гг. на проведение преобразований накладывали и объективные условия развития региона: необходимость решения таких приоритетных задач, как снятие внешнеполитической угрозы и восстановление экономики. Однако именно в этот период были заложены начала для постоянной деятельности по созданию системы народного образования и политического просвещения населения Забайкалья в последующие годы.

Литература

1. ГАЗК. Ф. П-81. Оп. 1. Д. 583. Л. 61.
2. ГАЗК. Ф. П-81. Оп. 1. Д. 583. Л. 64.
3. ГАЗК. Ф. П-81. Оп. 1. Д. 583. Л. 65.
4. Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье. Иркутск, 1967. С. 191.
5. Гонтарева Е.В. Забайкальская школа в период Дальневосточной республики (1920-1922 гг.) // Учёные записки. Чита, 1969. Вып. 21: Вопросы воспитания и обучения. С. 162.
6. Дроботушенко Н.Е. Из истории создания Читинского института народного образования: сб. материалов // Народное образование Забайкалья: история и опыт. Чита, 2000. С. 101.

7. Народное образование в СССР: общеобразовательная школа: сб. документов 1917-1923 гг. М., 1974. С. 133-137.

8. Степанов А.С. Народное просвещение и здравоохранение в Дальневосточной республике // Проблемы краеведения. Чита, 1968. С. 29.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Сажина А.И., аспирант, каф. «История», Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Тел.: (3022) 36-20-64

A. Sazhina, a postgraduate, Historical department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: ликвидация неграмотности взрослого населения Забайкалья в 1920-1930 гг.

Scientific interests: illiteracy liquidation among adults in Zabaikalie in 1920-1930

Науки о Земле

УДК 550.47: 553.2

Барабашева Елена Евгеньевна
Elena Barabasheva

БИОГЕОХИМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РУДООБРАЗОВАНИЯ ДАРАСУНСКОГО РУДНОГО УЗЛА

BIOGEOCHEMICAL MODEL OF ORE FORMATION IN DARASUNSKY ORE KNOT

Охарактеризованы геологическое строение, структурные особенности, основные закономерности размещения рудных тел, их взаимоотношения с палеобиотой. Это дает возможность говорить о комплексной биогеохимической модели рудообразования Дарасунского рудного узла

In article the geological structure, structural features, basic laws of placing of ore bodies, their mutual relations with paleobiota are characterized. It gives the chance to speak about complex biogeochemical model of ore formation in Darasunsky ore knot

Ключевые слова: Дарасун, Талатуй, Теремки, трансформация, биосорбция, рециклинг

Key words: Darasun, Talatuj, Teremki, transformation, biosorbtsiya, recycling

Дарасунский рудный узел золото-молибденового пояса Забайкалья расположен в пределах Северо-Даурского сводового поднятия, в зоне мезозойской активизации. Особенности тектонической структуры района определены тем, что она входит в краевую зону между складчатой мезозойской областью Восточного Забайкалья и Сибирской платформой. Для этой зоны характерно наличие большого количества протяженных разломов, залеченных магматическими образованиями.

различные амплитуды. Внутри крупных блоков наблюдается дифференциация на более мелкие составляющие. Перемещения по разрывным нарушениям северо-западного направления гораздо меньше, чем по северо-восточным. В восточных частях опускание блоков происходило более интенсивно. Подавляющее большинство известных рудных месторождений приурочено к полосам развития опущенных блоков и к узлам пересечения протяженных нарушений [1, 8].

Формирование Дарасунской рудной структуры проходило в течение длительного времени от позднего протерозоя до раннего мела. Основными структурными элементами глубинного и древнего заложения являются дизъюнктивные нарушения северо-восточного и северо-западного направлений [1; 8]. Структура района типично блоковая (глыбовая), сформировавшаяся при неоднократных перемещениях одних блоков относительно других на

Многие из нарушений ограничивают депрессии или являются продолжением структурных элементов, развитых вдоль депрессий (Олинская, Дуралейская депрессии).

Геологическое строение района весьма сложно ввиду присутствия большого количества разновозрастных и разносоставных интрузий, малого количества стратифицированных комплексов и интенсивности проявления тектонических процессов.

В порядке предполагаемого образования здесь выделяются следующие комплексы [8]:

1) кристаллические сланцы верхнего протерозоя в составе ононкулиндинской серии;

2) метаморфизованные габброидные и ультраосновные породы нижнего палеозоя;

3) породы гранодиоритовой интрузии среднепалеозойского возраста;

4) лейкократовые граниты и сиениты позднепалеозойского-раннемезозойского возраста;

5) порфиroidные гранодиориты и граниты раннемезозойского возраста;

6) дайки меланократовых пород;

7) щелочные и субщелочные гранитоиды триасово-юрского возраста;

8) средне-верхнеюрские вулканогенные образования кисло-среднего состава;

9) малые интрузии плагиигранит- и гранит-порфиров средне-позднеюрского возраста и их эффузивные аналоги;

10) песчано-конгломератовые толщи позднеюрского-раннемелового возраста;

11) субвулканические тела и дайки фельзитов мезозойского возраста;

12) эффузивные породы и малые интрузии базальтов послемезозойского (?) (палеоген-неогенового) возраста;

13) аллювиальные отложения палеоген-четвертичного возраста;

14) современные четвертичные отложения.

Наибольший интерес в плане нахождения золотопроявлений представляют малые интрузии плагиигранит-порфиров средне-позднеюрского возраста, а также фельзитовые и кислые порфиroidные породы мелового возраста, так как с их дайковыми фациями связано образование рудных месторождений и гидротермальных проявлений. Россыпное золото связано с русловыми и террасовыми отложениями современных долин, расположенных вблизи коренных месторождений и проявлений средне-позднеюрского возраста [8].

Руды узла характеризуются повышенным содержанием Au и Ag, а также Cu, As, Sb, Bi, Pb, Te и др. Основная роль в рудах

принадлежит сульфидам, сульфосолям, кварцу, карбонатам, турмалину. Среди рудных минералов широко развиты – пирит, арсенопирит, халькопирит, пирротин, а также галенит и сфалерит. Основными носителями золота являются арсенопирит, пирит, халькопирит, пирротин и блеклые руды [10].

Процесс формирования происходил многостадийно и характеризуется тремя основными стадиями: полиметаллической, сульфосольной и сульфоантимонитовой (колчеданной) [8, 10].

Полиметаллическая стадия минерализации, включающая кварцевую (непродуктивную), кварц-молибденитовую, кварц-турмалиновую, кварц-пиритовую или кварц-пирит-халькопиритовую (золотоносную), галенит-сфалеритовую подстадии, наиболее характерна для Дарасунского месторождения, менее – для Теремкинского и скудно – для Талатуйского. В эту стадию в жильных рудных телах кристаллизовалась основная масса галенита и сфалерита, постоянными спутниками которых являются пирит, блеклая руда, бурнонит, халькопирит, жильный кварц и карбонат. Зоны концентрирования свинца и цинка на Дарасунском месторождении сдвинуты на фланги и верхние уровни. Их содержание значительно повышается по мере удаления от центра. Основным индикатором полиметаллической стадии Теремкинского месторождения является свинец, цинк находится в подчиненном соотношении.

Сульфосольная стадия, включающая пирит-арсенопиритовую (частично золотоносную) и пирротин-тетраэдрит-бурнонит-халькопирит-золото-теллуридно-сульфовисмутитовую (основная золотоносная) подстадии, широко проявлена на Дарасунском месторождении, на Теремкинском и Талатуйском оно занимает подчиненное положение. Эта стадия объединяет парагенезисы пирротин-халькопиритовой, тетраэдрит-халькопиритовой, халькопирит-бурнонитовой, золото-сульфовисмутитовой, золото-теллуридной с обильным развитием сульфосолей Cu, Bi, Pb, As, Sb, Ag. Они имеют пестрый минеральный состав (более

50 минералов) и наиболее продуктивны на золото и серебро. Типоморфным элементом сульфосольной стадии является медь. Зоны концентрирования меди располагаются в центральной части Дарасунского месторождения. Максимум тяготеет к интрузии гранодиорит-порфиров и узлу пересечения рудных жил с дайками гранодиорит-порфиров. Главными элементами сульфосольной стадии минерализации Теремкинского месторождения являются медь, серебро и висмут.

Сульфоантимонитовая, или колчеданная (пострудная по М.С. Сахаровой) стадия минерализации, включающая кварц-антимонит-сульфоантимонитовую или галенит-сульфоантимонитовую, халцедон-карбонатную и кварц-барит-киноварную подстадии, характерна для Дарасунского месторождения и представлена рисовидным кварцем, карбонатом, антимонитом, реальгаром, аурипигментом, клейофаном, киноварью, баритом и др. Стадия характеризуется повышенным содержанием мышьяка в составе арсенопирита, для которой он является индикатором. Его содержание значительно увеличивается по мере удаления от интрузива, образуя зону высоких концентраций. Напротив, для Теремкинского месторождения мышьяк не актуален, а индикатором является висмут.

Золото и серебро месторождения Дарасун образуют комплексное геохимическое поле. Максимум его тяготеет к дайкам интрузий гранодиорит-порфиров, вытянутых в северо-западном и северном направлениях. Накопление золота, серебра, свинца происходило в жилах. Поля с максимальными и высокими концентрациями Au, Cu, Pb и Zn тяготеют к средним и нижним горизонтам, а Ag, Hg, W и As — к средним и верхним [8].

На Теремкинском месторождении, как и на Дарасунском, наиболее распространенными элементами являются Au, Ag, Pb, Cu, As, В, Bi, в меньшей степени Zn. Геохимические поля золота и серебра имеют площадное распространение. Их максимумы не совпадают в связи с меньшей миграционной способностью золота.

Таким образом, для надрудных интервалов Дарасунской РМС характерны Ag, Sb, для подрудных — Au, Pb, Zn, Cu, Bi, Cr, Ni, Co. Высокие концентрации Mo, Au, Ag, Cu, как правило, приурочены к внутренним зонам, к периферии наблюдается их уменьшение, а для Pb, Zn и В, напротив, увеличение содержаний присуще фланговым частям.

По генезису руды месторождений могут быть разделены на три типа: руды выщелоченных открытых полостей (жил), метасоматические, преимущественно серицит-пирит-арсенопиритовые в виде измененных минерализованных зон дробления и их комбинации в виде прожилковых зон. Преобладающее развитие получили руды первого типа [8, 10].

Для Дарасунского месторождения характерны жильные стадии, жилы относительно просты по форме, выдержаны по простиранию и падению, для них типично чередование раздувов и пережимов. Их формирование приурочено к завершающей стадии сульфидно-кварцевой фазы. По рудогенетическим параметрам его можно сопоставить с месторождением Кокпатас. Для Теремкинского месторождения присущи промежуточные прожилковые и жильные зоны с рассеянным золотом, аналогичные присутствующим на месторождениях Кызылкума. Более раннее рассеянное (дисперсное) золото метасоматически измененных минерализованных зон дробления Талатуя, образованное в пирит-арсенопиритовую стадию минерализации, по факторам рудогенеза приближается к дисперсному золоту Карлина [9]. Оно имеет тесную связь с Fe, S, As, а также с органикой, образуя металлоорганические комплексы.

Говоря о тесной связи геохимических и биогеохимических процессов, об участии органического вещества в трансформации и образовании генетических связей с рудными составляющими, предлагаем комплексную биогеохимическую модель рудообразования для Дарасунского рудного узла.

Измененные осадочные породы протерозоя, содержащие остатки строматолитов и онколитов, могут свидетельство-

вать о том, что в протерозойское время на территории Дарасунского рудного поля существовал мелководный бассейн с многочисленной биотой. Специфика древних бассейнов Забайкалья способствовала широкому развитию микроорганизмов и строматолитовых построек, которые в условиях мелководья распространялись на огромных площадях. Первоначальное накопление золота и других рудных компонентов, поступающих в приповерхностную зону как с магматическим материалом в интрузивном и эффузивном режимах, так и с гидротермами, производилось циано-бактериальными матами. К числу происходящих в них биологических процессов следует отнести циклический диагенез в биотически контролируемой среде бассейна седиментации, биотические трансформации рудных компонентов в окислительно-восстановительных условиях, их сорбцию и биосорбцию на созданных микроорганизмами биогеохимических барьерах.

Вначале группой бактерий концентрировались в больших количествах Fe, Cu, As, в меньшей степени Bi, Cr, Ni, Co, Mo, широко распространенные в подрудных интервалах (полиметаллическая стадия рудообразования). По всей вероятности, Ag и Au либо опосредованно в меньшей мере накапливались другой группой бактерий, либо осаждались в результате хемосорбции на свежесформированных минералах Cu, Fe и As. Практически на всех месторождениях золото-сульфидно-кварцевой формации сообщества бактерий приводили к аккумуляции рудообразующих элементов. Далее следовали процессы сульфатредукции цианобактериями Fe, Cu, As в виде сульфидных минералов. Pb и Zn, явно присутствующие в гидротермах, видимо, либо с первыми возгонами в виде пепла уходили в атмосферу, либо, не реагируя и не участвуя в сульфатредукции, переходили транзитом в виде карбонатов или окислов (галенит-сфалеритовая подстадия). Обилие выделяемой серы создавало первичный повышенный геохимический фон, достаточный как для образования основных сульфидов Fe, Cu, As, так и для тиосульфатов Ag и Au.

Помимо этого, могли образовываться устойчивые металлоорганические комплексы золота с углеродом в составе гуминовых и фульвиокислот.

Метасоматические процессы в виде твердофазной и жидкофазной миграций во время вулканической переработки протерозойских пород раннепалеозойскими ультраосновными, основными и кислыми магмами (комплекс метаморфизованных габброидных и ультраосновных пород, инъецированный гранитоидной магмой) приводили к радиохимическим преобразованиям или разложению накопленных сульфидов и выносу рудных компонентов в виде тиосульфатных, хлоридных и гуминовых комплексов через поры и трещины пород. В результате полициклического многократного перераспределения рудных составляющих, о чем свидетельствуют зоны повышенных содержаний и переходные зоны, образовывались жильные и штокверковые структуры. Их образование могло быть связано как с процессом отложения рудных компонентов в пустотах и трещинах, так и с метасоматическим выносом одних элементов и привносом других. В последнем случае, как правило, кварц, Fe и Cu не трансформировались, а выносились, в основном, Ca, Mg, Al – элементы с малыми радиусами. Их сменяли Pb, Zn, а также золото в составе органического комплекса. Водород из разрушенного металлоорганического комплекса связывался с кислородом и переходил в состав окислов и гидроокислов, а оставшийся углерод выносился либо в виде эманаций CO, CO₂, либо в составе растворов HCO₃⁻, CO₃²⁻.

В среднепалеозойское-раннемезозойское время происходила циркуляция постоянно действующих, сменяющих друг друга по составу кисло-средне-щелочных интрузий в зоне тектономагматической активности. С ней связан привнос рудного материала (золото, как правило, связано с гранитами, но непосредственно рудообразующими они не являются), вынос (трансформация) хлоридных и металлоорганических комплексов из ранее существующих пород, а также продолжение процессов

твердофазной и жидкофазной миграции, направленных на вхождение рудных компонентов в кристаллические решетки пород. Под действием высоких температур, давления, направленных физических (тектонические напряжения) и химических процессов, разрушающих связи органического углерода с золотом, последнее частично переходило в самородное состояние (кварц-пирит-халькопиритовая золотоносная подстадия). Доказательством этого могут служить частичная графитизация, многократная перекристаллизация пород, наличие тяжелых фракций углерода.

В средне-позднеюрский этап, связанный с активным вулканизмом на территории Дарасунского рудного узла, на что указывает комплекс вулканогенных пород средне-позднеюрского возраста, происходило образование сульфосольной стадии рудогенеза, включающей пирит-арсенопиритовую (частично золотоносную) и пирротин-тетраэдрит-бурнонит-халькопирит-золото-теллуридно-сульфовисмутитовую (основная золотоносная) подстадии. В это время происходило обильное развитие сульфосолей (сульфидов, теллуридов, антимонита) Cu, Bi, Pb, As, Sb, Ag, имеющих пестрый минеральный состав, за счет распавшихся хлоридных и органометаллических комплексов и привнесенного вулканического материала в виде серы, теллура, мышьяка. На определенных стадиях углерод терял свою форму, и золото, входящее в состав металлоорганических комплексов, связывалось с сульфидами и арсенидами.

Во времена поздней юры – раннего мела на территории узла наблюдалась спокойная континентальная обстановка осадконакопления. В многочисленных реках, озерах, болотах происходило накопление песчано-глинистого материала с обилием органических остатков, существовавших в то время.

Огромные конуса выноса, формировавшиеся в межгорных долинах, накапливали крупнообломочный материал в виде конгломератов. При этом продолжалась периодически активная вулканическая деятельность магм средне-кислого состава

(предполагаемый ларамийский золотоносный вулканизм), несущих с собой рудоносные гидротермы как вновь поступающих рудных элементов, так и трансформированных из ранее образованных пород. Прослойки органического вещества являлись отличными биосорбентами металлических элементов и комплексов и фиксировали их в субвулканических телах фельзитов (особенностью фельзитов является интенсивное окварцевание) и кварцевых жилах (кварц-антимонит-сульфоантимонитовая, халцедон-карбонатная и кварц-барит-киноварная подстадии). Золото укрупнялось за счет органического углерода, переходило в самородную форму и далее связывалось с другими элементами в неорганической фазе. При этом органическая составляющая была практически полностью израсходована на перевод и укрупнение золота.

В послемеловой период происходило гипергенное (при активном участии бактерий и растительных сообществ) разрушение золотосодержащих выходов и транспортировка, в основном, речным стоком. Россыпное золото связано с русловыми и террасовыми отложениями современных долин, расположенных вблизи коренных месторождений и рудопроявлений.

Таким образом, можно предположить наличие трех основных генетических этапов золотообразования. Первый этап перераспределения рудного вещества и создания зон с повышенным содержанием элементов включает:

1) аккумуляционное накопление и сорбирование биотой рудных компонентов, привносимых магматическими флюидами в мелководные бассейны седиментации;

2) образование сульфатредуцирующих циано-бактериальных комплексов, мобилизирующих и фиксирующих окислительные и восстановительные (редуцирующие) процессы;

3) перевод биотой золота в мобильные формы, его транспортировка при помощи фульвио- и гуминовых кислот в составе металлоорганических комплексов, сорбция на геохимических барьерах. Роль биоты на первом этапе определяющая.

Второй этап — при повышенных температуре и давлении, действии растворов и тектонических напряжений, углерод терял свою форму, связи в металлоорганических комплексах разрушались и при наличии вулканической деятельности золото имело возможность образовывать соединения с серой и мышьяком в виде сульфидов и арсенидов.

Третий этап — экранирование сульфидного и укрупнение самородного золота прослоями органического вещества высших растительных форм. Фиксированное золото далее связывалось с другими элементами в неорганической фазе.

Для месторождения Дарасун нами определены второй и третий генетические этапы. За счет активного окисления хлором, тиосульфатами и кислородом происходила интенсивная дегидротация и органический углерод не успевал преобразовываться в битумные и керогеновые фракции и создавать металлоорганические комплексы. Важную роль играли твердофазные процессы. При активной вулканической деятельности определяющей стала возможность образовывать соединения с серой и мышьяком в виде сульфидов и арсенидов и иметь связь с другими элементами в неорганической фазе.

Напротив, для месторождения дисперсного золота Талатуй определяющими стали первый и второй генетический этапы.

Аккумуляция, биосорбирование, образование сульфатредуцирующих комплексов происходило при активном участии биоты. Трансформирующие процессы для рудообразующего вещества происходили также в биогенной фазе. Месторождение связано с органическими комплексообразователями. Талатуй характеризуется начальными стадиями оруденения в диапазоне от палеозоя до мезозоя. Отсутствие третьего этапа (укрупнение и сорбирование золота) проявилось в форме дисперсного золота.

Теремкинское месторождение в виде метасоматической зоны характеризуется промежуточным положением и определяется вторым генетическим этапом.

Говоря о генезисе Дарасунского рудного узла, необходимо иметь в виду сложностадийный многокомпонентный комплекс в виде рециклинга. Рециклинг — это направленный процесс, приводящий к этапному образованию (концентрированию) золота. Баланс тектономагматических, биотических и твердофазных процессов определял тенденцию и приводил к рудогенезу. При этом органический комплекс располагался и работал в верхней части земной коры, неорганический — в нижней. В зоне их пересечений наблюдаются конкурирующие процессы в виде осаждения и новой мобилизации рудного вещества.

Литература

1. Аферов Ю.А. Структура Дарасунского рудного поля // Геология и металлогения Дарасунского рудного поля. Чита: Изд-во Забайкальск. Фил. Геогр. Об-ва СССР, 1971. Вып. ЛП. С. 11-22.
2. Билибин Ю.А. Основные черты эндогенной металлогении Восточного Забайкалья // Материалы по эндогенной металлогении Советского Союза. (тр. ВСЕГЕИ), Госгеолтехиздат, 1953: (Избр. тр., Т. 3. М., Изд-во АН СССР, 1961. С. 319-365.
3. Генетические реконструкции эндогенных рудообразующих систем: сб. научн. тр. Новосибирск: СО АН СССР, 1982. 143 с.
4. Геологическая карта Читинской области. М-б 1:500000 / отв. ред. И.Г. Рутштейн. — М.: МПГИТ, 1992. 23 л.
5. Геологическое строение Читинской области: Объяснительная записка к геологической карте м-ба 1:500000 / отв. ред. И.Г. Рутштейн, Н.Н. Чабан. Чита, 1997. 239 с.
6. Геология и металлогения Дарасунского золоторудного поля / отв. ред. В.Г. Звягин, А.И. Сизиков. Чита: Изд-во Забайк. Фил. Географ. О-ва СССР, 1971. Вып. 52. 147 с.

7. Старченко В.В. Краткий очерк геологического строения Центрального Забайкалья: материалы по геологии и полезным ископаемым Читинской области. М., 1963. Вып. 1. С. 3-15.

8. Тимофеевский Д.А. Геология и минералогия Дарасунского рудного региона // Труды ЦНИГРИ. 1972. Вып. 98. 260 с.

9. Секисов А.Г., Зыков Н.В., Королев В.С. Дисперсное золото. Геологический и технологический аспекты. Чита: ЧитГУ, 2007. 270 с.

10. Спиридонов А.М. Геолого-промышленная характеристика золото-рудных месторождений Читинской области: матер. регион. конф. геологов Сибири, Дальнего Востока и Северо-Востока России. Т. 2. Металлогения и полезные ископаемые. Томск, 2000. С. 145-147.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Барабашева Е.Е., канд. геол.-минер. наук, доцент каф. «Гидрогеология и инженерная геология», ст. науч. сотрудник, Геологический научный центр ЗабГУ

Раб. тел.: 8 (3022)35-58-56

E. Barabashева, senior Research assistant of Zabaykalsky State University Geological Scientific Centre, Candidate of Geological and mineralogical Sciences, assistant professor

Научные интересы: геоэкология, биогеохимия, охрана геологической среды, музееведение

Scientific interests: geoecology, biogeochemistry, geological environment protection, museum studies

УДК 621.039.7

*Овсейчук Василий
Афанасьевич
Vasily Ovsyichuk*

*Крылов Дмитрий
Алексеевич
Dmitry Krylov*

*Сидорова Галина
Петровна
Galina Sidorova*

РАДИАЦИОННЫЕ ВЫБРОСЫ ОТ УГОЛЬНЫХ ТЭС

RADIATING EMISSIONS FROM COAL THERMAL POWER PLANTS

Поднимается проблема выбросов радиоактивных веществ при сжигании угля на угольных ТЭС. Приводятся результаты исследований ряда авторов по данному вопросу и делаются выводы о необходимости решения данной проблемы

Ключевые слова: уголь, зола, шлак, радиоактивность, естественные радионуклиды (ЕРН), нормы радиационной безопасности (НРБ)

The article raises the problem of radioactive substances emission from burning coal at coal thermal power plants. The results of researches by several authors on this subject are given and conclusions about necessity of the problem solution are done

Key words: coal, ash, slag, radioactivity, natural radionuclides (NRN), radiation safety standards (RSS)

Уголь считается экспертами одним из самых перспективных мировых источников энергии. Последние события на японской АЭС «Фукусима-1» заставили мировое сообщество обратить внимание на вопросы безопасности атомной энергетики, и некоторые страны объявили о приостановке программ развития АЭС.

Мировая экономика ежегодно потребляет около 4 млрд т энергетических углей. По оценке рабочей группы по углю комитета по энергетике ЕЭК ООН, уголь обеспечивает примерно 27 % мирового производства энергии. В электроэнергетике эти значения еще выше. С использованием угля в мире производится примерно 44 % всей

электроэнергии, в том числе в странах Европы – 42 %.

Прогнозы показывают, что в перспективе потребность в энергетических углях будет расти во всем мире. По оценке академика РАН А. Э. Канторовича, проанализировавшего прогнозы мирового производства угля, с 2007 по 2025 гг. потребление угля будет увеличиваться на 1,5 % в год [2].

В Долгосрочной программе развития угольной промышленности России на период до 2030 г. (рассмотренной 15 апреля 2011 г. на президиуме Правительства РФ) отмечено, что при существующих уровнях добычи угля его запасов хватит на 600 лет.

Российские ТЭС традиционно являлись крупнейшими потребителями угля на внутреннем рынке. По данным А.Г. Тумановского (ОАО «ВТИ»), прозвучавшим в докладе на саммите Института Адама Смита «УГОЛЬ СНГ 2012» 23 мая 2012 г., в настоящее время в России находятся в эксплуатации 116 угольных ТЭС [1].

Наиболее уязвимым местом в угольной энергетике является экологическое воздействие предприятий угольного топливного цикла. Внимание природоохранных организаций привлекают такие мощные загрязнители, как сера, зола, тяжелые металлы, содержащиеся в углях, и выбросы этих загрязнителей в окружающую среду при сжигании угля на ТЭС. В последние годы внимание привлекает и радиационное загрязнение, создаваемое угледобывающими предприятиями и угольными ТЭС [6].

Радиационная опасность угольных шахт и угольных ТЭС, связанная с естественными радионуклидами, содержащимися в углях — одна из важных проблем угольной энергетике, которая порой недооценивается в современном мире, но требует предельного внимания. Радионуклиды, поступающие в воздух из дымовых труб ТЭС, попав в атмосферу, рассеиваются, образуя сложное объемное поле. В пределах этого образования концентрация вещества уменьшается с увеличением расстояния от максимума у выхода из трубы до минимальных (фоновых для данного района) значений.

Проводимые исследования показывают, что радиоактивность почв и воздуха на территориях, прилегающих к ТЭС, порой в несколько раз превышает не только фоновые, но даже предельно допустимые значения. Это напрямую зависит от того, какой именно уголь использует конкретная ТЭС, от технологии подготовки угля и технологии его сжигания [3].

При среднем содержании урана в земной коре — 2,0 г/т, среднее содержание урана в богатых золах достигает 400 г/т [10]. Удельные активности ЕРН в летучей золе превышают их средние значения в почве для ^{232}Th — в 1,5...2,0 раза, для ^{226}Ra и ^{40}K — в 4-5 раз, а для ^{238}U и ^{210}Pb — в 10-

20 раз [4]. При исследовании загрязненности золошлаковых отходов естественными радионуклидами на 50 российских ТЭС, использующих 20 видов углей, было выявлено, что некоторые угли, такие как подмосковные и азейские, при сжигании дают превышение по ЕРН до 520 Бк/кг [11, 8].

Учеными Томского политехнического университета установлено, что в некоторых угольных месторождениях Канско-Ачинского бассейна содержание урана в углях достигает первых сотен грамм на 1 т угля, что ставит вопрос о невозможности использования подобных углей в качестве энергетических без предварительной обработки или принятия мер по улавливанию этих радиоактивных элементов [7; 9].

Исследованиями Н.А. Титаевой установлено, что в золе, собранной с электрофильтров дымового тракта Назаровской ТЭС, работающей на углях Канско-Ачинского месторождения, концентрация урана увеличилась по сравнению с исходным углем в 2 раза, а по торию — в 4 раза. Кроме того, установлено, что основная часть урана в углях связана с органическим веществом и при его сгорании высвобождается, конденсируясь на тонкодисперсных аэрозолях, в значительной степени не улавливаемых электрофильтрами. Основная часть тория, напротив, находится в углях в минеральной их части и естественно остается в составе золы [12].

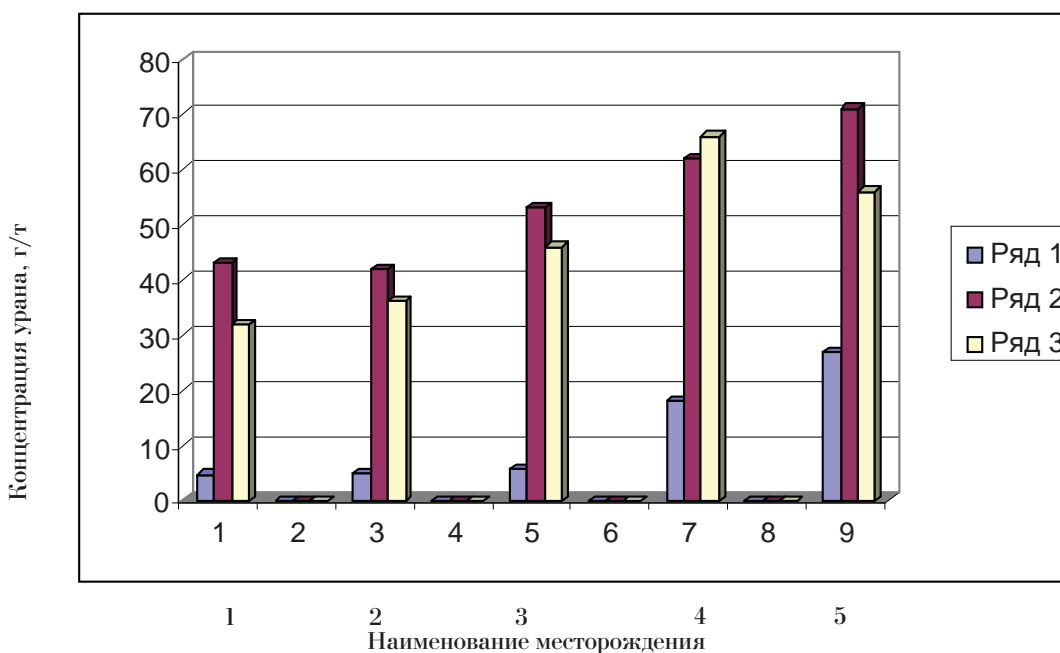
По результатам радиоэкологического обследования, проведенного сотрудниками НИИ Физики при Ростовском государственном университете, на Несветайской и Новочеркасской ГРЭС, работающих на углях Восточного Донбасса, оценены плотности радиационного загрязнения в окрестностях электростанций от выбросов ГРЭС, которые сформировались за период их эксплуатации. Так, для зоны максимального загрязнения при радиусе 0,4...1,0 км вокруг Несветайской ГРЭС оценки дали следующие значения: для ^{238}U — более 240 мКи/км², для ^{226}Ra более 9 мКи/км² и для ^{210}Pb примерно 29 мКи/км² [4]. В целом, результаты проведенных полевых и лабораторных исследований для этих ГРЭС показали, что

их выбросы оказывают существенное влияние на формирование радиационной обстановки в районах их расположения.

При сжигании кузнецких углей в их золах отмечается концентрирование радиоактивных элементов. Коэффициент концентрации в зависимости от полноты озоления угля, марочного состава и зольности угля, для урана и тория колеблется от 1,5...2 до 10...15. Б.Ф. Нифонтов и др. отмечают, что в бурых окисленных углях

одного из северных районов Кемеровской области (пласт «Итатский») выявлено содержание урана – 139 г/т, а в золошлаковом материале – 902,6 г/т, в пересчете на UO₂ – 1023,9 г/т [5].

Исследования забайкальских углей показывают, что концентрации урана в продуктах сжигания углей увеличиваются от 2 до 9 раз, результаты исследований приведены на рисунке и в табл. 1.

Концентрация урана в углях и продуктах их сжигания на Забайкальских буроугольных месторождениях: 1 – Окино-Ключевское; 2 – Татауровское; 3 – Харанорское; 4 – Уртуйское; 5 – Кутинское; 1 ряд – уголь; 2 ряд – зола; 3 ряд – шлак

Таблица 1

Концентрация радиоактивных элементов в углях и продуктах их сжигания на угольных месторождениях Забайкалья (Г.П. Сидорова)

Месторождения углей	Концентрация радиоактивных элементов в продуктах сжигания углей, г/т											
	²³⁸ U			²²⁶ Ra			²³² Th			⁴⁰ K		
	уголь	зола	шлак	уголь	зола	шлак	уголь	зола	шлак	уголь	зола	шлак
Окино-Ключевское	4,7	43	32	1,7		3,5	1,2		2,4	6,6		5,5
Татауровское	4,8	42	36	2,1		13	1,8		7,1	6,9		13
Харанорское	5,8	53	46	2,0	28	25	1,6	12	11	2,1	13	10
Уртуйское	18	62	66	3,5	43	64	2,8	13	14	13	70	80
Кутинское	27	71	56	2,5		8,8	2,2		3,8	14		10

Данные разных авторов по значениям удельных активностей ЕРН в летучей золе угольных ТЭС (полученные в большинстве случаев путем расчетных оценок) приведены в табл. 2 [4]. Хуже всего системами очистки дымовых газов ТЭС улавливаются самые мелкие частицы летучей золы, в которых концентрация радионуклидов наиболее высока.

В табл. 2 приведены данные по среднему содержанию урана и тория в каменных и бурых углях, сжигаемых на ТЭС, и в золе углей различных ТЭС. Из этих показателей видно как увеличивается содержание урана и тория в золах углей по сравнению с исходными углями [11].

Таблица 2

Содержание тория и урана в углях, использованных на ТЭС и в золе-уносе ТЭС, г/т

Название ТЭС (ТЭЦ)	В угле		В золе-уносе ТЭС	
	Th	U	Th	U
Углегорская	8,8	3,0	37,2	7,6
Зуевская	6,0	2,7	56,0	10,4
Кураховская	7,8	2,1	16,7	2,9
Мироновская	11,3	3,8	32,4	4,2
Новочеркасская	3,4	1,4	33,0	5,2
Луганская	10,3	2,1	17,8	4,5
Шахтинская	4,6	2,6	23,9	7,0
Московская ТЭЦ-22	3,8	1,4	51,5	4,9
Владимирская ТЭЦ-1	2,4	1,6	25,9	2,9

В табл. 3 на примере сжигания углей ФРГ показано, что эмиссия U зависит от марки угля: в каменных углях обогащение тончайшей фракции золы существенно выше (2 против 0,8), чем в бурых,

независимо от способа сжигания первых. Эти данные косвенно указывают на то, что формы нахождения урана в каменных и бурых углях ФРГ существенно различаются [10].

Таблица 3

Содержание урана в углях ФРГ и продуктах их сжигания

Уголь	Способ сжигания	Содержание урана, г/т			Соотношение урана в зольном уносе после электрофильтров к зольному уносу на электрофильтрах
		в угле	в зольном уносе на электрофильтрах	в зольном уносе после электрофильтров	
Каменный	Сухое золоудаление	1,6	19	38	2,0
Каменный	Жидкое шлакоудаление	2,2	21	42	2,0
Бурый	Сухое золоудаление	1,1	7,4	6,2	0,8

Даже при сжигании углей с низкими концентрациями радиоактивных элементов в продуктах их сжигания содержание урана и тория в золе-уносе обычно увеличивается в 3...4 раза по отношению к исходному топливу, а иногда и выше, например, в 9 раз, как на Окино-Ключевском месторождении в Забайкалье.

При использовании полученных золошлаков для отсыпки дорог и в качестве искусственных грунтов, радиоактивный фон возрастает в два – три раза относительно местного фона, что следует учитывать при использовании этих материалов [4; 7; 10].

В заключение следует отметить, что в России ЕРН в добываемом угле (за исключением уртуйского угля) не контролируется. Угли с повышенным содержанием ЕРН поступают к потребителю, что приводит к дополнительной нагрузке на окружающую среду за счет выбросов из труб радиоактивных аэрозолей и образование золы с повышенным содержанием ЕРН. Авторами не найдены сведения о радиационном контроле угля и в зарубежных странах, кроме единичных исследований, проводящихся в научных целях. Результаты приведенных ранее исследований доказывают, что при работе ТЭС содержащиеся в угле радионуклиды с продуктами их сжигания (золошлаковыми отходами и газоаэрозольными выбросами) попадают в биосферу и служат источником радиоактивного загрязнения окружающей среды и облучения людей. Опасностью для окружающей среды, особенно при повышенной радиоактивности золы (выше 370 Бк/кг), являются также и пылеунос с золоотвалов. Природные радионуклиды из золоотвалов могут попадать в организм людей по пищевым цепочкам и при размывии золоотвалов водой.

Для снижения облучения персонала и населения, проживающего в районах расположения угольных предприятий и угольных ТЭС, необходим хорошо организованный контроль как за содержанием ЕРН в энергетических углях, так и за выбросами

ми в атмосферу угольных ТЭС. Решение проблем радиоактивности углей требует централизованного подхода и создания соответствующей нормативной базы. В настоящее время нормы радиационной безопасности (НРБ – 99/2009) ограничивают только применение шлаков в строительных целях. Уголь по радиационному признаку не нормируется. Опыт разработки Уртуйского угольного месторождения, часть углей которого имеет повышенное содержание ЕРН, показывает, что возможно создать эффективную систему контроля качества угля по радиационно-гигиеническому фактору, тем самым обеспечив охрану окружающей среды и здоровья населения [3].

В настоящее время в международной практике нормирования радиационного воздействия на население существуют несколько регламентов для облучения, связанного с загрязнением окружающей среды, но регламенты, действующие на АЭС, не распространяются на ТЭС, работающие на органическом топливе. В сущности, если дозы могут приближаться к 0,5 бэр/год, то те же основания, по которым выделена и существует категория Б объектов атомной промышленности, имеются и для отнесения к ней людей, проживающих вблизи угольных ТЭС. Это возможно при условии организации соответствующего мониторинга в окружающей среде и наблюдения за здоровьем населения.

Литература

1. Тумановский А.Г. Пути совершенствования и развития угольных ТЭС (доклад на саммите Института Адама Смита «УГОЛЬ СНГ 2012» 23 мая 2012 г.).
2. Энергетика и охрана окружающей среды / Под ред. Н.Г. Залогина, Л.И. Кропна и Ю.М. Кострикина. М.: Энергия, 1979. 352 с.
3. Суханов Р.А., Сидорова Г.П. Проблемы использования углей с повышенной радиоактивностью // Горный журнал. 2009. № 2. С. 43-45.
4. Давыдов М.Г., Тимонина Ю.А. Радиационная обстановка в районе расположения ГРЭС Ростовской области // Теплоэнергетика. 2003. № 12. С. 8-13.
5. Арбузов С.И., Волостнов А.В., Машенькин В.С. Радиогеохимическая характеристика углей Северной Азии // Энергетик. 2010. № 3. С. 2-8.
6. Алукер Н.Л., Васильев И.А., Еременко А.Н., Нечаев А.Ф. Проблема радиационной безопасности угольной отрасли: сб. докл. конф. // Экологические проблемы угледобывающей отрасли в регионе при переходе к устойчивому развитию. Кемерово. 24-25 февраля 1999. С. 139-149.

7. Рихванов Л.П., Ершов В.В., Арбузов С.И. Комплексное эколого-геохимическое исследование углей // Уголь. 1998. № 2. С. 54-57.
8. Арбузов С.И., Рихванов Л.П. Геохимия радиоактивных элементов. Томск: Томский политехн. ун-т, 2010. 300 с.
9. Арбузов С.И., Ершов В.В., Поцелуев А.А., Рихванов Л.П. Редкие элементы в углях Кузнецкого бассейна. Кемерово, комитет природных ресурсов по Кемеровской области. 1999. 248 с.
10. Юдович Я.С., Кетрис М.П. Уран в углях // Сыктывкар, 2001. 84 с. (Коми научный центр Уро РАН).
11. Белосенко Н.А., Соловьянов А.А. Принципы программного обеспечения радиационно-экологической безопасности на объектах ТЭК России // Безопасность труда в промышленности. 1996. № 1. С. 30-34.
12. Титаева Н.А. Геохимия изотопов радиоактивных элементов (U, Th, Ra): дис. д-ра геол.-минер. наук. М. 2002. 91 с.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Овсейчук В.А., д-р техн. наук, профессор, Забайкальский государственный университет, ведущий научный сотрудник Забайкальского института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН
MKS3115637@Yandex.ru

V. Ovseichuk, Doctor of Engineering Sciences, professor, Zabaikalsky State University, leading scientific employee, Zabaikalsky Institute of Natural Resources, Ecology and Kriology of the Russian Academy of Sciences

Научные интересы: геология, геотехнология урановых месторождений, охрана окружающей среды, радиационная безопасность

Scientific interests: geology, geotechnology of uranium deposits, protection of environment, radiation safety

Крылов Д.А., канд. техн. наук, ст. науч. сотрудник, ФГУ РНЦ «Курчатовский институт»
krylova.ver@yandex.ru

D. Krylov, Candidate of Technical Sciences, senior researcher RRC «Kurchatov Institute»

Научные интересы: охрана окружающей среды, радиационная безопасность

Scientific interests: environmental protection, radiation safety

Сидорова Г.П., канд. техн. наук, доцент кафедры гидрогеологии и инженерной геологии, Забайкальского государственного университета (ЗабГУ)
druja@inbox.ru

G. Sidorova, Candidate of Technical Sciences, assistant professor, Hydrogeology and engineering geology department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: экологические проблемы, связанные с отработкой угольных месторождений

Scientific interests: environmental problems connected with coal deposits working off

УДК [56+551.7]:550.8.528

Синица Софья Михайловна
Sofia Sinitsa

ЮРСКАЯ ТРУБЧАТАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ЗАБАЙКАЛЬЯ

JURASSIC TUBULAR PROBLEMATIC OF ZABAİKALIE

В терригенных отложениях морской юры на левобережье р. Шилка крайне редки органические остатки, представленные аммонитами амальтеусами, двустворками, гастроподами и следами жизнедеятельности. В последние годы палеонтологическая характеристика юрских отложений дополнена многочисленными энigmatami и в том числе новой трубчатой проблематикой *Ponomaria zergunensis* (местонахождение Зергун), которая испытывает наибольшее сходство с погонофорами

Ключевые слова: *пономарии, трубчатая проблематика, погонофоры, морская юра, энigmatamы*

The organic remains, which are presented by ammonites *Amaltheus*, myarians, gastropods and traces of life activity, are scarce in terrigenous deposits of marine Jurassic on the left bank of the Shilka River. In recent years the paleontologic characteristic of Jurassic deposits has been supplemented with numerous aenigmatas and with new tubular problematic – *Ponomaria zergunensis* (Zergun occurrence), which has the greatest similarity with pogonophora

Key words: *Ponomaria, tubular problematic, pogonophora, marine Jurassic, aenigmatas*

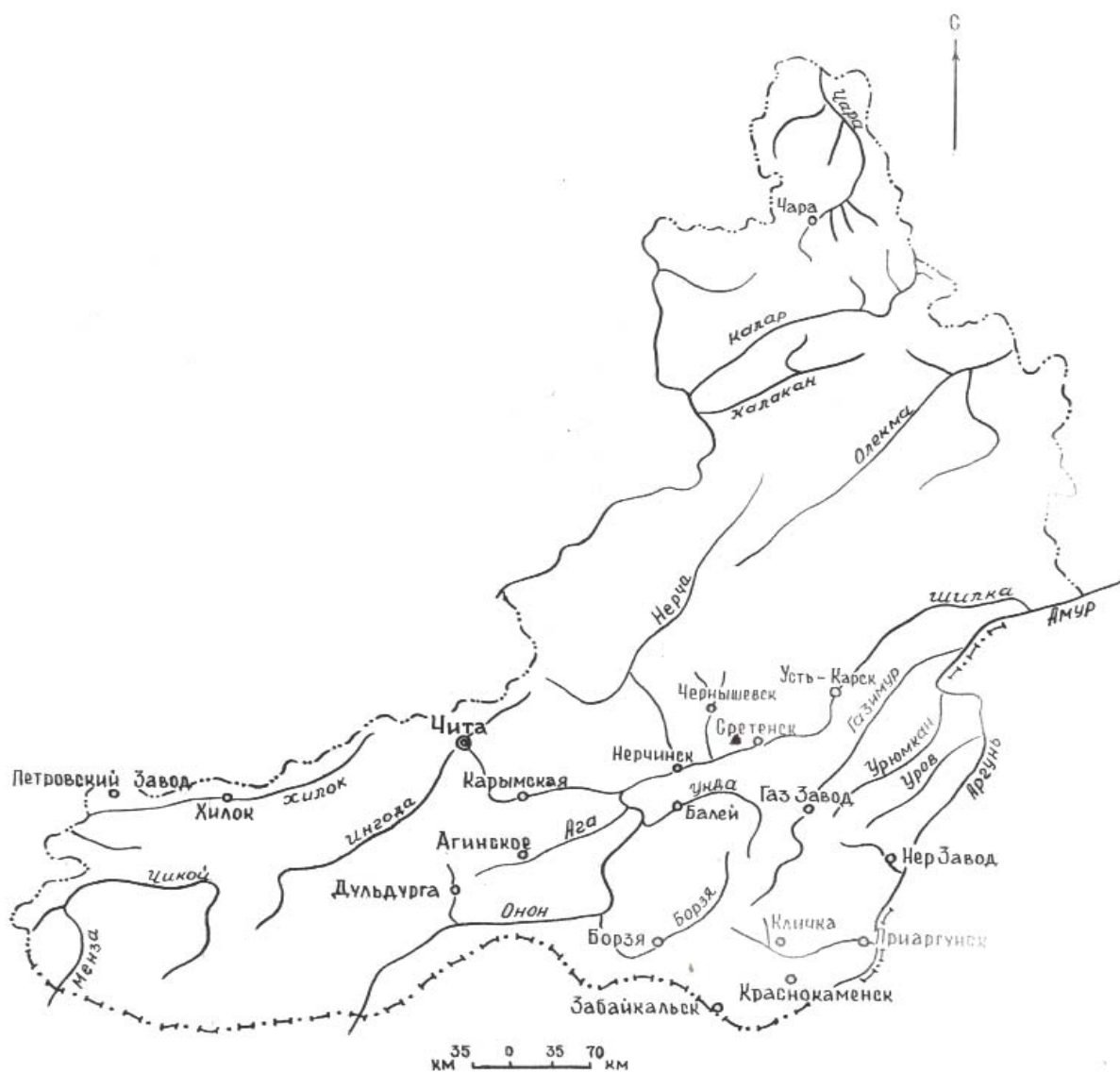
В зоне Монголо-Охотского глубинного разлома на левобережье Шилки (см. рисунок) в тектонических блоках развиты терригенные отложения нижней юры, которые относились геологами к таменгинской свите (верхний плинсбах), а палеонтологом Т.М. Окуновой – к государевской свите (тоар) [1]. В 70-гг. XX в. в алевролитах свиты междуречья Матакана и Зергуна найдены единичные раннеюрские аммониты *Amaltheus*, двустворки и гастроподы. В 2004 г. в данных отложениях установлен слой (10 см) с многочисленными трубчатками, представленными ядрами, полностью выщелоченными формами или псевдоморфозами железистых образований. Коллекция трубчатой фауны состоит из цилиндрических форм с овальным сечением и с железистой внешней оболочкой, а также из сплюснутых, сдавленных, видимо, мягких и эластичных, возможно, хитиновых

форм. Последние часто пустые внутри или замещены железистыми соединениями и сплюснуты, их поперечное сечение – неправильный эллипс. Встречаются трубки в виде усеченного конуса. Поверхность трубок гладкая или же с нечетко проявленными поперечными ребрами, ориентированными косо по отношению к оси трубки. Иногда посередине трубок виден плотный осевой стержень. Встречаются трубки полностью пустые внутри и лишь с узкой внешней железистой каемкой («футлярные трубки»). Различаются слоистые (скорее волокнистые) и массивные неслоистые формы. Длина трубок достигает 7...20 мм, диаметр – 0,01...0,8...4 мм. Обычны гнездовые захоронения. Реже многочисленные, часто плотно прилегающие друг к другу трубки, ориентированы и образуют пластовые захоронения. Совместно с трубками встречаются двустворки, реже – гастропо-

ды. В соседних слойках, лишенных трубок, обнаружены плоские следы жизнедеятельности илоедов *Onopolithos* и *Planolites*.

Микроскопическое изучение трубок в шлифах проведено петрографом Е.И. Ищук (ОАО «ЛИЦИМС»). В шлифах встречены как поперечные, так и продольные срезы трубок диаметром 0,1...3, 5 мм. Поперечные сечения овальные, эллипсоидные, иногда с пережимом посередине. Продольные сечения редки, их длина достигает 5 мм. Строение трубок различное: встречаются пустотелые или «футлярные» трубки с нечетко выраженной внешней оболочкой, представленной гидроокислами

железа (толщина 0,03...0,15 мм); трубки, внутренняя часть которых выполнена вмещающей породой; трубки, замещенные полностью гидроокислами железа с нечеткой слоистой текстурой. В последнем случае внешняя часть трубок как бы двухслойная. Толщина стенок колеблется 0,02...0,08 мм. Редки продольные срезы конусообразных трубок и трубок с волнистой поверхностью. Диаметр широкой части трубки — 0,37 мм, более узкой — 0,22 мм. Толщина стенок 0,05...0,08 мм, в местах раздувов — 0,35 мм. Внутренняя часть трубки выполнена гидроокислами железа.

Местонахождение пономарий в юрских отложениях пади Зергун (черный треугольник)

Исследуемая трубчатая фауна близка по форме трубок (цилиндрические и усеченно-конические) к некоторым родам скафопод (*Laevidentalium*, *Fustiaria*), хиолитов (*Cirotheca* и др.) [3] и к трубчатой фауне неясного систематического положения — розанитесам (*Rozanites*) [4], от которых отличается отсутствием карбонатной или кремнистой раковины, эластичностью трубок, видимо, их хитиновым составом, слоистым строением. Перечисленные признаки сближают изучаемую трубчатую фауну с погонофорами отряда *Thecanephria* (роды *Polybranchia*, *Lamellisabella*, *Polybrachia*) (твердые толстостенные формы) и с представителями отряда *Athecanephria* (роды *Siboglinum*, *Oligobrachia*, *Zenkevitchiana*) (гибкие нежные эластичные трубки) [2; 3]. Б.С. Соколов отнес к погонофорам венд-кембрийские трубки Восточно-Европейской платформы, объединив их в отряд *Sabelliditida* с двумя семействами *Sabelliditidae* и *Saarginidae*. Исследуемая нами трубчатая фауна обнаруживает сходство с представителями первого семейства сабеллитид. По цилиндрической форме трубок, нечеткой морщинистой скульптуре, слоистому (волокнутому) строению, большой длине изучаемые нами трубки близки к родам *Sabellidites*, *Parasabellidites* и *Pa-leolina* [5].

Далее приводится описание нового рода и двух видов трубчатой проблематики из нижнеюрских отложений Забайкалья. Коллекция трубчатой проблематики хранится в ИПРЭК СО РАН под № 1000.

ТИП, КЛАСС, ОТРЯД, СЕМЕЙСТВО

incertae sedis

РОД *PONOMARIA* SINTSA, 2012, gen. nov.

Название рода в честь палеонтолога А.Г. Пономаренко.

Типовой вид. *Ponomaria zergunensis* sp. nov.

Диагноз. Прямые цилиндрические, реже усеченно-конические трубки. Поперечное сечение трубок круглое, овальное, реже эллипсовидное. Поверхность трубок гладкая или покрыта нечеткими ребрами, направленными зачастую косо по отноше-

нию к оси трубки. Трубки обычно полые или замещенные монолитной породой, реже слоистые (волокнустые). В слоистых трубках выделяется отчетливо центральный стержень: он может замещаться вмещающей породой. Трубки толстостенные, поверхностный слой плотный с железистыми образованиями. У сжатых форм с одной стороны виден срединный желобок. В коллекции имеются неслоистые и слоистые (волокнустые) трубки, полностью замещенные вмещающей породой и с железистым поверхностным слоем, а также псевдоморфозы железисто-слоистых соединений по трубкам.

Длина трубок варьирует 4...20 мм, диаметр — 0,1...1-4 мм, толщина поверхностного слоя 0,01...0,35 мм.

Видовой состав. *Ponomaria zergunensis* gen.sp.nov., *P. lenta* gen.sp.nov. Нижняя юра, Восточное Забайкалье, левобережье р. Шилка, р. Зергун.

Сравнение. По морфологии трубок и наличию поперечных струек нарастания пономарии наиболее близки к скафоподам родов *Laevidentalium* и *Fustiaria*, от которых отличаются некарбонатным (вероятно, хитиновым) составом раковины, внутренним строением, отсутствием выемки и щели в апикальной части трубок, большими размерами. Некоторое сходство просматривается при сравнении пономарий с такими родами хиолитов, как *Cirotheca*, *Hyolithes* и др., от которых отличается цилиндрической и усеченно-конической формой раковины без ее деления на спинную и брюшную стороны, в основном округлым поперечным сечением, отсутствием личиночной стадии и внутренних поперечных перегородок.

По морфологии трубок, их сжатости и появлению срединного желобка пономарии близки к розанитесам из верхнепермских-нижнетриасовых отложений Забайкалья и Приморья, от которых отличается иным составом трубок, наличием усеченно-конических форм, скульптурой [4].

По цилиндрической форме трубок, наличию нечеткой скульптуры, слоистости (волокнутости) пономарии обнаруживают некоторое сходство с родами *Polybrachia*

и *Lamellisabella* отряда *Thecanephria* Ivanov, 1955 типа *Pogonophora* [3], а также с родами *Sabellidites* и *Parasabellidites* из нижнего кембрия Восточно-Европейской платформы [5], от которых отличается отсутствием воронкообразного устья, кольчатости и сегментации.

PONOMARIA ZERGUNENSIS SINITSA

gen.sp.nov.

Табл. 1, фиг. 1-4.

Название вида от р. Зергун.

Голотип — № 1000/ 1, ИПРЭК СО РАН; Восточное Забайкалье, левобережье р. Шилка, правый крутой борт пади Зергун на слиянии падей Зергун и Дыгиня; обнажение 1057, слой 1; нижняя юра.

Описание. Трубки цилиндрические или усеченно-конические, слегка сжатые, реже согнутые, с овальным поперечным сечением. Поверхность трубок гладкая, реже покрыта тонкими, нечеткими поперечными ребрышками, ориентированными косо по отношению к краям трубок. Структура трубок простая, однообразная, однако встречаются слоистые формы, для которых отмечается как бы волокнистое внутреннее строение с обособляющейся центральной осевой частью. Слоистость проявлена по-разному: встречены формы с несколькими концентрическими слоями вокруг осевой части и формы с многочисленными слоями, подчеркивающими волокнистую структуру. Осевая часть может быть пустой или замещаться вмещающей породой.

Размеры, мм: длина трубок 4...20; диаметр 0,1...4; толщина поверхностной стенки 0,015...0,08.

Изменчивость. Меняется форма трубок от цилиндрических до конусообразных (усеченный конус), четкость скульптуры и внутреннего слоистого строения.

Сравнение. Цилиндрическая и усеченно-коническая форма трубок пономарий данного вида позволят сравнивать их с хиолитами, скафоподами или розанитесами, от которых отличаются отсутствием карбонатной или кремнистой раковины, наличием центрального осевого стержня, нечеткой скульптуры. При сравнении с погонофорами отличия проявлены в отсут-

ствии сегментации, кольчатости и воронкообразного устья. Сравнение с совместно встречаемым видом *P. lenta* будет приведено при описании последнего.

Замечание. Трубки данного вида приурочены к темно-серым алевролитам на границе с мелкозернистым песчаником и образуют в основном гнездовые или пластовые, часто ориентированные напластования, редки рассеянные одиночные захоронения. Совместно встречаются единичные двусторонки, мелкие гастроподы и фрагменты древесины. В коллекции присутствуют в основном ядра, когда трубки нацело замещены вмещающей породой и сохраняется только внешняя поверхностная часть в виде бурого железистого материала и реже с обособленной осевой частью, а также слоистые псевдоморфозы из железистых и слюдистых образований.

Распространение. Морская нижняя юра. Левобережье р. Шилка, левый берег р. Зергун, на стрелке падей Зергун и Дыгиня. Восточное Забайкалье.

Материал. Свыше 100 фрагментов трубок-ядер и псевдоморфоз из нижнеюрских отложений местонахождения Зергун. Экземпляры: № 1000-2, 1000-3, 1000-4.

PONOMARIA LENTA SINITSA, gen. sp. nov.

Табл. 1, фиг. 5-8.

Название вида от лат. *lentus* — гибкий, мягкий.

Голотип — ИПРЭК СО РАН, № 1000-5; Восточное Забайкалье, левобережье р. Шилка, правый берег р. Зергун на слиянии рр. Зергун и Дыгиня, обн. 1057, слой 1; нижняя юра.

Описание. Трубки сплюснутые, прямые, реже слегка изогнутые или в виде усеченного конуса, сжатые с боков. Поперечное сечение неправильно-овальное, эллипсоидное, иногда треугольное. Воронкообразное расширение отмечалось только у двух форм. Поверхность трубок гладкая. У некоторых сильно сжатых форм фиксируется срединный желобок. Редки псевдоморфозы железистых и слюдистых минералов.

Размеры, мм: длина трубок варьирует 5...20, диаметр — 0,3...2, толщина поверхностного слоя 0,01...0,35.

Изменчивость. Меняется степень сжатости, а отсюда и форма поперечного сечения.

Сравнение. По морфологии трубок и их сжатости данный вид напоминает розанитесы из пермь-триасовых отложений акша-илинской серии Средне-Ононского прогиба, от которых отличается составом трубок, меньшими размерами, отсутствием скульптуры [4]. Сжатость трубок, эллипсовидное поперечное сечение, отсутствие слоистости отличает *P. lenta* от совместно встречаемых трубок *P. zergunensis* и позволяет предположить наличие у них мягкого

эластичного, возможно, хитинового покрова.

Замечание. Трубки данного вида приурочены к алевролитам, образуют гнездовые и пластовые захоронения (слойки до 1-2 см).

Распространение. Морская нижняя юра. Левобережье р. Шилка, левый берег р. Зергун, на стрелке падей Зергун и Дыгня. Восточное Забайкалье.

Материал. Свыше 100 трубок и их фрагментов из нижнеюрских отложений местонахождения Зергун. Экземпляры: № 1000-5, 1000-6, 1000-7, 1000-8.

Таблица 1

Объяснение к табл. 1.

Фиг. 1-4. *Ponomaria zergunensis* Sinitsa, gen. et sp. nov., трубки пономарий сбоку; Восточное Забайкалье, левобережье р. Шилка, местонахождение Зергун; нижняя юра: 1 – голотип № 1000/1 (x 10); 2 – экземпляр № 1000/2 (x 10); 3 – экземпляр № 1000/3 (x10); 4 – экземпляр № 1000/4 (x 10).

Фиг. 5-7. *Ponomaria lenta* Sinitsa, gen.sp.nov., трубки пономарий сбоку; Восточное Забайкалье, левобережье р. Шилка, левобережье р. Шилка, местонахождение Зергун; нижняя юра: 5 – голотип № 1000/5 (x 7); 6 – экземпляр № 1000/6 (x7); 7 – экземпляр № 1000/7 (x10).

Фиг. 8-9. Типы захоронений пономарий: 9 – № 1000/8 (x1), напластование трубок пономарий

Литература

1. Атлас фауны и флоры палеозоя и мезозоя Забайкалья: монография / А.В. Куриленко [и др.]; под ред. А.Н. Олейникова. Новосибирск: Наука, 2002. 713 с.
2. Друциц В.В. Палеонтология беспозвоночных. М.: МГУ, 1974. 519 с.
3. Основы палеонтологии. Справочник для палеонтологов и геологов СССР. Иглокожие, гемихордовые, погонофоры и щетинкочелюстные. Т. 10 / отв. ред. Р.Ф. Геккер. М.: Недра, 1964. С. 361-367.
4. Сеница С.М. Агглютированные трубки из акша-илинской серии (верхняя пермь-нижний триас) Восточного Забайкалья // Палеонтол. журн., 1998. № 3. С. 15-19.
5. Соколов Б.С. Сабеллитиды (*Rogonophora*) венда и раннего кембрия СССР // Проблемы палеонтологии. Доклады советских геологов на XXIII сессии Международного геологического конгресса. М.: Наука, 1968. С. 73-79.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Сеница С.М., д-р геол.-минер. наук, доцент, ведущий научн. сотрудник, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (ИПРЭК СО РАН)
Сл. тел.: 35-41-67

S. Sinitsa, Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, associate professor, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology of Siberian Branch under the Russian Academy of Sciences

Научные интересы: палеонтология и стратиграфия докембрия и фанерозоя Забайкалья и Монголии; тафономия и палеоэкология, палеоэкосистемы; охрана геологического наследия, Геологическая Красная Книга Забайкалья; геологические памятники; научный туризм

Scientific interests: paleontology and stratigraphy of Precambrian and Phanerozoic of Zabaikalie and Mongolia; taphonomy and paleoecology, paleoecosystems; protection of geological heritage, the Geological Red Book of Zabaikalie; geological monuments; scientific tourism

УДК 549.514: 553.621

*Юргенсон Георгий
Александрович
Georgiy Yurgenson*

*Лимберова Валентина
Васильевна
Valentina Limberova*

*Миронова Елена
Владимировна
Elena Mironova*

СТРОЕНИЕ И РУДНОФОРМАЦИОННАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ЖИЛЬНОГО КВАРЦА НА ИК-СПЕКТРАХ МЕТОДОМ МНОГОКРАТНОГО НАРУШЕННОГО ПОЛНОГО ВНУТРЕННЕГО ОТРАЖЕНИЯ

STRUCTURE AND ORE FORMATION MEMBERSHIP OF GANGUE QUARTZ ON THE IR SPECTRA BY MEANS OF MULTIPLE BROKEN TOTAL INTERNAL REFLECTION

Изложен первый опыт выявления отличий рудосного кварца среднеглубинной и малоглубинной золоторудных формаций методом МНПВО в ИК-области спектра. На спектрах МНПВО всех изученных образцов проявлены три дублета полос пропускания: при 480 и 540 cm^{-1} (K_1), 680 и 780 cm^{-1} (K_2) и 1075 и 1220 cm^{-1} (K_3). Положение и интенсивность указанных полос пропускания четко различаются у жильного кварца среднеглубинного Любавинского и малоглубинного Тасеевского месторождений. Выявлена прямая связь между интенсивностью полос пропускания на ИК-спектрах МНПВО и содержанием воды и обратная с величинами степени совершенства кристаллического строения жильного кварца

Ключевые слова: жильный кварц, многократное нарушенное полное внутреннее отражение, среднеглубинные и малоглубинные золотокварцевые рудные формации, совершенство кристаллического строения, Любавинское, Тасеевское месторождения

The first experience of identifying differences bearing quartz midwater and shallow goldbearing formations by the method of MBTIR in the infrared region of the spectrum is described. In the spectra of MBTIR all studied samples revealed three doublet bandwidth: at 480 540 cm^{-1} (K_1), 680 and 780 cm^{-1} (K_2) and 1075 and 1220 cm^{-1} (K_3). Position and intensity of these bandwidths are clearly differentiated from gangue quartz of midwater Lyubavinskoye and nearsurface reflection of Taseevskoye fields. A direct relationship between the intensity of bandwidth on the IR spectra of MBTIR, water content and feedback with the values of perfection degree of the crystal structure of gangue quartz is found

Key words: vein quartz, multiple frustrated total internal reflection, shallow and midwater zolotokvartsevye ore formation and perfection of the crystal structure, Lyubavinskoye deposit, Taseevskoye deposit

Методом многократного нарушенно-го полного внутреннего отражения (МНПВО) изучаются особенности строения вещества на молекулярном и надмолекулярном уровнях его организации. Метод применяется для изучения адсорбированного состояния молекул [2], искажения структуры и других свойств [1]. В минералогии и геологии рудных месторождений получение объективной картины особенностей строения минеральных агрегатов имеет большое значение для определения принадлежности их к минеральным телам, имеющим отношение к конкретным рудным формациям [5].

В предлагаемой работе изложен первый опыт выявления отличий рудоносного кварца двух важных в промышленном отношении золотоносных формаций, образующихся на различных глубинах от дневной поверхности: среднеглубинной и малоуглубинной. Жильные тела первой из них образуются на глубинах 1500...3000 м от дневной палеоповерхности, а вторые — на глубинах до 1000 м. Первые связаны с интрузивным магматизмом, а вторые — с вулканическими процессами [5]. Важнейшей промышленно-экономической особенностью малоуглубинных месторождений является их компактность, близость к дневной поверхности и высокие концентрации полезных компонентов, что обеспечивает возможность их высококорентабельного освоения.

В зависимости от глубин образования минеральных тел, часть которых представляют рудные месторождения, существенно варьируют скорости кристаллизации минеральных индивидов и их агрегатов, определяющие совершенство их кристаллического строения (СКС) [4, 5]. Совершенство проявляется в уширении пиков на дифрактограммах вследствие дисперсии углов дифракции рентгеновских лучей, обусловленной отклонением плоских сеток кристаллических структур от плоскости [5]. Типичными примерами разноглубинных месторождений золота указанных ранее рудных формаций в Забайкалье являются Любавинское (среднеглубинное золо-

токварцевое) и уникальное по запасам и содержанию золота Балеиско-Тасеевское (малоуглубинное золото-серебряно-кварцевое).

Материал и метод исследования. Для получения объективных численных критериев различия жильного кварца указанных формационных типов рудных месторождений используются достаточно трудоёмкие методы рентгеновской дифрактометрии, термобарогеохимии и ИК-спектрофотометрии тонких срезов кварца [3-9]. Данная работа выполнена на образцах кварца, взятых из коллекции большеобъемных выборок, изученных одним из авторов в 1980 —1990-х гг. в лаборатории минералогии ЗабНИИ МГ СССР. Степень совершенства кристаллического строения кварца определена методом рентгеноструктурного анализа, описанного в [9], содержание воды — в камерном электроде в соответствии с методикой М.С. Мецика и др. [3, 8], формы воды в кварце приведены из использованной коллекции [7] с учетом данных Г.В. Юхневича [10].

Для проверки возможности использования упрощенного способа отличий рудоносного жильного кварца, образующегося в различных условиях, использованы (МНПВО) на образцах, детально изученных одним из авторов указанными методами, и условия образования которых известны [4-6]. ИК-спектры МНПВО сняты с изученных ранее полированных образцов размером 1 x 1, 1 x 2 см на Фурье-спектрофотометре фирмы SHIMADZU в спектральном диапазоне 450...4000 см⁻¹ с диском из KBr при комнатной температуре в лаборатории Академической кафедры химии Забайкальского государственного университета Д.А. Никитиным. Скорость съемки 2 см⁻¹/с.

Результаты исследования и обсуждение. Жильный кварц Любавинского месторождения характеризуется кристаллически-зернистой равномерно-зернистой, субизометрично-зернистой структурой и массивной текстурой. Индивиды кварца обычно имеют размеры в пределах 0,6...2,0 мм. Под микроскопом наблюдается криволинейно-блочное и волнистое погаса-

ние, свидетельствующее о динамометаморфических изменениях кварцевого агрегата. В жильном кварце отмечаются полости с

Рис. 1. Облик кристаллическизернистого жильного кварца Любавинского месторождения среднеглубинной формации

мелкими головками кристаллов кварца, ассоциирующими с выделениями высококопировного золота и тетрадимита (рис. 1, 2).

Рис. 2. Полированный образец жильного кристаллическизернистого кварца Любавинского месторождения с включениями золота и тетрадимита. Ув. 10 раз

В таком жильном кварце нередко самородки золота, достигающие 3...5 см и массы до 38 г (жила Евграф). Однако указанные отличительные признаки кварца среднеглубинных месторождений визуальнo далеко не всегда отчетливо проявляются и для оценки принадлежности их именно к телам этой формации необходимы детальнe исследования.

Рис. 3. Халцедоновидный жильный кварц Тасеевского месторождения малоглубинной формации. Ув. 10 раз

Для жильного кварца малоглубинных формаций типично тонкозернистое, часто микрозернистое сложение, отдельные зерна макроскопически и даже при наблюдении под бинокулярным микроскопом не идентифицируются (рис. 3). Они видны преимущественно в шлифах при большом увеличении (рис. 4).

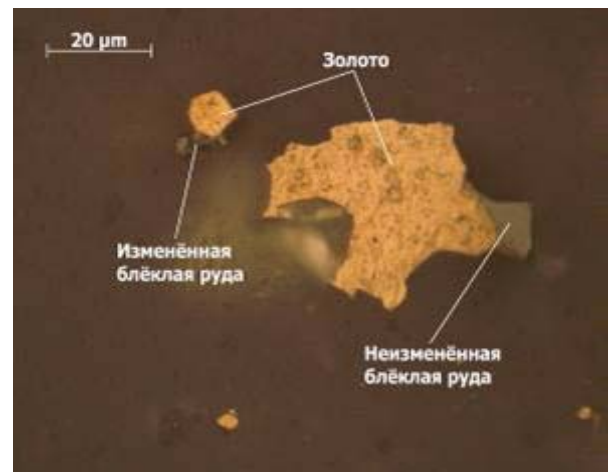

Рис. 4. Формы и размеры выделений золота и блеклой руды в микрозернистом кварце Тасеевского месторождения. Обр. 398-ю

В ряде случаев кварц имеет халцедоновидный облик. Размеры зерен находятся в пределах 0,01...0,1мм. Иногда зернистое строение обнаруживается только при изучении их в прозрачных петрографических шлифах. Часто они весьма близки к халцедону. В приконтактных частях жил с кварцем ассоциируют диксит и гипогенные каолинит и иллит. Среди них наблюдаются

все переходы от микрозернистых до среднезернистых, по большинству признаков весьма схожих с кварцем среднеглубинных объектов.

На спектрах МНПВО всех изученных образцов четко проявлены три дублета полос пропускания: при 480 и 540 см⁻¹, 720 и 780 см⁻¹ и 1075 и 1220 см⁻¹ (рис. 5...6). Обозначим их К₁, К₂ и К₃.

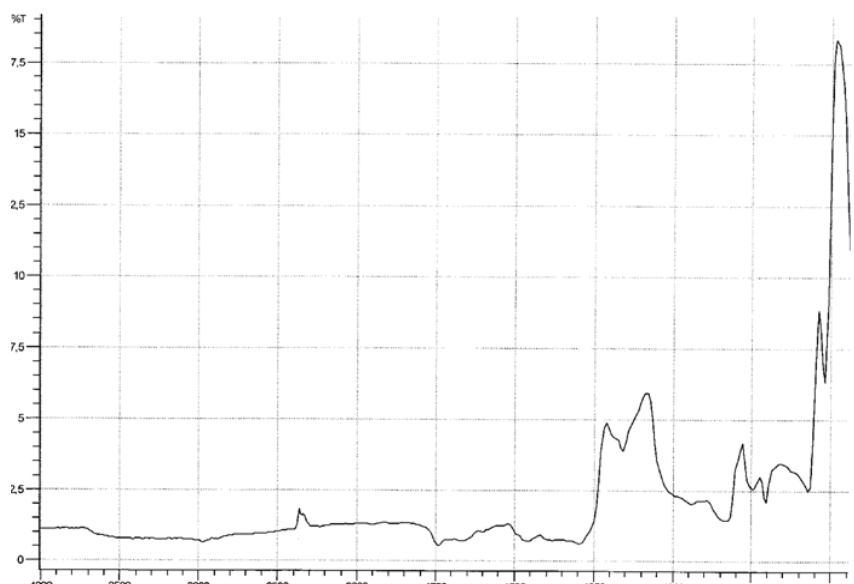

Рис. 5. Типичный ИК-спектр МНПВО жильного кварца Любавинского месторождения среднеглубинной золото-кварцевой формации

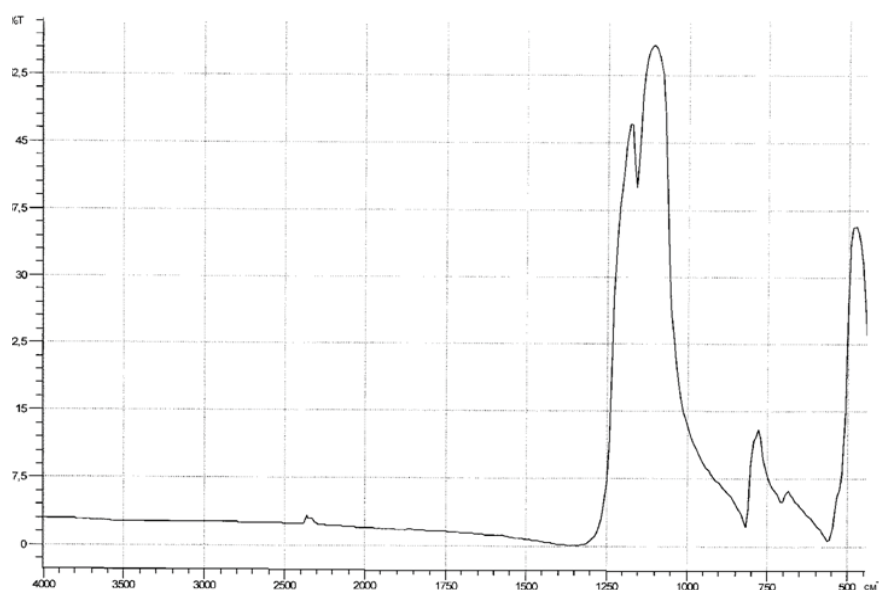

Рис. 6. Типичный ИК-спектр МНПВО жильного кварца Тасеевского месторождения малоглубинной золото-серебряно-кварцевой формации

Положение и интенсивность указанных полос пропускания четко различается у жильного кварца среднеглубинного Любавинского и малоглубинного Тасеевского

месторождений. Существенно различаются численные значения указанных характеристик полос пропускания на спектрах кварца различного строения (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение характеристик полос пропускания в ИК-области

№ п/п	Полосы пропускания (см ⁻¹) и их интенсивности, %											
	1	<u>2360</u> 2,4	<u>1740</u> 0,5	<u>1530</u> 1,75	<u>1460</u> 1,0	<u>1220</u> 4,8	<u>1075</u> 6,2	<u>870</u> 2,0	<u>770</u> 4,0	<u>720</u> 3	<u>650</u> 3,5	<u>540</u> 8,7
2	<u>2360</u> 2,57	<u>1740</u> 1,92	–	–	<u>1175</u> 50,7	<u>1125</u> 58,5	–	<u>780</u> 15	<u>730</u> 7,5	<u>630</u> 7,3	<u>530</u> 7,9	<u>470</u> 41
3	<u>2350</u> 3,1	–	–	–	<u>1160</u> 46,90	<u>1110</u> 55,6	–	<u>775</u> 13,3	<u>720</u> 6,0	<u>640</u> 6,2	<u>530</u> 6,0	<u>470</u> 35,8

Примечание: 1) числитель – положение полосы пропускания, знаменатель – интенсивность пропускания; 2) группы образцов – 1 – Любавинское месторождение, 2-3 – Тасеевское месторождение золота

В пределах ошибки метода для обоих структурных типов кварца на спектрах МНПВО практически идентичны лишь две полосы пропускания: при 2350...2360 см⁻¹ и 530...540 см⁻¹. Из них только относительно стабильная полоса при 540...530 см⁻¹ имеет среднее значение пропускания (8,7 и 6,0 %) соответственно для жильного кварца Любавинского и Тасеевского месторождений. Для всех остальных полос пропус-

кания кварца, кроме полосы пропускания при 1740 см⁻¹, интенсивность пропускания в 2...10 раз больше на спектрах МНПВО кварца Тасеевского месторождения. Это, вероятно, связано с тем, что кварц Тасеевского месторождения содержит на порядок больше воды (табл. 2) как в виде гидроксильных групп, так и в молекулярной форме, что нами было выявлено ранее [3, 5].

Таблица 2

Параметры ИК-спектров МНПВО, величины СКС и содержания воды в жильном кварце Тасеевского и Любавинского месторождений золота

Разность жильного кварца	Дублеты, полосы пропускания (см ⁻¹), их интенсивности (%) и отношения интенсивностей						СКС, %	Содержание воды, мкг/г
	K ₁		K ₂		K ₃			
	Полосы пропускания/интенсивности	Отношение	Полосы пропускания/интенсивности	Отношение	Полосы пропускания/интенсивности	Отношение		
Тасеевский халцедоно-видный	530, 470	0,17	775, 680	2,22	1160, 1110	0,84	29	6204
	<u>6,0</u> 35,8		<u>13,3</u> 6,0		<u>46,9</u> 55,6			
Тасеевский тонко-мелко-зернистый	530, 470	0,19	780, 680	2,0	1175, 1125	0,87	34	4997
	<u>7,9</u> 41		<u>15</u> 7,5		<u>50,7</u> 58,5			
Любавинский кристаллически-зернистый	540, 480	0,46	770, 720	1,33	1220, 1075	0,77	55	567
	<u>8,7</u> 18,7		<u>4,0</u> 3,0		<u>4,8</u> 6,2			

Примечание. В числителе – частоты полос пропускания, в знаменателе – их интенсивности

На ИК-спектрах микротонкозернистого и халцедоновидного кварца этого месторождения отсутствуют также полосы пропускания при 1530, 1460 и 870 см⁻¹.

Анализ изменения интенсивностей полос пропускания в указанных ранее дублетах (табл. 2) показал, что величины их отношений, характерные для ИК-спектров МНПВО кварца Тасеевского и Любавинского месторождений, существенно различаются. И эти отличия достаточно четко коррелируют со свойствами кварца, отображающими условия их образования. Отношение интенсивностей полос поглощения дублета К1 (530-480 см⁻¹), изменяющееся от 0,17 для малоупорядоченного халцедоновидного кварца, содержащего максимальное количество сорбированной воды как в виде гидроксильных групп, так и молекул, до 0,46 для значительно более упорядоченного кристаллически-зернистого кварца среднеглубинного Любавинского месторождения золотокварцевой формации. Эта характеристика совершенно четко коррелирует с возрастанием степени СКС от 29 до 55. При этом видно довольно четкое изменение содержания воды для этих же групп образцов от 6024...4997 мкл/г (кварц Тасеевского месторождения) до 567 мкл/г, более, чем на порядок (кварц Любавинского месторождения). Обратные зависимости совершенства кристаллического строения кварца и содержания в нем воды установлены в широчайшем диапазоне численных значений для огромных выборок жильного кварца (2...3 тыс. образцов), характеризующих практически все известные рудные формации [4 – 6]. Выявленные тенденции тренда величин отношений интенсивностей полос пропускания на ИК-спектрах МНПВО свидетельствуют о том, что они не случайны. Сравнение величин отношений интенсивностей полос пропускания для дублета К₂, уменьшающегося с

уменьшением содержания воды в кварце в образцах рассматриваемых разноглубинных месторождений, выявило обратную связь их с совершенством кристаллического строения.

Анализ изменчивости соотношений интенсивностей полос пропускания в области 1220...1075 см⁻¹ (дублет К₃) показал, что четкой связи между их величинами на ИК-спектрах МНПВО и структурно-текстурными особенностями кварца, а также степенью совершенства его кристаллического строения и содержанием воды не выявляется (табл. 2). Слабо различаются лишь кварц малоглубинного и среднеглубинного месторождений.

Тем не менее, собственно интенсивность полос пропускания в указанном дублете для рассматриваемых групп образцов жильного кварца различается почти на порядок: 46,9...50,7% (Тасеевское) и 4,8 % (Любавинское) для относительно низкочастотных и 55,6...58,5 % (Тасеевское) и 6,2 % (Любавинское) для относительно высокочастотных (рис. 5...6, табл. 2). Эти различия хорошо соотносятся с различием в содержании воды также почти на порядок: 5023 мкл/г (Тасеевское) и 567 мкл/г (Любавинское).

Выводы

1. Выявлены четкие связи между параметрами ИК-спектров МНПВО и свойствами жильного кварца, а именно: степенью СКС и содержанием воды.

2. Связь между интенсивностью полос поглощения на ИК-спектрах МНПВО прямая с содержанием воды и обратная с величинами степени совершенства кристаллического строения жильного кварца.

3. Дальнейшие исследования жильного кварца методом МНПВО в ИК области могут позволить получить новый экспрессный способ определения принадлежности кварца к различным золоторудным формациям.

Литература

1. Веттергрень В.И., Куксенко К.Н., Чмель А.А. Наблюдение с помощью НПВО приповерхностных искажений структуры аморфного кварца // Физика твердого тела. 1975, Т. 17, вып. 4. С. 1158-1162.

2. Золотарев В.М., Первеева А.Ф. Спектроскопия МНПВО – высокочувствительный метод изучения адсорбированного состояния молекул // Докл. АН СССР. 1972, Т. 204, № 4. С. 903-907.
3. Мецик М.С., Ларионов М.П., Новиков Г.К. Исследования в области физики твердого тела. Иркутск, 1973. Вып. 1. 139 с.
4. Юргенсон Г.А. Зависимость концентрации воды и углекислоты в кварце от давления в минералообразующих системах // Докл. АН СССР. 1991. Т. 318. № 3. С. 721-723.
5. Юргенсон Г.А. Зависимость совершенства кристаллического строения жильного кварца от условий его образования // Докл. РАН. 1996. Т. 349. № 3. С. 372-375.
6. Юргенсон Г.А. Типоморфизм и рудные формации. Новосибирск: Наука, 2003. 368 с.
7. Юргенсон Г.А., Перевертаев В.Д., Дубовиков Н.И. К вопросу о формах примесной воды в природных кварцах // Журн. прикладн. спектроскопии. 1976. Т. XXV, вып. 6. С. 1045-1049.
8. Юргенсон Г.А., Перевертаев В.Д., Горковенко В.А. О выделении воды из кварца при нагревании в вакууме // Геохимия. 1978. № 1. С. 133-138.
9. Юргенсон Г.А., Тумуров Г.Т. О совершенстве кристаллического строения жильного кварца // Изв. вузов. Геология и разведка. 1980. № 6. С. 50-59.
10. Юхневич Г.В. Инфракрасная спектроскопия воды. М.: Наука, 1973. 208 с.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Юргенсон Г.А., д-р геол.-минер. наук, зав. лабораторией геохимии и рудогенеза, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, профессор каф. «Химия», Забайкальский государственный университет, Засл. деятель науки РФ
yurgga@mail.ru

G. Yurgenson, Honored Science Worker of RF, Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, professor, head of Geochemistry and Ore Deposits genesis laboratory of Institute of Nature Resources, Ecology and Criology SB RAS, professor of chemistry department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: минералогия, геохимия, рудогенез, геммология

Scientific interests: mineralogy, geochemistry, gemology and ore deposits genesis

Лимберова В.В., канд. хим. наук, доцент каф. «Химия», Забайкальский государственный университет
limberovavv@gmail.com

V. Limberova, Candidate of Chemistry Sciences, assistant professor, Zabaikalsky State University

Научные интересы: изучение реальной поверхности твёрдых тел (минералов, полупроводников); исследование механизмов взаимодействия полуметаллов с природными глинистыми минералами; исследование механизма извлечение золота из глинистых минералов

Scientific interests: study of actual surface of solids (minerals, semiconductors), study of the mechanisms of interaction of semimetals with natural clay minerals, study of the mechanism of gold extraction from the clay minerals

Миронова Е.В., аспирант, каф. «Химия», Забайкальский государственный университет
Mironova20-11@mail.ru

E. Mironova, postgraduate student, Zabaikalsky State University

Научные интересы: исследование физико-химических свойств поверхности твердых тел в заданных условиях среды; изучение поверхности минералов

Scientific interests: study of physical and chemical properties of solid surfaces with defined environmental conditions, study of mineral surface

Педагогические науки

УДК 331.823

Воронов Евгений Тимофеевич
Evgeniy Voronov

Грошева Ирина Валерьевна
Irina Grosheva

**НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
 ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО
 ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В ОБЛАСТИ
 БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
 СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ**

**SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ACTIVITY OF ZABAISKALSKY
 STATE UNIVERSITY IN THE AREA OF LIFE SAFETY:
 MODERN WITHSTANDING AND PROBLEMS**

Представлена современная структура подготовки специалистов в области безопасности жизнедеятельности в Забайкальском государственном университете. Намечены пути совершенствования образовательной деятельности при переходе университета на двухуровневую систему образования в рамках Болонского международного соглашения. Указаны некоторые проблемы в организации обучения студентов по безопасности жизнедеятельности и внесены предложения по совершенствованию указанного обучения

Ключевые слова: *безопасность, культура безопасности, компетенции, ЗабГУ*

The article presents modern structure of specialists' preparation in the field of safety of vital functions in Zabaikalsky State University. Ways of improving educational activities during the transition in two-level system of education in the framework of the Bologna international agreement are pointed out. Some problems in the training of students on safety of vital functions and made proposals on improving the learning are suggested

Key words: *safety, safety culture, competence, ZabGU*

На современном этапе вопросы безопасности играют исключительную роль в обеспечении устойчивого инновационного развития России. Статистические данные показывают, что за последние 20 лет смертность в стране возросла более чем в два раза. В мировой статистике из 192 стран – членов ООН Россия по продолжительности жизни мужчин занимает 136 место, а женщин – 91 место. Сложилась угрожающая тенденция сокращения населения нашей страны. Причиной многих аварий,

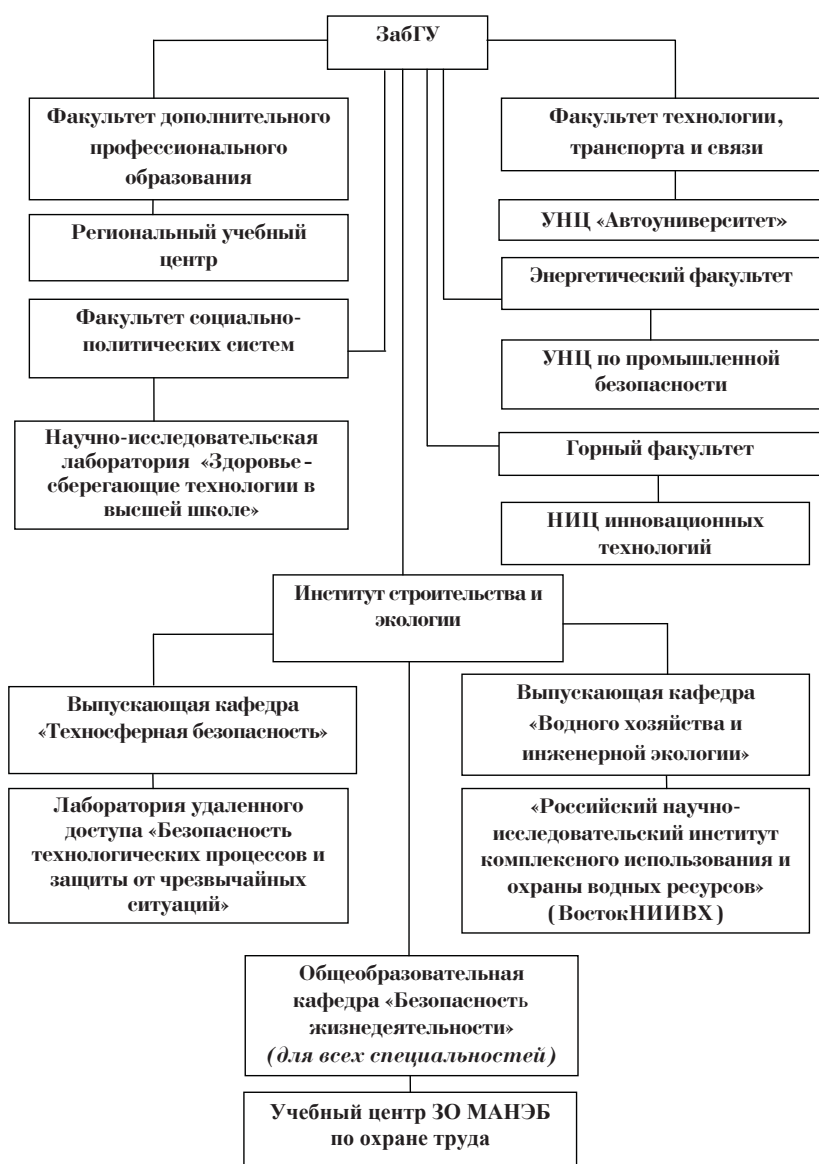
катастроф является человеческий фактор. По результатам расследования аварий – это преобладающая причина. Надежда на «русский авось» лежит в основе. Экологическая культура и культура безопасности населения неудовлетворительна. Это обстоятельство часто приводит к тому, что в проектах, управленческих решениях, действиях людей в производстве и быту вопросы безопасности не рассматриваются в качестве приоритетных. Наиболее весомым доказательством этого является крупнейшая в

истории России гидродинамическая авария на Саяно-Шушенской ГЭС с многочисленными человеческими жертвами и многомиллиардным экономическим ущербом для нашей страны [1, 6, 7].

Поэтому формирование культуры безопасности и приобретение будущими специалистами навыков безопасного поведения, соответствующих компетенций в области безопасности является одним из реальных путей решения перечисленных проблем. Одна из дисциплин, призванных содействовать подготовке специалистов та-

кого уровня – БЖД (безопасность жизнедеятельности).

В Забайкальском государственном университете (ЗабГУ) в последние годы значительно активизирована работа по открытию новых специальностей по направлению «Техносферная безопасность» и проведению научно-исследовательских работ в области экологической, промышленной и радиационной безопасности. Общая структура подготовки специалистов в области безопасности жизнедеятельности приведена на рисунке.

Структура подготовки специалистов в области БЖД в ЗабГУ

Одним из ведущих в области подготовки специалистов по данному направлению является инженерно-экологическое отделение факультета строительства и экологии ЗабГУ.

На отделении ведется подготовка по двухступенчатой системе «бакалавр — магистр» по направлениям: «Техносферная безопасность»; «Природообустройство и водопользование».

Факультет технологии, транспорта и связи уже несколько лет ведет подготовку специалистов по специальности «Организация безопасности движения».

В 2008 г. в университете открыты новые специальности «Безопасность технологических процессов и производств и «Защита в чрезвычайных ситуациях».

В сентябре 2012 г. исполнилось 23 года системному образованию в области безопасности жизнедеятельности в высшей школе России. За это время общепрофессиональная дисциплина «Безопасность жизнедеятельности» стала значимой дисциплиной профессиональной подготовки, реализуемой для всех направлений и специальностей в области техники и технологий, педагогики и сельского хозяйства.

Общеобразовательную деятельность в области БЖД в ЗабГУ уже более тридцати лет ведет кафедра безопасности жизнедеятельности, которая для всех специальностей (а их более 65), согласно образовательным стандартам, преподает две обязательные дисциплины: «Общая экология» (по циклу естественно-научных дисциплин) и «Безопасность жизнедеятельности» (по циклу общепрофессиональных дисциплин). Кроме того, на кафедре для отдельных специальностей ведется преподавание двенадцати смежных с БЖД дисциплин, таких как эргономика, гражданская оборона, Основы природопользования, Нормативы по охране окружающей среды, Особенности экологических условий Забайкалья, Экозащитная техника и технология, Аэрология горных предприятий,

Вентиляция шахт, Техногенные экологические риски, Основы безопасности труда, Безопасность ведения горных работ, Безопасность туризма.

Научно-образовательный потенциал кафедры составляют два доктора наук (профессора) и 12 кандидатов наук (доцентов). Ежегодно через кафедру БЖД проходят обучение и консультации по дипломному проектированию около 6 тыс. студентов очной и заочной форм обучения. Для совершенствования учебного процесса по БЖД, экологии, аэрологии и другим дисциплинам издано 10 учебных пособий, из которых 6 — с грифом Дальневосточного РУМЦ, сформирована видеотека из 100 фильмов и двух видеоцентров, разработан и внедрен комплекс лабораторных и практических работ.

Комплекс лабораторных работ по БЖД включает исследования параметров основных вредных и опасных производственных факторов, какими являются микроклимат, освещенность, шум, вибрация, запыленность, загазованность, температуры в пышки, защитное заземление и др.

Комплекс практических занятий по БЖД и экологии включает около 20 работ (учебно-методических указаний): принципы обеспечения БЖД; обучение безопасности труда; аттестация рабочих мест; расследование несчастных случаев; анализ причин травматизма по отраслям; безопасность питания; расчет зон поражения при ЧС природного и техногенного характера (6 работ); построение розы ветров; оценка токсичности захоронений; расчет средств защиты от шума и вибрации; расчет выбросов в атмосферу и водоемы; оценка экономического ущерба от выбросов в воздушный и водный бассейны; расчет выбросов от автотранспорта и т.д.

На стадии дипломного проектирования кафедра консультирует для всех технических специальностей раздел «Безопасность и экологичность проекта». Типовая структура данного раздела приведена в таблице.

Структура раздела «Безопасность и экологичность проекта» в дипломной работе

Номер раздела, подраздела		Название раздела
X*		Безопасность объекта проектирования
	X. 1	Исходные данные
	X. 2	Перечень нормативных документов
	X. 3	Анализ потенциально опасных факторов
	X. 3.1	Анализ вредных и опасных производственных факторов
	X. 3.2	Анализ воздействия на окружающую среду
	X. 3.3	Анализ возможных чрезвычайных ситуаций
	X. 3.4	Обоснование расчетной части
	X. 4	Охрана труда
	X. 4.1	Мероприятия по обеспечению комфортных условий труда
	X. 4.2	Мероприятия по защите от опасных производственных факторов
	X. 4.3	Мероприятия по защите от вредных производственных факторов
	X. 4.4	Квалификационные требования к персоналу
	X. 5	Охрана окружающей среды
	X. 6	Защита в чрезвычайных ситуациях
	X. 7	Расчетная часть
	X. 8	Оценка эффективности принятых решений

При кафедре активно функционируют аспирантура и докторантура. За последние 10 лет защищено 9 кандидатских диссертаций. На кафедре сформировано 4 известных в России научных направления:

– «Безопасная технология ведения подземных горных работ в условиях вечной мерзлоты» и «Радиационная безопасность на урановых рудниках России» (науч. рук. – д-р техн. наук Е.Т. Воронов);

– «Вибрационные технологии переработки минерального сырья» (науч. рук. – д-р техн. наук Ю.Н. Резник);

– «Скоростные технологии кучного выщелачивания золота» (науч. рук. – д-р техн. наук Ю.И. Рубцов).

При кафедре функционирует региональный учебный центр по охране труда, который ежегодно проводит обучение руководителей и специалистов служб охраны труда предприятий Забайкальского края в рамках целевой федеральной программы Минздравсоцразвития.

В 2011 г. ЗабГУ перешло на двухуровневую систему высшего образования (бакалавры и магистры). Основным положительным фактором при модернизации системы высшего образования является то, что дисциплина БЖД включена в список обязательных дисциплин в федеральные

государственные образовательные стандарты (ФГОС) для всех специальностей. Несколько меняются концептуальные подходы к модернизации примерной программы дисциплины «Безопасность жизнедеятельности». Необходима разработка структурно-логической дидактической системы проектирования образования в области безопасности, которая включает определение цели и механизмов ее функциональной ориентации, конструкционную оптимизацию состава и структуры программы, разработку механизмов, обеспечивающих ее гибкость и мобильность в отношении изменений в науке, подходов к системе образования и потребностей экономики.

Важнейшей задачей образовательной области БЖД является обеспечение эффективности процесса обучения и воспитания, нацеленного на высокое качество подготовки студентов, на формирование мировоззренческих и духовно-нравственных основ их личности, на выработку гражданской позиции, на осознание ответственности перед государством, обществом и каждым человеком за свое поведение и свои решения.

Генеральной целью образования в области безопасности является формирование профессиональной культуры безопасности (ноксологической культуры) и безопасно-

го поведения будущих специалистов. Под профессиональной культурой безопасности следует понимать готовность и способность личности использовать в профессиональной деятельности приобретенную совокупность знаний, умений и навыков для обеспечения безопасности в сфере профессиональной деятельности, характер мышления, при котором вопросы безопасности рассматриваются в качестве приоритета [1].

Системообразующим фактором формирования нокологической культуры выступает рефлексия как форма самопознания. Экстраполяция рефлексивного сознания на продукт деятельности человека позволяет спрогнозировать образ будущего и возможные риски. Осмысление рисков становится базой для построения концептуальной модели прогнозирования стратегического развития государства. Значимость риска не ограничивается его методологическим статусом и праксиологической ролью. Это не только инструментальная категория, это объект метарефлексии в силу возможности возникновения необратимых социальных процессов [9, 10].

Система базисных убеждений личности, включающая глубинные представления об окружающем мире и значимости собственного «Я», является имплицитной концептуальной системой (базовой философией) субъекта профессиональной деятельности, которая определяет ядро его нокологической культуры [6].

Компетенции бакалавра, которые должны быть предусмотрены в образовательных программах, подразделяются на общекультурные и профессиональные.

Общекультурные компетенции:

- владеет культурой безопасности, экологическим сознанием и риск-ориентированным мышлением, при котором вопросы безопасности и сохранения окружающей среды рассматриваются в качестве важнейших приоритетов жизнедеятельности;

- понимает проблемы устойчивого развития и рисков, связанных с деятельностью человека;

- владеет приемами рационализации жизнедеятельности, ориентированными на

снижение антропогенного воздействия на природную среду и обеспечение безопасности личности и общества.

Профессиональные компетенции:

- владеет культурой профессиональной безопасности, способен идентифицировать опасности и оценивать риски в сфере своей профессиональной деятельности;

- готов применять профессиональные знания для минимизации негативных экологических последствий, обеспечения безопасности и улучшения условий труда в сфере своей профессиональной деятельности.

Содержание дисциплины планируется строить по модульно-блочному принципу. Каждый модуль должен включать три блока:

- 1) инвариантный (ядро знаний, законы, принципы, понятия);

- 2) образовательный (укрупненная группа области знаний);

- 3) блок вузовской образовательной программы (отраслевой блок с конкретными научно-практическими знаниями и фактическим материалом для данной специальности) [3].

Необходимо дальнейшее совершенствование технологии обучения и развития системы безопасности жизнедеятельности. В образовательной области БЖД страдают и содержательная, и организационная стороны. В ней явный перекоп в пользу техники безопасности и недооценка мировоззренческих установок. По существу не отлажена ее инфраструктура. Нет должной интеграции с научными учреждениями. Слабо внедряются в образовательную область инновационные технологии, интерактивные системы. В педагогической среде, у родителей и студентов нет должного понимания значимости учебного предмета, недостаточной остается мотивация к овладению им [5].

Традиционные технологии обучения – лекции, практикумы, лабораторные занятия требуют совершенствования, ориентированного на внедрение методик, активизирующих мыслительную и познавательную деятельность, креативные способности личности.

Например, наряду с монологическим характером лекций необходимо использовать диалоговый и интерактивные режимы преподнесения учебного материала с использованием электронных образовательных ресурсов, внедрять в практику доклады студентов по результатам выполненной самостоятельной работы. Лекции должны быть проблемными и практико-ориентированными даже по сугубо теоретическим вопросам.

Лабораторные занятия являются важнейшим элементом технологии обучения. При их выполнении интегрируются теоретико-методологические знания, формируются практические умения и навыки, придается конкретный характер изучаемому на лекциях материалу.

Однако ограниченность экспериментальной базы, связанная с высокой стоимостью типовых лабораторных установок по дисциплине, не позволяет эффективно использовать дидактический потенциал лабораторных занятий. Ограниченность экспериментальной базы можно восполнить широким использованием компьютерных технологий, программно имитирующих реальный эксперимент. Необходима разработка и приобретение тренажеров, обучающих и контролирующих расчетно-графические компьютеризированные и имитационные программы с целью повышения эффективности приобретения студентами умений и практических навыков в лаборатории за счет более глубокого понимания природы изучаемых объектов и процессов при решении ситуационных задач [3].

Современные подходы к модернизации системы образования требуют расширения номенклатуры и вариативности лабораторных работ, их диверсификации применительно к каждому направлению подготовки.

Должно быть кардинально пересмотрено отношение к самостоятельной работе студентов, ее значимость должна превышать значимость аудиторной работы.

В самостоятельную работу по дисциплине «Безопасность жизнедеятельности»

необходимо шире внедрять практику подготовки рефератов, презентаций и доклада по ним. После вводных лекций, в которых обозначаются содержание дисциплины, ее проблематики и практическая значимость, студентам выдаются возможные темы рефератов в рамках проблемного поля дисциплины, при этом студентом может быть предложена и своя тематика.

Не менее значим высокий уровень компетентности педагога, педагогического и методического мастерства. Для этого необходима организация системы повышения квалификации преподавателей, использующих активные методы обучения в учебном процессе, научных сотрудников и УВП, работающих на современном исследовательском и лабораторном оборудовании [4].

В последние годы в ЗабГУ значительно активизирована научно-исследовательская работа в области промышленной, экологической и радиационной безопасности с учетом региональных особенностей.

Университет является головным исполнителем целого ряда областных, региональных и федеральных научно-технических программ: Защита от наводнений территории Читинской области (2002-2021 гг.); Обеспечение населения Читинской и Амурской областей питьевой водой (2005-2015 гг.); Безопасность дорожного движения в Читинской области (2005–2015 гг.); Энергосберегающие ресурсы (2002-2010 гг.); Отходы (2005-2015 гг.), Уран России (2005-2015 гг.).

Сотрудниками кафедры водного хозяйства и инженерной экологии на базе Восточного филиала РосНИИВХ разработаны основы безопасного функционирования водохозяйственного комплекса бассейна р. Амур, имеющие трансграничное значение (научный руководитель – Заслуженный мелиоратор РФ, д-р техн. наук, профессор В.Н. Заслоновский).

Сотрудниками кафедры безопасности жизнедеятельности (научный руководитель – Заслуженный деятель науки РФ, д-р техн. наук, профессор Е.Т. Воронов) разработаны и внедрены аэродинамические методы борьбы с радоном на урановых руд-

никах России, обеспечивающие снижение радиационной безопасности на подземных горных работах в 3...4 раза.

Энергетическим факультетом университета на базе учебно-научного центра (научный руководитель канд. техн. наук, профессор С.А. Иванов) разработаны и внедрены неразрушающие методы контроля теплоэнергетического оборудования. Проводится экспертиза проектов теплоэнергетических объектов в области промышленной безопасности, а также предаттестационное обучение руководителей предприятий теплоэнергетического комплекса Забайкальского края.

На кафедре химии ведется разработка прогрессивных нанотехнологий на базе использования природного цеолита для повышения экологической безопасности производственных процессов в различных отраслях народного хозяйства (научный руководитель — д-р техн. наук, профессор А.Н. Хатькова).

На кафедре «Автомобили и автомобильное хозяйство» усовершенствована методика анализа дорожно-транспортных происшествий (научный руководитель — д-р техн. наук, профессор О.А. Баландин).

В горном институте под руководством д-ров техн. наук, профессоров В.П. Мязина и В.М. Овешникова выполнен ряд крупных исследовательских работ в области экологии горного производства по следующим направлениям:

- оценка воздействия на окружающую среду действующих угольных и добывающих предприятий;
- разработка проектной документации по нормированию воздействия на окружающую природную среду;
- повышение экологической безопасности внедряемых нетрадиционных технологий кучного выщелачивания золота в Забайкалье;
- оценка влияния отходов хвостохранилищ горнорудных и энергетических предприятий на загрязнение окружающей природной среды;
- разработка природоохранных мероприятий по снижению уровня негативно-

го воздействия опасных отходов на компоненты окружающей природной среды.

В список опубликованных работ за последние годы вошел ряд крупных монографий, статей, учебных пособий, подготовленных профессорско-преподавательским составом университета. Сотрудниками и учеными университета получено пять патентов на объекты интеллектуальной собственности, разработанных по экологически безопасным технологиям.

В заключение следует отметить активное участие Забайкальского государственного университета в конкурсах федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 — 2013 гг. Многие наши проекты в области экологической, промышленной и радиационной безопасности были допущены к конкурсу и заняли достойные места среди вузов России. Достаточно сказать, что в федеральном конкурсе по каждому лоту участвовало 30...40 вузов России. Особо следует отметить проект «Разработка прогрессивных технологий по использованию природного цеолитсодержащего сырья Забайкальского края для повышения экологической безопасности производственных процессов в энергетике» (руководители д-р техн. наук, профессора А.Н. Хатькова и К.И. Карасев), занявший призовое четвертое место по лоту № 8.

Проект «Влияние глобализирующего Китайского региона на Забайкальский край» по лоту № 3 (руководитель д-р филос. наук, профессор Н.А. Абрамова) также занял призовое место.

По научному направлению «Новые и возобновляемые источники энергии и энергосберегающие системы» энергетический факультет ЗабГУ совместно с ИрГТУ (руководители д-р техн. наук В.С. Степанов, канд. техн. наук С.А. Иванов) выиграли два федеральных гранта.

В общей сложности в области экологической, промышленной, радиационной и психологической безопасности в университете работает более 10 докторов наук и 30 кандидатов наук.

Проводимая в Забайкальском государственном университете работа в области безопасности позволяет по-новому взглянуть на решение актуальной задачи высшей школы — подготовку высококвали-

фицированных специалистов, способных оценивать и минимизировать риски различного характера за счет формирования готовности к любым их видам.

Литература

1. Девисилов В.А. Концептуальные основы образования в области безопасности // Высшее образование в России. 2008. № 9.
2. Девисилов В.А. О подготовке высших профессиональных кадров по системам и технологиям обеспечения безопасности в техносфере // Безопасность в техносфере. 2008. № 6.
3. Воронов Е.Т. О подготовке специалистов по «Безопасности жизнедеятельности» в Читинском государственном университете // Материалы IV Всероссийского совещания заведующих кафедрами вузов по вопросам образования в области безопасности жизнедеятельности и защиты окружающей среды, 2009. С. 38-42.
4. Образовательная область БЖД: содержание и нормативно-правовая база: матер. Всерос. науч.-практ. конф. МГТУ им. Баумана. М., 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fnimb.org/ibzhd/news/40---q--q-q----r.html>
5. Безопасность жизнедеятельности: сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. // Русский журнал, 2007. 204 с.
6. Романова И.В., Романова Н.П., Шарова Т.В. Социальная адаптация как феноменологическая категория // Вестник ЧитГУ, 2011. С. 122-134.
7. Романова Н.П. Профессиональный ресурсный потенциал муниципальных служащих: социологический подход к изучению: матер. VII междунар. научн.-практич. конф. // Университетская наука. 2011. Сер. 10. Социальная работа. Социология. Мариуполь.: Приазовский гос. техн. ун-т, 2011. С. 291-296.
8. Эрдынеева К.Г. Базовая философия субъекта как условие адаптации личности // Фундаментальные исследования. 2007. № 1 С. 74-77 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=7777799 (дата обращения: 15.10.2012).
9. Эрдынеева К.Г. Политические риски: полисубъектный подход // Научное обозрение. Гуманитарные науки. № 1. 2012. С. 92-111.
10. Эрдынеева К.Г., Половнева Е.Ю. Формирование эмоциональной готовности будущего работника социальной сферы к преодолению риска его здоровью // Вестник Читинского государственного университета. № 4. 2011. С. 78-98.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Воронов Е.Т., д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)

E. Voronov, Doctor of Technical Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Zabaikalsky State University (ZabGU)

Научные интересы: безопасная технология подземных горных работ в условиях вечной мерзлоты; радиационная безопасность урановых рудников России; проблемы борьбы с пылью и вентиляции на подземных горных работах

Scientific interests: secure technology of underground mining in permafrost; radiation safety of uranium mines in Russia; problems in dust control and ventilation in underground mining operations

Грошева И.В., старший преподаватель, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ).
grosheva70@mail.ru

I. Grosheva, senior teacher, Zabaikalsky State University (ZabGU)

Научные интересы: региональные аспекты технологии подготовки кадров в области техносферной безопасности; применение современных технологий при чтении дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» для гуманитарных специальностей

Scientific interests: regional aspects of technology training in the field of security technosphere application of modern technologies in reading the subject «life safety» for the Humanities

УДК 374

Халзакова Людмила Анатольевна
Ludmila Khalzakova

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ САМООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЯ

THEORY AND PRACTICE OF TEACHER'S SELF-EDUCATIONAL COMPETENCE FORMATION

Представлена нормативно-правовая база общей теории формирования самообразовательной компетентности учителя, дана авторская трактовка понятия «самообразовательная компетентность учителя». Выявлены стратегические направления формирования самообразовательной компетентности учителя. Раскрыты следующие основные эффекты формирования самообразовательной компетентности учителя: средовый эффект открытости, синергетический, метасистемный, внедренческий

Ключевые слова: самообразовательная компетентность учителя, социокультурная модернизация образования, гуманитарная культура учителя, культурно-образовательное мышление, стратегические направления и основные эффекты формирования самообразовательной компетентности учителя

The article covers legal standard basis of the common theory of teacher's self-educational competence formation. The author gives his own definition of the concept «teacher's self-educational competence». Strategic directions of formation of teacher's self-educational competence are revealed. The following main effects of formation of self-educational competence are revealed: environmental effect of openness, synergetic, met systematic, inculcating

Key words: teacher's self-educational competence, socio-cultural modernization of education, teacher's humanitarian culture, cultural and educational thinking, strategic directions and main effects of formation of teacher's self-educational competence

Работа выполнена в рамках исполнения мероприятий Федеральной целевой программы развития образования на 2011-2013 гг., проект «Современное качество общего образования: практика реализации моделей образовательных систем», ГАОУ ДПО «Агинский институт повышения квалификации работников социальной сферы» Забайкальского края

В последнее время все большее распространение получает концепция социокультурной модернизации образования (А.Г. Асмолов, А.М. Цирульников и др.), суть которой состоит в признании социокультурного измерения фундаментальных характеристик образовательных процессов [1; С. 8]. Ключевым мотивом концепции

социокультурной модернизации образования является развитие представлений о миссии и природе образования как ведущей социальной деятельности, участвующей в порождении таких системных социальных и ментальных эффектов в жизни общества, как формирование гражданской, этнокультурной и общечеловеческой идентичности; динамика социальной дифференциации и стратификации общества; усвоение различных традиций, ценностей, норм и установок поведения больших и малых социальных групп; приобретение репертуара личностных, социальных и профессиональных компетентностей, обеспечивающих индивидуализацию, социализацию и профессионализацию личности в мире людей

и профессий; рост человеческого потенциала как важнейшего условия конкурентоспособности страны [1; С. 1]. В свете сказанного объем (глубина) модернизации образования зависит от уровня сформированности самообразовательной компетентности учителя.

Теоретические и нормативные основы разработки общей теории формирования самообразовательной компетентности учителя

Согласно Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г., одной из основных задач подчеркивается развитие кадрового потенциала в сфере науки, образования, технологий и инноваций. Указывается адаптация системы образования с целью формирования у населения с детства необходимых для инновационного общества и инновационной экономики знаний, компетенций, навыков и моделей поведения, а также формирование системы непрерывного образования [9; С. 18].

Одной из основных задач инновационного развития является создание условий для формирования у граждан следующих компетенций инновационной деятельности: способность и готовность к непрерывному образованию, постоянному совершенствованию, переобучению и самообучению, профессиональной мобильности, стремление к новому; способность к критическому мышлению; способность и готовность к разумному риску, креативность и предприимчивость, умение работать самостоятельно, готовность к работе в команде и в высококонкурентной среде; владение иностранными языками, предполагающее способность к свободному бытовому, деловому и профессиональному общению [9; С. 37]. Профессиональный стандарт педагогической деятельности, разработанный В.Д. Шадриковым, не учитывает самообразовательную компетентность учителя, хотя включает систему компетенций учителя.

Проблемное поле исследования самообразовательной компетентности учителя находится в междисциплинарном про-

странстве теории образования взрослых, аксиологии, педагогики.

Богатый методологический опыт представляют исследования ученых Института образования взрослых Российской Академии образования (РАО) В. Прокопока, В.Г. Воронцовой, Э.М. Никитина и др. Методология их исследований базируется на единстве гуманитарно-аксиологического и социально-педагогического подходов. Вопрос о сущности и смысле самообразования учителей в контексте гуманистической парадигмы наук о развитии человека раскрывается в концепции самообразования учителей В. Прокопока. Указывается, что в польской педагогической теории самообразование определяется как высшая стадия народного образования, модифицирующая и расширяющая все формы обучения. Продолжая исследовательские традиции С. Г. Вершловского, В. Прокопок обосновывает положения, составляющие теоретические основы формирования гуманистической ориентации в процессе профессионального и внепрофессионального (личностного) самообразования современных учителей в контексте гуманистических установок: целостное развитие личности, индивидуально-личностная ориентация, ценностно-смысловая ориентация, культурология процессов развития. Фундаментальные идеи исследования В. Прокопока восходят к педагогическому проектированию развития гуманистически ориентированного процесса профессионального и личностного самообразования современных учителей, предполагающего комплексное диагностирование их внутренней зрелости и готовности воспринимать контекст гуманистической парадигмы развития человека [10; С. 14]. Позднее В.Г. Воронцова разрабатывает механизмы совершенствования гуманитарной образовательной среды учреждений системы повышения квалификации как культурно-ценностного пространства профессионально-личностного развития педагога. Образ гуманитарной образовательной среды как системо- и смыслообразующего фактора личностно-профессионального

развития педагога связан с такими ключевыми характеристиками, как интеграция гуманитарного и естественнонаучного знания как условие формирования мировоззренческой целостности сознания и поведения педагога; гуманитаризация естественнонаучного образования; ценностно-смысловое согласование деятельности всех субъектов образовательных процессов; духовно-нравственная атмосфера общения; вариативность образовательных программ и вероятностный характер рекомендаций [4; С. 12]. В концепциях самообразования В. Прокопюк и В.Г. Воронцовой показана роль гуманитарно-аксиологического подхода к исследованию профессионального развития педагога, в частности, теории ценностей духовной жизни и культуры, личности и общества, теории среды. В таком контексте Э.М. Никитин, разрабатывая концептуальные основы построения и развития федеральной системы дополнительного педагогического образования, указывает на общие цели в области повышения квалификации учителей в современных условиях: повышение уровня профессиональной компетентности, педагогического и управленческого мастерства; удовлетворение личных потребностей в самообразовании; расширение ценностных гуманистических ориентаций; повышение общекультурного уровня и расширение социального кругозора; развитие творческой инициативы и стремления к новаторству; формирование у учителей навыков научно-исследовательской работы; обеспечение непрерывного образования учителей [8; С. 43].

Следующим шагом к формированию общей теории самообразовательной компетентности учителя стало исследование Р. С. Бондаревской, выполненное в контексте ведущих положений акмеологии Н.В. Кузьминой. Р. С. Бондаревская расширяет теоретические знания о возможностях проектирования педагогом достижения своего индивидуального «акме» в процессе образования, самообразования, самовоспитания, самовыражения и самоутверждения как единого процесса профессио-

нально-личностного совершенствования. Р. С. Бондаревской выявлены сущностные характеристики акмеологического подхода к становлению проектной деятельности педагогов, разработана методика построения обучающего педагогического проекта, реализующая базовые взаимосвязи функциональной психологической системы деятельности в рамках формального, неформального образования и самообразования [3; С. 8]

Таким образом, теоретические и методологические исследования ученых РАО, занимающихся непрерывным образованием взрослых, оказали интегрирующее влияние на формирование представлений о гуманистически ориентированном процессе профессионального и личностного самообразования (В. Прокопюк, В.Г. Воронцова, Э.М. Никитин, Р.С. Бондаревская и др.). Анализ исследовательской литературы свидетельствует о том, что природа самообразовательной компетентности учителя проявляется в гуманитарной культуре педагога, понимаемой как системы духовных ценностей, определяющих смысл жизнедеятельности и профессиональную направленность личности (В.Г. Воронцова). Фундаментальным ядром самообразовательной компетентности является культурно-образовательное мышление педагога. Необходимость введения данного понятия, формирующего мотивацию, культурно-образовательную инициативу и жизнотворчество педагога, представляется плодотворным для проектирования такой образовательной среды, в которой учителя побуждаются к освоению нового опыта, пересмотру своих профессиональных ценностей, формированию нового профессионального поведения.

1. Самообразовательная компетентность как функциональное, деятельностное качество учителя, выступающее как культурная норма инновационных процессов в образовании.

Самообразовательную компетентность мы можем рассматривать как фактор сохранения человеческого капитала, который получил разработку в трудах Т.К.

Блиновой и др. Накопление человеческого капитала создает потенциал устойчивого экономического развития в мире, стране, регионе, способствует повышению качества жизни общества в целом и каждого человека в отдельности [2; С. 9]. Т. К. Блинова определяет человеческий капитал как сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в той или иной сфере общественного производства, содействуют росту производительности труда и производства, и тем самым влияют на рост доходов данного человека. Накопление человеческого капитала является одним из условий конкурентоспособности, качественной и эффективной работы современного человека. Т.К. Блинова отмечает эффективность самообразования как способа сохранения человеческого капитала, педагога в условиях перехода на государственные образовательные стандарты в контексте перехода на ФГОС СПО третьего поколения.

На наш взгляд, самообразовательная компетентность учителя – это новое функциональное, деятельностное качество учителя, выступающее как культурная норма инновационных процессов в образовании и приводящее к социальной успешности всех субъектов образовательного процесса. Как указывала Г. Н. Прокументова, рефлексивная, деятельностная, исследовательская позиция педагога в практике есть важнейшая характеристика инновационных процессов [7; С. 149].

Одним из условий формирования самообразовательной компетентности учителя является погружение в инновационную корпоративную образовательную среду посредством создания основной опорной площадки на базе образовательного учреждения.

II. Стратегические направления формирования самообразовательной компетентности учителя в рамках исполнения мероприятий Федеральной целевой программы развития образования на 2011-2013 гг. по проекту «Современное

качество общего образования: практика реализации моделей образовательных систем», реализуемому региональной стажировочной площадкой ГАОУ ДПО «Агинский институт повышения квалификации работников социальной сферы» Забайкальского края:

1. *Повышение квалификации педагогических и управленческих кадров для реализации ФГОС общего образования.*

1.1. В рамках данного направления разработаны и внедрены курсы лекций в региональную систему повышения квалификации учителей: «Технологическая карта как средство освоения учителями идеологии стандартов второго поколения», «Учебно-познавательные задачи как средство достижения личностных, метапредметных, предметных результатов стандартов второго поколения», «Образовательные технологии формирования универсальных учебных действий», «Краеведение как средство достижения личностных, метапредметных, предметных результатов стандартов второго поколения».

2. *Внедрение модели организации и финансирования повышения квалификации работников образования, обеспечивающих непрерывность и адресный подход к повышению квалификации.*

2.1. Персонификации обучения. Разработаны индивидуальные образовательные маршруты по следующим содержательным линиям: переход на новые образовательные стандарты; развитие системы поддержки талантливых детей; совершенствование учительского корпуса. Проведен научно-методический семинар на тему: «Методическое сопровождение построения индивидуального маршрута профессиональной карьеры».

3. Внедрение современных ИКТ в практику управления образовательным учреждением.

3.1. Создание корпоративной информационно-образовательной среды повышения квалификации учителя посредством реализации образовательных программ. Методы формирования самообразовательной компетентности: дистанционное обу-

чение (дистанционные курсы повышения квалификации), баскет-метод (метод погружения в проблему), деловая игра, поведенческое моделирование, стажировка (базовая стажировочная площадка в рамках реализации ФЦПРО).

В декабре 2011 г. на базовой опорной площадке «Информационно-образовательная среда как условие повышения качества образования в сельской школе» учителем английского языка, заместителем директора по научно-методической работе И.Т. Балжитовой проведен мастер-класс «Использование электронных учебников в образовательном процессе», представлена педагогическая гостиная «Использование Интернет-технологий в проектной и исследовательской деятельности учащихся». На базовой опорной площадке «Модель индивидуализации образования в гимназии с допрофессиональной управленческой подготовкой» учитель английского языка О.М. Дамдинжапова, заместитель директора по учебной работе и Э.Ч. Жамбалова провели открытые уроки с применением информационно-коммуникационных технологий. В ходе погружения в инновационную корпоративную информационно-образовательную среду учителя приобрели опыт самоорганизации и саморефлексии.

Таким образом, в качестве ведущих механизмов формирования самообразовательной компетентности учителя в информационную эпоху являются мотивации к обучению и формирование «компетентности к обновлению компетенций» (А.Г. Асмолов).

Процесс формирования самообразовательной компетентности характеризуется опережающей стратегией профессионального развития учителя, обеспечивающей социальную, профессиональную и академическую мобильность личности учителя.

III. Основные эффекты формирования самообразовательной компетентности учителя.

Как показывает практика, формирование самообразовательной компетентности учителя позволяет эффективно реализовывать ее основные эффекты: средовой,

синергетический, метасистемный, сетевой, внедренческий:

1) *средовой эффект открытости*, предполагающей вовлечение в персонализированную информационно-образовательную среду как можно большего числа учителей, позволит достигать как расширения проблемного поля решаемых задач, так и их информационного обеспечения;

2) *синергетический эффект*, раскрывающий результат взаимодействия корпоративных творческих групп, создаст условия для решения ряда комплексных научно-педагогических проблем;

3) *метасистемный эффект*, возникающий при широкой (методологической, концептуальной, содержательной, технологической) интеграции деятельности кафедр Института повышения квалификации, позволит профессионально реализовывать принцип «от теории – к практике», предполагающий обеспечение всего цикла решения проблемы: от ее теоретико-методологической проработки до содержательных и технологических механизмов ее воплощения;

4) *внедренческий эффект*, предполагающий профессиональную адаптацию и дальнейшее распространение результатов научных исследований через профессиональную деятельность учителя. По сути, это воплощение дидактического принципа связи теории и практики.

Таким образом, в ходе исследования получены следующие результаты. Определена теоретико-методологическая основа формирования самообразовательной компетентности учителя с точки зрения гуманистически ориентированного подхода. Введено в научный оборот культурно-образовательное мышление учителя как фундаментальное ядро формирования самообразовательной компетентности. Определена сущность самообразовательной компетентности учителя как нового функционального, деятельностного качества учителя, выступающего как культурная норма социокультурной модернизации образования и приводящего к социальной и личностной успешности всех субъектов образователь-

ного процесса. Установлено, что формирование самообразовательной компетентности учителя, основанное на опережающей стратегии его профессионального развития, протекает более эффективно при погружении в инновационную корпоративную

образовательную среду посредством создания опорной площадки на базе образовательного учреждения. Выявлены основные стратегии и эффекты формирования самообразовательной компетентности учителя.

Литература

1. Асмолов А.Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути преодоления кризиса идентичности // Вопросы образования. 2008. № 1.
2. Блинова Т.К. Самообразование педагогов как способ сохранения человеческого капитала в условиях перехода на ФГОС СПО нового поколения: матер. V междунар. науч.-практ. конф. // Научное творчество XXI века. Красноярск, Научно-инновационный центр, Т. 1. С. 23-26.
3. Бондаревская Р.С. Становление проектной деятельности педагога на основе акмеологического подхода: автореф. дис. ... канд. пед. наук. С-Пб., 2011. 23 с.
4. Воронцова В.Г. Постдипломное образование педагога: гуманитарно-аксиологический подход: автореф. дис. д-ра. пед. наук. С-Пб, 1997. 65 с.
5. Ермолаева М.Г. Продуктивная самодеятельность учителя и ее сопровождение в постдипломном педагогическом образовании. СПб.: СПб АППО, 2011.
6. Кузнецов В.В. Корпоративное образование. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2010. 227 с.
7. Модернизация образования в контексте гуманитарных технологий в системе подготовки и переподготовки специалистов образования: методические рекомендации / Под ред. Н.В. Седовой. СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. 304 с.
8. Никитин Э.М. Теоретические и организационно-педагогические основы формирования и развития федеральной системы дополнительного педагогического образования: автореф. дис. ... д-ра. пед. наук. СПб., 1999. 47 с.
9. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. 8 декабря 2011 г., NQ 2227-р. М., 135 с.
10. Прокопюк В. Самообразование учителей в контексте гуманистической парадигмы развития человека: автореф. дис. ... д-ра. пед. наук. СПб., 1996. 42 с.
11. Цирульников А.М. Социокультурный анализ образовательных систем. Методология и методы // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2011. № 2 (22). С. 71-93.
12. Цирульников А.М. Модернизация образования. Социокультурная альтернатива // Образовательная политика. 2010. № 9. 10.
13. Федеральная целевая программа развития образования на 2011-2015 гг.

Коротко об авторе

Халзакова Л.А., аспирант, ЗабГГПУ, методист по иностранным языкам, ГАОУ ДПО Агинский институт повышения квалификации работников социальной сферы Забайкальского края
khalzakoval@mail.ru

Научные интересы: повышение квалификации, самообразовательная компетенция, ИКТ-технологии

Briefly about the author

L. Khalzakova, postgraduate student, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University, methodologist of foreign languages, SAEI APE «Aginsky Institute Social Workers Qualification Improvement in Zabaikalsky Krai»

Scientific interests: improvement of professional skill, self-educational competence, ICT technologies

Психологические науки

УДК 331.101.262

Калекина Анна Викторовна
Anna Kalekina

Степанова Галина Федоровна
Galina Stepanova

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИНЖЕНЕРОВ-КОНСТРУКТОРОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

THE PSYCHOLOGICAL CONCEPT OF PROFESSIONAL CULTURE OF DESIGN ENGINEERS WORKING AT INDUSTRIAL ENTERPRISES

Статья посвящена определению психологической концепции профессиональной культуры инженеров-конструкторов. Раскрывается сущность понятия «профессиональная культура инженеров-конструкторов», выявлена система взаимосвязанных компонентов психологической концепции профессиональной культуры, которые позволяют определять уровень профессиональной культуры и выделять наиболее проблемные зоны, а также резервы (расхождения) между текущим и желаемым состоянием кадровой ситуации на промышленном предприятии в соответствии с постоянно изменяющимися факторами внешней и внутренней среды предприятия в условиях инновационной трансформации

Ключевые слова: профессиональная культура, психологическая концепция, инженер-конструктор

The article is devoted to the definition of the psychological concept of professional culture of design engineers. In work the essence of concept «professional culture of design engineers» is revealed, the system of interconnected components of the psychological concept of professional culture which allow to define the level of professional culture is described to allocate the most problem zones, and also the reserves (divergences) between the current and desirable state of personnel situation at the industrial enterprise according to constantly changing factors of the external and internal environment of the enterprise in the conditions of innovative transformation

Key words: professional culture, psychological concept, design engineer

В настоящее время, несмотря на провозглашаемую и никем не оспариваемую ценность высококультурного и разносторонне развитого профессионала, российские промышленные предприятия все еще ориентированы на узких специалистов, по

сути придатков техники и технологии. Разрыв между уровнем востребованной производством квалификации и возможностями системы образования превращает последнюю в обслуживающий механизм производственного комплекса, что вступило в

противоречие с дифференцированными образовательными запросами субъекта труда и обусловило отставание развития системы от мирового уровня подготовки специалистов.

Социальные ожидания связаны с модернизацией профессионального образования, ориентацией на реализацию компетентностного подхода, индивидуализацию образовательных маршрутов, так как российские предприятия испытывают дефицит талантливых специалистов. Безусловно, создание сети образовательных учреждений и программ по профессиональному развитию субъектов труда – это прорыв в становлении профессионала нового типа. Однако недооценка проблемы формирования профессиональной культуры, адекватной времени, может свести на «нет» все усилия в этом направлении.

Профессиональная культура субъекта труда, хотя и является продуктом профессионального обучения, но не прямо вытекает из него, а является следствием саморазвития будущего специалиста на различных ступенях образования, причем не столько «технологического», сколько личностного роста, целостной самоорганизации культуры личности и культуры деятельности [9].

В научной литературе достаточно глубоко разработан общетеоретический фундамент изучения профессиональной культуры. Это обусловлено тем, что изучение профессиональной культуры носит во многом междисциплинарный характер, так как учитывает принадлежность психологов, социологов, философов, культурологов, экономистов к феномену, каковым является профессиональная культура [1, 2, 8, 9].

Основываясь на теоретико-методологических положениях, в соответствии с признаками инженерной профессии, профессиональная культура инженеров-конструкторов – это динамическое сложное явление, мера и качество креативизации деятельности, представляющее собой совокупность знаний, умений, навыков, ценностей личности, морально-этических установок, встраиваемое в общий ход психического развития субъекта труда и обес-

печивающее его профессиональное развитие и совершенствование.

Следовательно, профессиональная культура инженеров-конструкторов должна определяться не только как совокупность групповых норм профессиональной общности и как способ деятельности профессионала, обладающего своим индивидуальным типом мышления, формируемым в процессе групповой коллективной деятельности, но и как результат интегративного процесса взаимодействия субъекта труда и трудовой среды, имеющий высокую значимость в рамках психологического развития личности профессионала и, как следствие, повышения результативности его деятельности.

Системный анализ профессиональной культуры инженеров-конструкторов дает возможность определить психологическую концепцию ее исследования и выявить тенденции и перспективы развития этого феномена для современной психологии труда.

Системный подход в концепции профессиональной культуры характеризуется следующими особенностями:

- избирательность вовлечения компонентов в систему детерминирована целевой функцией психологического изучения профессиональной культуры инженеров-конструкторов и условий ее инновационной трансформации;

- для концепции профессиональной культуры важна не вообще совокупность взаимодействующих компонентов, но совокупность компонентов, взаимодействующих для реализации только этой целевой функции;

- взаимодействующие инструментальные средства (связи) и основные компоненты профессиональной культуры приобретают характер системообразующих.

Вовлечение инструментальных средств и компонентов в состав системы или их выбор из имеющегося множества происходит на основе целеполагания, где цель – обобщенный образ прогнозируемого результата. В число компонентов психологической концепции профессиональной культуры могут быть включены: формирование по-

нятийного аппарата как методологической основы концепции; изучение психологических составляющих профессиональной культуры инженеров-конструкторов как базового вектора раскрытия концепции; определение места и роли психологических факторов в формировании профессиональной культуры; организационно-психологическое и методическое обеспечение достижения требуемого уровня профессиональной культуры.

Основные средства осуществления связей компонентов психологической концепции профессиональной культуры связаны с интерпретацией образовательного, психологического и нравственного аспектов, а также когнитивно-познавательного, поведенческого и праксиологического блоков, что позволяет изучить профессиональную культуру в конкретном психологическом исследовании и составить наиболее системное представление о ней.

В состав профессиональной культуры инженеров-конструкторов включены следующие составляющие, которые были выделены нами на основании разработанных профессиограмм. Указанные составляющие объединены в два блока структурных единиц: личностный блок состоит из следующих составляющих: «личностные качества, интересы и склонности», «способности», «ценностные ориентации», «морально-этические установки»; профессионально-компетентный блок включает «университетское техническое образование», «профессиональную инженерную компетентность», «социально-культурную включенность инженера-конструктора (профессиональная культурная компетентность)».

Профессиональная культура затрагивает глубинные понятия, касающиеся личностных особенностей субъекта труда, времени, пространства, человеческих отношений.

Если рассматривать содержательную модель профессиональной культуры, то можно представить ее как иерархическую систему, в структуре которой выделяются три уровня (высокий, средний, низкий). Именно на этих уровнях анализируется

профессиональная культура. Под уровнем профессиональной культуры понимаются индивидуальные особенности личности, ее способности, количественные и качественные параметры знаний, умений и навыков, уровень образования и квалификации в области профессиональной деятельности. Неиспользованные возможности понижают достижение максимального уровня профессиональной культуры субъектом труда, повышают риск неуспешности профессиональной деятельности, делают ее менее результативной.

Чтобы определить роль психологических факторов в повышении уровня профессиональной культуры, необходимо изучить какие именно психологические факторы в наибольшей степени влияют на повышение уровня профессиональной культуры и на какие психологические факторы профессиональной культуры следует делать упор в ситуациях профессионального подбора и оценки кадров.

С нашей точки зрения, можно выделить следующие психологические факторы профессиональной культуры, сгруппированные по содержательному принципу.

Одним из важных психологических факторов профессиональной культуры является *взаимосоответствие* человека и трудового поста, которое представляет собой взаимное соответствие человека как субъекта, с одной стороны, и требований к нему – с другой [4].

Другим важным психологическим фактором профессиональной культуры являются *психофизиологические свойства субъекта труда*, понимаемые как совокупность психических и физических задатков индивида. Повышение уровня профессиональной культуры возможно только при условии соответствия выполняемых в процессе работы функций способностям индивида.

Не менее важный *психологический фактор личностных качеств субъекта труда* отражает его идеалы, убеждения, целеустремления, потребности, интересы, характер. Именно эти психические регуляторы наиболее существенным образом

определяют «крутые повороты» человека на профессиональном жизненном пути. Недостаточная выраженность именно личностных качеств существенно влияет на факты «соответствия — несоответствия» человека работе [7].

Уровень развития ценностно-смысловой сферы может рассматриваться как психологический фактор профессиональной культуры, так как именно ценностно-смысловая сфера профессионала является той высшей организующей инстанцией, которая либо способствует расцвету творчества, либо разрушает этот процесс, а вместе с ним и личность профессионала.

Морально-нравственный облик личности. Этот фактор отражает снижение или повышение уровня конфликтных ситуаций, улучшение морально-психологического климата в системе трудовых отношений и повышение уровня профессиональной культуры персонала предприятий.

Выявление и отбор существенных составляющих и психологических факторов профессиональной культуры инженеров-конструкторов можно представить как *первый этап оценки* уровня профессиональной культуры.

На этом этапе решается вопрос о содержательной стороне оценки качеств и свойств, входящих в состав профессиональной культуры.

Методологическую часть проведения оценки можно представить как *второй этап оценки* уровня профессиональной культуры.

Этот этап представляет собой организацию выявления основных составляющих оценки, а также отбор методик и способов для определения анализируемых составляющих.

Таким образом, составить целостную психологическую картину феномена профессиональной культуры можно, пользуясь тем, что профессиональная культура персонала предприятия представляет собой подсистему культуры, обладающую по отношению к ней структурным подобием, отражающим комплекс традиций, стереотипов поведения, особенностей образа жизни, символики и атрибутов, сложившихся в данной профессиональной среде. Она может быть мерой качества деятельности человека в определенной строго очерченной области его профессии.

Разработка психологической концепции профессиональной культуры инженеров-конструкторов позволит определять уровень профессиональной культуры и выделять наиболее проблемные зоны, а также резервы (расхождения) между текущим и желаемым состоянием. Совершенствование методологии оценки (например, изменять анкету опроса, выборку и т.д.), методов анализа информации, позволит привести используемый инструментарий оценки уровня профессиональной культуры инженеров-конструкторов в соответствие с актуальными требованиями промышленных предприятий в условиях инновационной трансформации.

Литература

1. Багдасарьян Н.Г. Профессиональная культура инженера: механизмы освоения. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1998. 150 с.
2. Игнатов В.Г., Белолипецкий В.К. Профессиональная культура и профессионализм государственной службы. Ростов н/Д : Март, 2000. 252 с.
3. Калекина А.В. О влиянии уровня профессиональной культуры на эффективность труда персонала предприятий // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2007. № 5. С. 128-130.
4. Климов Е.А. Введение в психологию труда. М.: МГУ, 1988. 199 с.
5. Климов Е.А. Развивающийся человек в мире профессий. Обнинск: Детство, 1993. 56 с.

6. Климов Е.А. Экономическая среда и психика // Психология и экономика. Труды 1-й Всерос. конф. по эконом. психологии. М.: РПО, РГНФ; Калуга: КПКУ, 2000. С. 6-20.
7. Климов Е.А. Психолог. Введение в профессию. М.: Академия, 2007. 208 с.
8. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Знание, 1996. 310 с.
9. Маркрян Э.С. Системные исследования человеческой деятельности // Вопросы философии. 1972. № 10. С. 106-120.
10. Платонов К.К. Структура и развитие личности. М.: Наука, 1986. 370 с.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Калекина А.В., канд. психол. наук, канд. экон. наук, доцент, Сургутский филиал Омского государственного технического университета
kav_0502@mail.ru

A. Kalekina, Candidate of Psychological Sciences, Candidate of Economical Sciences, assistant professor, Surgut branch of Omsk State Technical University

Научные интересы: психология труда, инженерная психология, эргономика (психологические науки)

Scientific interests: psychology of work, engineering psychology, ergonomics

Степанова Г.Ф., доцент каф. «Государственное, муниципальное управление и таможенное дело», Омский государственный технический университет
kav_0502@mail.ru

G. Stepanova, assistant professor, State, municipal management and customs business department, Omsk State Technical University

Научные интересы: психология труда, инженерная психология, эргономика (психологические науки)

Scientific interests: psychology of work, engineering psychology, ergonomics (psychological sciences)

Социологические науки

УДК 159.9

Романова Илона Валерьевна
 Iona Romanova

КАТЕГОРИЯ «ОБРАЗ ЖИЗНИ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

THE CATEGORY OF «WAY OF LIFE» IN DOMESTIC AND FOREIGN SCIENTIFIC LITERATURE

Трактуется понятие «образ жизни», обобщающая категория которого определяется как система наиболее существенных, типичных характеристик способа жизнедеятельности, активности людей в единстве их количественных и качественных сторон, являющихся отражением уровня развития общества.

При определении категории «образ жизни» подчеркнут ее интегративный характер по отношению к таким понятиям, как «уклад жизни», «уровень жизни», «качество жизни», «стиль жизни».

Рассмотрены теоретико-методологические подходы к определению категории «образ жизни»: интегративный (синтезирующий); классовый; с позиций жизненной ситуации (установившейся и проблемной); с позиции нормативно-сравнительного подхода; влияния внешних условий и личностных состояний людей на способы организации или своего образа жизни

Ключевые слова: образ жизни, поведение, образы действий, характеристики личности, социальная динамика, личностная специфика, содержание жизнедеятельности, социокультурная жизнь, материальные и духовные потребности, способ производства

The notion of «way of life» is interpreted, generalizing the category which is defined as a system of the most significant and typical features of the way of life, activity of people in the unity of their quantitative and qualitative parties reflection of the level of development of society.

In determining the category of «way of life» is underlined its integrative character in regard to such concepts as a «way of life», «living standards», «quality of life», «life style».

Considered the theoretical-methodological approaches to the definition of the category «way of life»: integrative (synthesis); class; from the positions of living conditions (steady state and problematic); from the position of normative comparative approach; influence of external conditions and personal conditions of people on the ways of the organization or its own way of life

Key words: lifestyle, behavior, courses of action, characteristics of personality, social dynamics, personal specificity, content of life, socio-cultural life, material and spiritual needs, method of production

В процессе существования каждого общества происходит становление, а затем и развитие специфичных для него форм экономической, политической, культурной жизни людей, что влечет за собой изменение условий жизнедеятельности членов общества, способов ее организации, т.е. тех факторов, которые применительно

к членам общества описываются понятием «образ жизни». Иными словами, специфика любого общества определяет характерные черты и особенности образа жизни его членов. Люди всегда соединены в общности (народы, социальные классы, социально-профессиональные группы, общности по типу поселения и другие). Исследование

образа жизни представителей различных социокультурных групп, их проблемных жизненных ситуаций позволяет перейти от анализа непосредственных действий людей, направленных на решение проблем, к обобщению способов их организации в рамках различных уровней и областей культуры, к выявлению социально типичных подходов к социально значимым проблемам.

Анализ микросоциальных и культурных процессов повседневной жизнедеятельности людей показал, что вплоть до недавнего времени в социальных науках систематическому теоретическому изучению этих процессов уделялось сравнительно мало внимания. Основания, которые в первую очередь определяют необходимость изучения повседневной реальности жизни людей, следующие [1]:

1) воспроизведение жизни — общая предпосылка существования человеческой культуры. Эта необходимость реализуется при меняющихся исторических условиях в различных социальных и культурных формах, зависящих от содержания общественной практики и выражающих способы реализации людьми своей жизнедеятельности в этих условиях; активным началом здесь является человек, поэтому изучение его жизнедеятельности — необходимое звено исследования общества и культуры;

2) в определенных исторических условиях формы социокультурной жизнедеятельности людей обусловлены некоторыми всеобщими, универсальными антропологическими характеристиками. В то же время эмпирические данные свидетельствуют о многообразии групповых и индивидуальных проявлений социокультурной жизни в каждый исторический промежуток времени. Социокультурная определенность способов жизнедеятельности человека обуславливается тремя видами факторов. Во-первых, это фундаментальные материальные условия, определяющие что и каким образом могут делать люди для реализации своих потребностей, целей, интересов. Во-вторых, это выработанные и закреплённые в ходе общественной практики (и потому объективные) способы организации и ре-

гуляции социокультурной жизни людей: институты, нормы, ценности, образцы действий, поведения, взаимодействия, без которых не может держаться и функционировать ни одна культура. В-третьих, это индивидуальные характеристики личности, определяющие ее склонности и возможности при построении своего жизненного пути в названных условиях. Все три группы факторов оказывают формообразующее влияние на способы организации людьми своей жизнедеятельности, на их образ жизни;

3) согласно современным представлениям о культуре, социокультурная жизнедеятельность людей в каждый исторический период реализуется в различных формах. Эти различия определяются социальной дифференциацией общества, демографическими, региональными и другими различиями людей. Поскольку такого рода различия и обуславливающие их факторы имеют весьма важное значение для направления социальной динамики, вполне правомерно их выделение в качестве особого предмета исследования.

Определение категории «образ жизни» подразумевает выявление личностной специфики жизненного пути людей в дифференцированной социокультурной реальности.

Категория «образ жизни» обозначает организованную совокупность процессов и явлений жизнедеятельности людей в обществе. Способы организации этих процессов и явлений определяются естественно-географическими, социальными и культурными условиями их реализации, с одной стороны, и личностными характеристиками представителей различных социокультурных групп — с другой. Понятие отражает повседневную жизнь людей и служит для выявления соотношения установившихся, типичных и изменчивых, индивидуальных характеристик жизнедеятельности различных людей в определенных областях культуры.

Содержание образа жизни определяется тем, как живут люди, чем заняты, какие виды деятельности и взаимодействия друг с другом заполняют их жизнь. Форма образа жизни определяется способом организации людьми содержания своей жизне-

деятельности, т.е. организации процессов деятельности, поведения, взаимодействия в различных сферах культуры. Следовательно, образ жизни — это динамический социокультурный «портрет» членов общества, представленный через процессы их жизнедеятельности в определенных условиях, целостность, обладающая культурным смыслом и обусловленная способностью человека к результативной активности.

Категория «образ жизни» подразумевает внимание не только к способам организации людьми своей повседневной жизни. Она связана также и с выявлением социокультурной значимости оценок представителями различных социокультурных групп своего собственного образа жизни, образа жизни других людей, а также текущего состояния общественной и культурной жизни вообще.

Категория «образ жизни» широко используется представителями различных дисциплин, связанных с изучением общественной и культурной жизни людей: экономики, социологии, социальной психологии, геронтологии, истории, теории культуры и т.п. [2]. Сегодня это социально установившаяся научная-методологическая категория. Возрастание интереса к социокультурной жизнедеятельности людей в связи с их образом жизни обусловлено как общественно-практическими, так и научно-теоретическими факторами.

Обратимся к трактовке категории «образ жизни», приведенной в энциклопедической статье Г.Е. Глезермана [3]. В ней сказано, что эта категория применяется в социальных науках для характеристики условий и особенностей повседневной жизни людей в том или ином обществе. Рассматривая классовый подход, автор говорит, что образ жизни определяется существенными чертами и особенностями определённой общественно-экономической формации. Так, например, говорят о буржуазном образе жизни, о социалистическом образе жизни. Внутри данной формации, в свою очередь, различают особенности образа жизни того или иного класса, социального слоя, городского и сельского населения. Все существ-

ующие в обществе социальные различия — между классами и социальными слоями, между городом и деревней, между людьми умственного и физического труда, между квалифицированными и неквалифицированными работниками — находят своё отражение в их образе жизни. Это даёт основание говорить о различных видах (или подвидах) образа жизни внутри каждого общества.

Образ жизни в марксистской социологии — интегральное общественное явление, в котором проявляются производственно-технические, экономические, социальные, политические, социокультурные и идеологические процессы, происходящие в обществе.

Это самостоятельная и очень важная категория. Она позволяет использовать системный подход к анализу жизнедеятельности общества, социальных групп и индивидов, объяснить качества его диалектического развития.

Методологической основой такого понимания образа жизни служит известное высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса, писавших в «Немецкой идеологии», что «... способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В еще большей степени, это — определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством — совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят. Что представляют собой индивиды — это зависит, следовательно, от материальных условий их производства» [4]. В сходном смысле классики марксизма-ленинизма нередко употребляли и понятие «уклад жизни», которое можно рассматривать как совокупность объективных компонентов «образа жизни».

Образ жизни охватывает все существенные сферы жизнедеятельности людей: труд, формы его социальной организации,

быт, формы использования людьми своего свободного времени, их участие в политической и общественной жизни, формы удовлетворения их материальных и духовных потребностей, вошедшие в повседневную практику нормы и правила поведения [5]. Поэтому на образе жизни сказываются не только экономические отношения, но и общественно-политический строй, культура и мировоззрение людей. В свою очередь образ жизни людей оказывает решающее влияние на их образ мыслей.

Образ жизни людей, как одна из основных категорий исторического материализма, может быть понят только в связи с категориями способа производства материальных благ, общественного бытия и общественного сознания.

Образ жизни – социологическая категория, более богатая по сравнению с экономической категорией «уровень жизни», которая выражается главным образом количественными показателями: уровнем заработной платы и средним доходом на душу населения, уровнем цен на предметы широкого потребления, средними нормами потребления на душу населения и т.д. Рассматриваемая категория включает наряду с количественными и качественные характеристики условий и форм жизнедеятельности людей. Если качественная сторона образа жизни отражает характер общественно-экономического строя, то его количественная сторона определяется уровнем развития производительных сил и зависимым от него уровнем потребления и находит свое выражение в уровне благосостояния народа. Первую сторону для краткости называют «качеством жизни», а вторую – «уровнем жизни» [6].

Категория «образ жизни» нередко подменяется понятием «стиль жизни», который рассматривается как объект индивидуального выбора человека.

Образ жизни, определяясь в конечном итоге способом производства материальных благ, тем не менее, не сводится к нему по следующим причинам.

Во-первых, в категории «образ жизни» характеризуется способ деятельности.

Поэтому составной частью образа жизни являются не сами по себе средства труда, которые вместе с людьми и их производственным опытом составляют производительные силы общества, и не сами по себе производственные отношения, а определяемая теми и другими трудовая деятельность людей в производственной сфере.

Во-вторых, образ жизни людей не ограничивается сферой производства материальных благ. Он характеризует не только трудовую деятельность людей, но и их внепроизводственную деятельность: в быту, в области культуры, в политической жизни, а также те нравственные нормы, которых люди в большей или меньшей степени придерживаются в своем поведении. Категория «образ жизни» рассматривается как интегральная характеристика, т.е. в ней обобщаются все существующие черты жизнедеятельности людей.

В-третьих, образ жизни в классовом обществе не является единым для всех. Способ производства характеризует исторически определенную систему общественного производства. В ее рамках существовали и существуют разные классы, которые ведут совершенно различный образ жизни [6; С. 6].

В России среди ведущих исследователей в данной области следует отметить И.Т. Левыкина, Л.В. Сохань, В.И. Толстых [2, 7, 8]. Обобщённое понимание, выработанное философами, состоит в следующем: образ жизни можно определить как «устоявшиеся, типичные для исторически конкретных социальных отношений формы индивидуальной и групповой жизнедеятельности людей, которые характеризуют особенности их общения, поведения и склада мышления в сферах труда, общественно-политической деятельности, быта и досуга» [2].

Советский период развития категории «образ жизни» проходил «под знаком усиления идеологической борьбы» [9, 10]. Она преимущественно выступала как понятие операциональное, применяемое для сопоставительного анализа двух противоположных социальных систем – социалистической и капиталистической, причём

результаты такого сравнения часто были некорректны.

С 60-х гг. прошлого столетия началось активное изучение образа жизни социологами (А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов, И.С. Мансуров) [11, 12]. В отличие от психологии, концентрирующейся на отдельном индивиде, субъектом категории «образ жизни» для социолога выступают преимущественно большие социальные общности (народы, социальные классы, социально-профессиональные группы, общности по типу поселения и другие). Как правило, в социологических исследованиях рассматриваются такие обобщённые показатели, как «уровень жизни», «качество жизни», «социальное благополучие», преобладающие ценности, стереотипы социальной группы и т.д. [13].

Образ жизни – категория отечественной социологии, характеризующая конкретные социокультурные интерьеры (типичные формы, способы и механизмы) жизнедеятельности социальных субъектов. Термин активно использовался на протяжении 70-х – начала 80-х и практически исчез из научного оборота во второй половине 80-х: использовался как понятие прикладной социологии для фиксации реальных результатов исследований, выведших на уровень повседневной жизни индивидов (как определенной целостности или отдельных ее достаточно автономных подсистем типа комплекса потребностей). Причем это понятие употреблялось как достаточно метафорическое, его «жесткое» социологическое содержание не рефлексировалось, вопрос об онтологическом статусе практически не ставился. Ситуация изменилась качественным образом, когда в контексте идеологической борьбы все чаще стал употребляться как самодостаточный термин словосочетание «социалистический образ жизни» [14]; именно эти причины и породили исследовательский «бум» 70-х. В пропагандистских целях важно было противопоставить идеологическую альтернативу концепциям качества жизни, активно поддержанным западной социал-демократией и отыскать вне экономики аргумен-

ты, которые позволяли «показать коренные преимущества социализма».

С этих позиций образ жизни стал трактоваться именно как социалистический, подменяя значение термина в прикладной социологии. Он понимался, исходя из существующих нормативных моделей социализма как должного (а не реально имеющейся социальной действительности), прежде всего как антипод «всего буржуазного» и характеризовался через «эмпирически обосновываемые» черты-признаки: коллективистский, трудовой, интернационалистский и т.п. Социалистический образ жизни преподносился как образ, основанный на общественной собственности, труде, освобожденном от эксплуатации, единстве коренных интересов рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, всех наций и народностей.

В условиях социализма образ жизни формировался на таких краеугольных принципах, как преодоление существенных различий между городом и деревней, физическим и умственным трудом, работниками разной квалификации с целью создания равных возможностей для развития способностей всех членов общества, выравнивание условий жизни людей (возможности получения образования, воспитания детей, охраны здоровья, пользование благами культуры и др.), гармоническом сочетании роста материального благосостояния с развитием духовных потребностей людей, утверждении новых норм и ценностей – коллективизма, гуманизма и интернационализма.

Коллизия ситуации заключалась в том, что, дав толчок определенного рода исследованиям, были заблокированы исследования онтологических структур обыденной жизни людей в ее целостности, которые в западной традиции представлены в различных вариантах так называемой «социологии повседневности». Вопрос об онтологии образа жизни стал подниматься, хотя и не был отрефлексирован до конца, а предлагаемые решения носили явно половинчатый характер в так называемой «ситуативной концепции образа жизни», разрабатываемой примерно с начала 80-х.

Охарактеризовать образ жизни – значит, вскрыть причины многообразия поведения людей в одних и тех же условиях. Образ жизни есть особая форма, способ активного присвоения индивидами общественных условий своей жизни, но одновременно он является и формой, способом реализации себя в социальном, изменения самих этих условий своей жизни. Применительно к нему можно говорить об индивидуализации типического в жизнедеятельности субъектов, но с не меньшим основанием и о типизации индивидуального. Таким образом, категория «образ жизни» отражает повседневную жизнь социальных групп и индивидов в ее интегративности с точки зрения проявления и порождения в ней социально-типического.

Основной теоретической проблемой, обсуждавшейся в литературе об образе жизни, была проблема соотношения форм и условий жизнедеятельности. Это требует прояснения фундаментальной для теории образа жизни посылки, в какой мере автономны онтологические структуры образа жизни и как они соотносятся с другими онтологическими структурами общества, с одной стороны, и в какой мере (и каким образом) целостность образа жизни как особой социальной реальности «задается» самой этой реальностью, а в какой она есть результат воздействия внешних социальных сил, с другой.

Наиболее последовательно данная точка зрения выражена в так называемом «сферном» (структурно-декомпозиционном, описательном) подходе к исследованию образа жизни в прикладной социологии. Здесь субъекты жизнедеятельности образа жизни выделяются по заранее выбранным параметрам (условиям, характеризующим различные общественные сферы), и задача сводится к тому, чтобы проследить последовательность и меру их включения в различные сферы общественной жизни. За скобки рассмотрения выносятся фактически проблема самодетельности, самоорганизации субъектов, проблема целостности их жизнедеятельности.

Попытки преодолеть эти недостатки связаны с концепцией, понимающей образ жизни в терминах «социальной сферы». Оба эти наиболее разработанные в литературе подхода лишают, хотя и в разной степени, понятие «образ жизни» собственного содержания, не выявляют его онтологической специфики, позволяя в конечном итоге редуцировать его из системы общественных отношений в целом или из целостности собственно социальных отношений (социальной сферы).

Собственное содержание, не передаваемое через какие-либо другие категории, категория «образ жизни» приобретает только тогда, когда исследователь движется не от общества к индивиду, а от индивида к обществу, когда он способен «прорисовать» конкретные механизмы взаимодействия людей между собой и окружающими их условиями на уровне повседневной жизнедеятельности, понятой в ее относительной (по достаточно значительной) автономности от макросоциальных структур и в ее воздействии на эти макроуровни организации общества.

Раскрыть конкретные механизмы взаимодействия людей между собой и окружающими их условиями, организации людьми своей повседневной жизнедеятельности, ее вписывания в более широкие социокультурные контексты попыталась оформившаяся к середине 80-х так называемая ситуативная концепция образа жизни. Центральным в этой концепции является понятие «ситуация» (аналог у Парсонса – исходная установка). Оно используется в качестве единицы анализа образа жизни человека как индивида или как представителя социокультурной группы.

Исходной для человека является так называемая жизненная ситуация как итог особого, характерного именно для данного индивида на данном этапе его жизненного цикла сплетения всей системы его деятельности, поведения и общения с набором параметров, условий, втянутых в орбиту его жизнедеятельности через активное оценочно-избирательное отношение к ним. Он их активно оценивает, пропускает через со-

циокультурные фильтры и включает в деятельность как субъективированные условия. Тем самым открывается возможность проследить и взаимосвязь внешних и внутренних условий организации человеком своей повседневной жизни.

В силу того, что жизненная ситуация не отличается устойчивостью, различают установившиеся и проблемные жизненные ситуации. Крайней формой проблемной ситуации является конфликтная ситуация. Проблематизация жизненных ситуаций благоприятствует изменению компонентов образа жизни, накоплению нового опыта, выработке новых ценностно-нормативных элементов социокультурной среды, новых образцов поведения и общения. Понятие ситуации позволяет описывать не только организацию непосредственной жизнедеятельности индивидов и групп, но и включать ее в социальные процессы, происходящие на более высоких уровнях организации общества. Речь в данном случае идет о так называемой социальной ситуации, в которую вписываются конкретные жизненные ситуации.

Таким образом, жизнедеятельность субъектов — это активный и избирательный процесс, направленный на разрешение противоречий и удовлетворение потребностей и интересов, достижение поставленных целей. Она может быть ориентирована как на воспроизводство, сохранение, поддержание сложившейся социальной (как, впрочем, и жизненной) ситуации, так и на ее преобразование, изменение, создание новой ситуации деятельности. Поэтому любую ситуацию необходимо рассматривать как совокупность взаимосвязанных процессов жизнедеятельности, обеспечивающих ее стабильность, а также как совокупность динамических процессов жизнедеятельности, вызывающих ее развитие или замену другой ситуацией.

В первом случае исследуются факторы и условия, поддерживающие ее как целостную систему, когда не нарушается ее структура. Во втором — выявляются факторы и условия, потенциально или актуально вызывающие существенные изменения

элементов структуры, что и обуславливает смену ситуации. Тем самым образ жизни индивидов оказывается не только вписанным в ту или иную социальную ситуацию, но и выступает важнейшим компонентом, структурирующим эту ситуацию. Поэтому образ жизни очень важно понять как динамику социальных процессов на уровне индивидов, уровне повседневности, а не только как определенную структуризацию и организацию повседневности, жизнедеятельности индивидов.

В связи с этим в исследовательской традиции выделилось два направления (подхода): конкретно-исторический и нормативно-сравнительный. Первый из них ориентируется, прежде всего, на рассмотрение реальной жизнедеятельности субъектов, второй — на его рассмотрение как репрезентированных в обществе ценностно-нормативных систем. С этой точки зрения образ жизни выступает как совокупность возможных и желательных разновидностей реализации людьми имеющихся условий в конкретных ситуациях жизнедеятельности.

С одной стороны, на уровне субъекта управления это дает возможность формулировать последовательный ряд целей, степень достижения которых позволяет оценивать социальную динамику и влиять на нее в желательном направлении (нормативно-целевое прогнозирование, проблемно-целевой анализ и т.д.). С другой — это дает возможность различения и фиксации конкретных конфигураций образа жизни как нормальных (приемлемых) или отклоняющихся по отношению к нормативным представлениям. Отсюда проблематика так называемого девиантного (отклоняющегося) поведения, т.е. несоблюдения индивидами принятых в обществе моральных и юридических норм.

На уровне конкретных индивидов это позволяет оценивать образ жизни с точки зрения обеспечения им адаптации к окружающим условиям, вписанности жизнедеятельности индивидов в социальную ситуацию. Сопоставление реальной деятельности с индивидуальными желаемыми, а также с

общественно требуемыми неналичными ресурсами, делает возможным выявление динамики общественных процессов, позволяет определять основные тенденции развития образа жизни и его подсистем [2].

В зарубежной социологии образ жизни определяется как часть, сторона культуры, которая считается более фундаментальным понятием. Современные социологи, в основном, согласны с тем, что понятие культуры во всех ее аспектах гораздо шире, чем понятие «образ жизни». В то же время традиции, обычаи, нормы поведения, нравы и ценности составляют основу как культуры, так и образа жизни. Отличие состоит в том, что понятие «культура» выражает духовную сторону этой совокупности элементов, а «образ жизни» – повседневную, материально-практическую. Любую культуру можно рассматривать как традиционный образ жизни, выраженный в специфическом наборе обычаев, институтов и артефактов. Разнообразие культур выражает разнообразие образов жизни.

Образ жизни людей описывает структуру мышления и поведения, т.е. ценности, верования и правила поведения, формы экономической деятельности, условия труда и быта, состояние религиозной и культурной жизни, образование, экологию и многое другое. Образ жизни – это общая формула каждодневного бытия личности, типичные, часто практикуемые нормы поведения людей, способ их деятельности в труде и быту, в производстве и потреблении как материальных, так и духовных ценностей.

Образ жизни выражает одновременно типичное и специфическое. Образ жизни – это заведенный порядок, или уклад жизни: привычка рано вставать или поздно ложиться, курить натошак, одеваться дома во все старое, покупать продукты на оптовом рынке, а не в магазине, по выходным бегать в лес или каждый день делать зарядку, читать перед сном и многое другое.

Культура и образ жизни настолько увязаны друг с другом, что порой их невозможно разделить. Корни культуры лежат в повседневном опыте людей, который строится

на коллективных привычках, правилах и нормах поведения. Последние, образно говоря, представляют собой строительные кирпичики и культуры, и образа жизни.

Нередко происходит смешение понятий «образ жизни» и «условия жизни». Между тем, «условия жизни» – по существу, все опосредующие и обуславливающие образ жизни факторы, определяющие его или сопутствующие ему. К их числу следует относить материальные, социальные, политические, духовно-нравственные, культурные и другие условия, а также природные условия, которые, не являясь определяющими, оказывают на образ жизни влияние, часто достаточно существенное. Условия жизни – это материальные и нематериальные факторы, воздействующие на образ жизни; образ жизни – деятельность, активность людей, которые определенным образом реагируют на условия жизни.

Изучение динамики культуры с точки зрения образа жизни включает в сферу исследовательского внимания повседневную жизнь людей, подвижность и многообразие ее форм в определенный исторический период. Анализ и обобщение условий и форм образа жизни членов общества позволяет увидеть как структура культуры данного общества проявляется в конкретных действиях и взаимодействии представителей различных социальных групп, как на уровне повседневного бытия реализуются все возможности, которые обеспечиваются социокультурными условиями жизнедеятельности людей в рассматриваемый исторический период. Такой анализ позволяет увидеть и осмыслить значимость относительной независимости друг от друга форм организации индивидуальной жизнедеятельности людей, с одной стороны, и изменений социальной структуры общества – с другой.

Речь идет об объяснении того факта, что образ жизни различных людей неодинаково динамичен в одних и тех же исторических условиях. Совершенно очевидно, что такая постановка вопроса предполагает обязательное включение личностных характеристик в общетеоретическую схему исследования. Это позволяет проследить

как индивидуальные особенности людей в одних и тех же объективных условиях влияют на способ организации ими жизненной среды и процессов социокультурной жизнедеятельности.

Говоря о специфике анализа культуры с помощью понятия «образ жизни», необходимо отметить следующее. Во-первых, речь идет об определенном временном ограничении: процессы и явления социокультурной жизнедеятельности людей рассматриваются при фиксированных фундаментальных компонентах ее условий в пределах времени, сравнимых с жизненным циклом человека (от одного до трех поколений). Во-вторых, рассмотрению подлежат процессы деятельности и взаимодействия, заполняющие жизнь людей на протяжении их индивидуального существования. В-третьих, изучается тот уровень социокультурной жизни людей, на котором берут свое начало, поддерживаются и изменяются в ходе повседневной практики предметная среда, нормы, ценности, образцы деятельности и поведения.

Таким образом, можно сказать, что эта категория описывает область явлений, которая занимает промежуточное положение между общими закономерностями динамики различных областей культуры и конкретными единичными явлениями, порождаемыми людьми в ходе их совместной жизни и деятельности. Это делает понятие «образ жизни» специфичным и незаменимым по отношению к таким понятиям, как «социальная структура», «социокультурные институты», «этнос» и др.

Остановимся на теоретико-познавательных функциях и возможностях категории «образ жизни».

С позиции выделяющего (идентифицирующего) аспекта категория «образ жизни» используется с целью указать на специфичные, но существенные характерные особенности представителей различных социокультурных групп, выделяющие (определяющие, идентифицирующие) их по отношению друг к другу. Такая идентификация в зависимости от исследовательской задачи проводится по двум классам признаков.

Во-первых — по социально-типологическим признакам. В этом случае люди характеризуются с точки зрения существенных социальных и культурных факторов, определяющих условия и формы их жизнедеятельности в зависимости от их групповой принадлежности (включая общество в целом) или этнорегиональных особенностей уклада жизни. Например, выделение «традиционного» или «современного» образа жизни означает характеристику членов общества в соответствии с типичными для социально-экономической и политической системы чертами условий и способов организации ими своей жизнедеятельности. Выделение городского или сельского образа жизни идентифицирует членов общества по особенностям формы и содержания их жизнедеятельности, которые определяются спецификой характерного для этих типов поселений уклада жизни.

Во-вторых — по индивидуально специфичным признакам. В этом случае речь идет о выделении группы людей или индивида по стилевым особенностям, характеризующим, например, принадлежность молодежи к различным субкультурам, взрослых людей — к определенным социокультурным группам. Однако идентификация людей в этом случае осуществляется не столько по фундаментальным признакам содержания их деятельности, сколько в соответствии с особенностями демонстрируемых внешних проявлений.

Сравнительный аспект категории «образ жизни» позволяет сравнивать различные способы организации людьми процессов своей жизнедеятельности в рамках не только одной и той же, но и различных культур. Сравнение уже идентифицированных по образу жизни носителей культуры может проводиться по ряду параметров. Во-первых, по параметру объективных социально-экономических и культурных условий, в которых реализуется образ жизни. Так, сравнивая современные городские и сельские условия, можно отметить, что первые обеспечивают для человека большее разнообразие возможностей выбора среди видов деятельности, форм взаимодействия

и общения, стилей поведения, чем вторые. Во-вторых, по параметру структурных характеристик организации людьми процессов своей социокультурной жизнедеятельности. Например, можно сравнивать соотношение труда и досуга в образе жизни рабочего и учителя, место и формы освоения искусства в образе жизни школьника и студента и т.п. При изучении динамических аспектов культуры основой для сравнения могут стать такие параметры, как сложность и динамизм образа жизни представителей различных социальных групп.

С позиции оценочного аспекта понятие «образ жизни» можно использовать с целью социально значимой оценки членов общества. Оценке могут подвергаться изменения в образе жизни человека, происходящие во времени. В этом смысле следует понимать высказывания о том, что образ жизни определенного человека стал более организованным, более упорядоченным или же менее стандартным и т.п. Представители различных социальных групп (включая общество в целом) могут оцениваться с точки зрения того, насколько в терминах оценивающего образ жизни одних «лучше», чем других. Как правило, в основе такого оценочного сопоставления лежат конкретно-исторические представления о месте и роли человека в окружающем его мире, о тенденциях развития общественной жизни, о добре и зле. В каждой культуре в системе идеологии существует набор более или менее выраженных нормативных представлений об образе жизни как «лучшем из возможных при данных условиях».

Интегративный (синтезирующий) аспект понятия «образ жизни» определяет это понятие как способ организации людьми своей жизнедеятельности. Оно интегрирует в единую теоретическую систему структурные, содержательные и динамические особенности этих процессов в пределах жизненного цикла индивида. Причем теоретическому синтезу подлежат виды индивидуальных деятельностей, взаимодействия, общения, поведения во всех тех сферах социокультурного бытия, в которых человек принимает участие в ходе

своей жизни. Это позволяет дать целостную оценку специфичных или типичных черт повседневной жизни членов определенной социокультурной группы. Так, образ жизни различных социальных групп в обществе интегрирует следующие характеристики с точки зрения условий труда и быта – стандарт уровня жизни для каждой группы, с точки зрения структуры потребления товаров и услуг, а также освоенности культурного окружения – стандарт группового качества жизни. С точки зрения структуры и содержания образа жизни – типичные для группы виды деятельности, поведения и взаимодействия, типичные нормы и ценности, которыми члены группы руководствуются в этих процессах. С точки зрения оценки – соотнесение всех перечисленных параметров с существующими в обществе нормативными критериями.

«Образ жизни» – категория, наблюдаемая в проявляемых признаках. Обо всех составляющих образа жизни людей и о способе их организации можно судить, наблюдая за процессами деятельности, поведения, взаимодействия, общения или за их результатами. Доступными наблюдению (прямому или косвенному) являются также компоненты объективных условий, определяющие содержание и форму образа жизни людей.

Как отмечалось, образ жизни людей определяется двумя существенными группами факторов и условий, объективными и субъективными. Объективные условия и факторы, дифференцирующие образ жизни людей в конкретный исторический период, характеризующийся определенными политическими и социально-экономическими условиями, подразделяются следующим образом:

- естественные: географические, климатические, экологические, биологические, демографические и т.п.;
- социальные: характер разделения труда и его условия, социальная структура и стратификация (расслоение) общества;
- культурные: объем культурной информации и ее распределение по областям и уровням культуры, структура действующей

щих здесь социокультурных норм и ценностей — экономических, социально-политических, идеологических, познавательных, этических, эстетических и т.п.

Теоретическое пересечение этих групп условий и факторов, детерминирующих социокультурную жизнь людей, определяет конкретно-исторические сферы реализации их образа жизни в соответствии с фундаментальным разделением видов деятельности на специализированные (профессиональные) и неспециализированные (обыденные).

К субъективным факторам и условиям, влияющим на образ жизни людей, относятся, с одной стороны, восприятие и оценка представителями различных социальных групп объективных условий своего существования, а с другой — их потребности, запросы, побуждения, мотивы, интересы, ценностные ориентации, цели и т.п. Специфика взаимодействия субъективных и объективных факторов определяет различия в содержании, структуре и форме образа жизни людей в одном и том же обществе. Поэтому важно более детально остановиться на рассмотрении факторов и механизмов, обуславливающих эту специфику.

Социокультурные возможности проявления жизнедеятельности, жизненной активности личности в каждый исторический период имеют свою качественную определенность. Структура таких культурно установленных сфер жизнедеятельности представляет собой относительно устойчивый способ организации определенных типов умственных и физических действий людей, их биопсихических процессов и психических состояний вокруг конкретной социально значимой цели или функции (или вокруг их совокупности).

Такие установленные сферы жизнедеятельности людей в современном обществе могут быть типологизированы на основании фундаментальных функций, обеспечивающих воспроизведение существования общества и личности. С этой точки зрения можно выделять следующие уровни и соответствующие им культурно установленные формы жизнедеятельности [1]:

1) организация материальных и социальных основ жизнеобеспечения: (труд на производстве; труд в домашнем хозяйстве; деятельность, связанная с приобретением и употреблением товаров и услуг);

2) организация процессов социализации (общее образование; профессиональная подготовка; общественная активность; любительские занятия);

3) социальная коммуникация (профессиональное (формальное) взаимодействие; неформальное (в том числе дружеское) общение; семейные отношения; получение информации через средства массовой коммуникации; путешествия; передвижения внутри населенного пункта);

4) восстановление энергетических затрат (потребление пищи; соблюдение личной гигиены; пассивный отдых, сон).

При анализе динамики культуры с точки зрения образа жизни ее носителей выделение этих сфер и видов деятельности налагается на предложенную морфологическую модель. Это имеет особую важность, поскольку с помощью такого наложения удастся проследить, какие социально значимые и принятые совокупности действий заполняют время жизни индивида, каково их значение для него, как и в каких отдельных культурных формах он организует свои жизненные ресурсы по отношению к областям и уровням культуры, иными словами, какова структура его образа жизни и ее динамическое воплощение в заданном социокультурном пространстве.

При определении категории «образ жизни» важно подчеркнуть ее структурно объединяющий характер по отношению к таким понятиям, как «качество жизни», «уровень жизни», «стиль жизни», «уклад жизни», «стандарт жизни». Они раскрывают и конкретизируют структуру категории «образ жизни» при различных уровнях анализа социокультурной динамики [15, 16].

Понятие «качество жизни» подразумевает степень удовлетворения потребностей и запросов более сложного характера, не поддающихся прямому количественному измерению, и выполняет социально-оценочную функцию по отношению к катего-

рии «образ жизни». К показателям качества жизни относятся характер и содержание труда и досуга, удовлетворенность ими, степень комфорта в труде и быту (включая качество жилых, производственных помещений и окружающей предметной среды); степень удовлетворенности личности знаниями, общественная активность и саморазвитие, степень реализации существующих в обществе моральных и нравственных ценностей.

Сюда же можно отнести также показатели средней продолжительности жизни, заболеваемости, естественного прироста населения, его демографической и социальной структуры [17].

Выделяют различные подходы к анализу качества жизни [18, 19]: философский, экономический, медицинский, экологический, психологический.

Качество жизни отражает определенность, целостность социальных отношений, человеческой деятельности и условий жизни.

Следует различать качество жизни общества и качество жизни отдельного человека. В первом случае это совокупность условий, предпосылок, созданных обществом для своего дальнейшего развития и обеспечивающих жизнедеятельность людей. К ним можно отнести исторические, географические, экономические, социальные, демографические.

Качество жизни личности — отношение людей к этим условиям, использование их для удовлетворения своих потребностей. В данном аспекте качество жизни выступает как социальная реальность, существующая в конкретно-историческом времени в социальном пространстве. Отношение людей к экономическому, социально-политическому, экологическому уровням развития общества отражается в степени удовлетворенности (неудовлетворенности) их своей жизнью, т.е. качеством жизни.

Общество создает одинаковые для всех людей условия, использование которых зависит от самой личности, ее творческого потенциала, активности в улучшении своих условий жизни. Однако люди в силу как

объективных, так и субъективных факторов по-разному используют эти возможности. К числу субъективных факторов можно отнести психологические качества личности, уровень образования, интеллектуальный уровень, здоровье и т.д. К объективным — уровень жизни, социальный статус, экологическую обстановку, социальное окружение и т.д.

Таким образом, качество жизни социального субъекта — это уровень реализации потребностей, степень комфортности природной и социальной среды.

Категория «уровень жизни населения» является одной из важнейших социально-экономических категорий и используется в научной литературе, в правовых и нормативно-хозяйственных документах. Уровень жизни определяется, с одной стороны, степенью развития самих потребностей людей, а с другой стороны, — количеством и качеством жизненных благ и услуг, используемых для их удовлетворения.

Уровень жизни прямо связан с воспроизводством главной производительной силы общества — рабочей силы работников. Он отчетливо отражает социальные различия отдельных групп населения. При количественном определении жизненного уровня обычно используют совокупность абсолютных и относительных показателей, которые характеризуют обеспеченность населения материальными и духовными благами и, соответственно, степень удовлетворения потребностей людей в этих благах.

В связи с многочисленностью личных потребностей уровень жизни не может быть выражен каким-то одним показателем. Для этого необходима система показателей, которая всесторонне отражала бы уровень жизни населения. Среди них выделяют: 1) реальные доходы на душу населения; 2) общий объем потребления материальных благ и услуг; 3) уровень потребления продовольственных и непродовольственных товаров; 4) обеспеченность жильем и коммунальными услугами; 5) уровень здравоохранения, просвещения, культурного и бытового обслуживания; 6) уровень социального обеспечения; 7) соотношение рабочего и

свободного времени, условия отдыха; 8) условия труда, обеспеченность работой, уровень безработицы.

Выделяется четыре градации уровня жизни населения [17]:

1) достаток (пользование благами, обеспечивающими всестороннее развитие человека);

2) нормальный уровень (рациональное потребление по научно обоснованным нормам, обеспечивающее человеку восстановление его физических и интеллектуальных сил);

3) бедность (потребление благ на уровне сохранения работоспособности как нижней границы воспроизводства рабочей силы);

4) нищета (минимально допустимый по биологическим критериям набор благ и услуг, потребление которых лишь позволяет поддержать жизнеспособность человека).

Важнейшими составляющими уровня жизни выступают доходы населения и его социальное обеспечение, потребление им материальных благ и услуг, условия жизни, свободное время. Условия жизни можно укрупненно разделить на условия труда, быта и досуга.

Возможны три аспекта изучения уровня жизни: применительно ко всему населению; к его социальным группам; к домохозяйствам с различной величиной дохода.

Важную роль в изучении уровня жизни населения играют социальные нормативы как научно обоснованные ориентиры направленности социальных процессов в обществе. Различают следующие социальные нормативы: развития материальной базы социальной сферы, доходов и расходов населения, социального обеспечения и обслуживания, потребления населением материальных благ и платных услуг, условий жизни, состояния и охраны окружающей среды, потребительского бюджета и др.

Непосредственное отношение к уровню жизни имеет потребительский бюджет, суммирующий нормативы потребления населением материальных благ и услуг. К основным социальным нормативам относятся минимальная заработная плата и пособие

по временной нетрудоспособности, пособие по безработице для трудоспособных лиц, минимальные трудовые и социальные пенсии для пожилых и нетрудоспособных граждан, инвалидов, минимальные стипендии учащимся, регулярные или разовые целевые пособия наиболее уязвимым в материальном отношении группам населения (многодетным и малообеспеченным семьям, матерям-одиночкам, престарелым и др.).

Существующие нормативы отражают современные научные представления о потребностях людей в благах и услугах — личных потребностях. Однако последние не следует абсолютизировать, так как они всегда изменчивы, что затрудняет их количественную оценку.

Внешней формой проявления личных потребностей выступает потребительский спрос населения, хотя и количественно, и качественно он отличается от действительной потребности. Различают общий потребительский спрос, объем и структура которого соответствуют объему потребления населением материальных благ и услуг, и платежеспособный спрос на них, отражающий платежеспособные возможности населения.

Рассматривая следующую составляющую — стиль жизни — интегральной категории «образ жизни», следует отметить, что она не нова для социологии. Категория «стиль жизни» разрабатывалась еще социологами классического периода развития социальной мысли, в частности, М. Вебером [20], представившим стиль жизни как критерий социальной дифференциации, фактор, интегрирующий данную социальную группу и одновременно выступающий барьером, препятствующим переходу из одной группы в другую.

В современных словарях под стилем жизни понимают определенный тип, стандарт, отличную черту, характерную манеру поведения людей, субъективную сторону человеческой деятельности, выражающуюся в мотивах, формах и ориентациях решений, поступков, повседневном поведении индивида, его семьи, социальной группы

или слоя. «Жизненный стиль» (или «стиль жизни») — исторически изменчивая и исторически обусловленная категория, прошедшая путь трансформации от единого стиля жизни архаических обществ к множеству стилей современного общества.

Многомерность понятия «стиль жизни» и широкий диапазон феноменов, составляющих его, породили множество классификаций жизненных стилей на основе самых разнообразных критериев, но все они соотносимы с личностными характеристиками (конформность, индивидуализм, агрессивность, альтруизм и т.д.), что указывает на специфику категории «стиль жизни» по отношению к стилю деятельности. При классификации последнего используются параметры, являющиеся характеристиками деятельности (результативность, эффективность, соотношение ориентировочных и исполнительских действий и т.д.).

Понятие «стиль жизни» обладает большей эвристической значимостью, так как позволяет значительно углубить понятие «образ жизни», детально рассмотреть влияние внутренних психологических факторов на развитие способа жизни личности и зафиксировать многогранность повседневного поведения людей в рамках единого для них образа жизни [21].

Понятие «стиль жизни» применяется для обозначения характерных специфических способов самовыражения представителей различных социокультурных групп, проявляющихся в их повседневной жизни: в деятельности, поведении, отношениях. Показателями стиля жизни являются особенности индивидуальной организации приемов и навыков трудовой деятельности, выбор круга и форм общения, характерные способы самовыражения (включая демонстративные черты поведения), специфика структуры и содержания потребления товаров и услуг, а также организация непосредственной социокультурной среды и свободного времени.

Стиль жизни — не составная часть образа жизни, а воплощение последнего на уровне личности, — это одна из конкретных его форм, посредством которой образ

жизни доводится до реального воплощения в действительность через индивидуальность личности. Отличие образа от стиля жизни и заключается в удельном весе индивидуального в них. Поскольку само существование стиля жизни основано, прежде всего, на индивидуальности, данное явление имеет право на изучение только в том случае, когда обеспечиваются реальные условия для осуществления индивидуальности в процессах жизни, когда можно говорить о сформированности высшего уровня индивидуальности — внутреннего мира личности, мира ее потребностей, ценностных ориентаций, представлений о людях и самой себе, когда уровень субъектности позволит сделать выбор из альтернативных путей жизни собственного.

Нами разделяется подход Е.Г. Пчелинцевой к определению данной категории, согласно которому «стиль жизни семьи» — компонент образа ее жизни, характеризующий поведенческие особенности повседневной жизнедеятельности людей и их семей (в частности, ритм, интенсивность, темп жизни), а также социально-психологические черты быта и взаимодействия между людьми, которые нередко выражают национально-этнические и социально-профессиональные черты социальной общности, группы [22].

Категория «стиль жизни семьи» выполняет не только функцию дифференцирующую, выделяя, во-первых, вариантное в образе жизни, но одновременно обобщающую, в частности, обобщение касается группы, определенного множества людей, одинаково ведущих себя, использующих общие, единые способы жизнедеятельности; во-вторых, стиль жизни семьи отражает не один из видов ее деятельности, а особенности ее образа жизни в целом; в-третьих, стиль жизни является научной категорией, которая фиксирует не единичное, случайное, а отражает устойчивое, повторяющееся в способе жизнедеятельности семьи на протяжении длительного отрезка времени.

Понятие «уклад жизни» характеризует конкретные исторические социально-экономические и политические аспекты куль-

туры, в рамках которой разворачивается образ жизни ее носителей. В качестве показателей уклада жизни выступают характер собственности на средства производства, характер экономики, социальных отношений, ведущих идеологий, политической системы и т.п. Важнейшее значение имеет здесь также показатель урбанизации.

«Стандарт жизни» — это теоретическое аналитическое понятие, сконструированное для того, чтобы обеспечить точку отсчета при сравнении уклада, уровня и качества жизни представителей различных социокультурных групп. Оно строится как статистическая «мода» этих параметров образа жизни, в этом смысле можно говорить о стандартах уклада, уровня, качества жизни, характерных для общества в целом или отдельных социальных групп в рассматриваемый период времени.

Говоря о структуре и составляющих элементах образа жизни людей, следует помнить, что они не остаются неизменными во времени, их изменения на протяжении жизни человека также происходят под влиянием объективных и субъективных факторов. Объективными факторами являются некоторые обязательные или же доступные для всех членов общества виды деятельности, в которых они принимают участие и которые на определенный период жизненного цикла являются устойчивыми компонентами их образа жизни (например, обучение в средней школе, трудовая деятельность и т.п.).

Субъективные факторы связаны с изменением значимости для индивида того или иного вида деятельности (например, по мере включения в работу человек начинает испытывать больший интерес к своей профессии, чем во время обучения) или, наоборот, с отказом принимать участие в каком-либо из доступных ему видов деятельности (например, после нескольких лет обучения в высшем учебном заведении человек решает оставить его и пойти работать), а также со сменой предпочтений в предметном мире.

Индивидуальный выбор людьми из «заданных», имеющихся в обществе к моменту

их рождения культурно установленных видов деятельности, их предметных условий, средств и результатов и способы организации этих видов и элементов окружения в различные периоды жизненного цикла определяют не только структуру их образа жизни, но и промежуток времени, в течение которого все это остается устойчивым.

Влияние внешних условий и личностных состояний людей на способы организации ими своего образа жизни меняются во времени. Распределение времени и усилий людей между фундаментальными формами жизнедеятельности, уровнями и областями культуры различаются не только по социокультурным группам, но и по стадиям индивидуального жизненного цикла. Изучение смены субъективных состояний и структур активности людей в подвижном социокультурном контексте придает анализу образа жизни динамический характер.

Таким образом, обобщающую категорию «образ жизни» можно определить как систему наиболее существенных, типичных характеристик способа жизнедеятельности, активности людей в единстве их количественных и качественных сторон, являющихся отражением уровня развития общества.

Рассматривая теоретико-методологические подходы к определению категории «образ жизни», мы отметили следующее:

1) интегративный (синтезирующий) аспект понятия «образ жизни» определяет это понятие как способ организации людьми своей жизнедеятельности. Оно интегрирует в единую теоретическую систему структурные, содержательные и динамические особенности этих процессов в пределах жизненного цикла индивида. Причем синтезу подлежат виды индивидуальных деятельностей, взаимодействия, общения, поведения во всех тех сферах социокультурного бытия, в которых человек принимает участие в ходе своей жизни. Это позволяет дать целостную оценку специфических или типичных черт повседневной жизни членов определенной социокультурной группы;

2) образ жизни целесообразно рассматривать с позиции так называемой жизненной ситуации как итога особого, характерного именно для данного индивида на данном этапе его жизненного цикла сплетения всей системы его деятельности. Различают установившиеся и проблемные жизненные ситуации. Проблематизация жизненных ситуаций благоприятствует изменению компонентов образа жизни, накоплению нового опыта, выработке новых ценностно-нормативных элементов социокультурной среды, образцов поведения и общения;

3) практическое исследование образа жизни целесообразно реализовывать с позиции нормативно-сравнительного подхода. При этом проблема оценки многообразных репрезентированных моделей образа жизни, их типологизации и соотнесения между собой предполагает наличие этало-

на, нормативной модели, по отношению к которой производится сравнение;

4) влияние внешних условий и личностных состояний людей на способы организации ими своего образа жизни меняются во времени, они различаются не только по социокультурным группам, но и по стадиям индивидуального жизненного цикла. Изучение смены субъективных состояний и структур активности людей в подвижном социокультурном контексте придает анализу образа жизни динамический характер;

5) при определении категории «образ жизни» важно подчеркнуть ее интегративный характер по отношению к таким понятиям, как «уклад жизни», «уровень жизни», «качество жизни», «стиль жизни». Эти понятия раскрывают и конкретизируют содержание категории «образ жизни» при различных уровнях анализа социокультурной динамики.

Литература

1. Орлова Э.А. Теоретическая модель образа жизни: Связи человека с социокультурной средой. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.countries.ru/library/antropology/orlova/obraz.htm>).
2. Толстых В.И. Образ жизни: Понятие, реальность, проблемы. М.: Политиздат, 1975. 184 с.
3. Большая советская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bse.chempport.ru/obraz_zhizni.shtml.
4. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд. Т. 3. С. 19.
5. Бестужев-Лада И.В. Содержание и структура категории образ жизни. Теоретические и методологические проблемы исследования образа жизни. М., 1979. С. 15.
6. Вишневецкий С.С., Руткевич М.Н., Тощенко Ж.Т. Социалистический образ жизни. М.: Издательство политической литературы, 1984. 317 с. С. 15.
7. Левыкин И.Т. Проблема нового концептуального подхода к изучению образа жизни // Актуальные проблемы нового подхода к изучению социалистического образа жизни. Вып. 1. М., 1988. С. 83-91.
8. Сохань Л.В. и др. Образ жизни: Теоретическая и методологическая проблематика социально-психологического исследования. Киев, 1980;
9. Возмитель А.А. Образ жизни: от старого подхода к новому // Социально-политические науки. 1991. № 1. С. 85-91.
10. Возмитель А.А. Образ жизни: концепция, сущность, динамика: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2000.
11. Здравомыслов А.Г. Методология и процедура социологических исследований. М.: Мысль, 1969. С. 22.
12. Ядов В.А. Стиль жизни как социально-психологическая характеристика // Социально-психологические проблемы в условиях развитого социалистического общества. М., 1977. С. 18-28.

13. Резник Ю.М., Смирнов Е.А. Стратегия жизни. М.: Наука, 2002. 370 с.
14. Бутенко А.П., Ципко А.С., Киселев В.П. Социалистический образ жизни (методологические проблемы исследования). М., 1975, С 20.
15. Основы изучения человеческого развития / Под ред. Н.Б. Баркалова и С.Ф. Иванова. М.: Права человека, 1988.
16. Белов Е.М. Некоторые вопросы категории «образ жизни» («уровень жизни», «качество жизни») по материалам зарубежной социологической литературы: тезисы докладов // Современные проблемы прикладной социологии и социальной психологии в трудовых коллективах. Л: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. С. 47-49.
17. Социальная статистика / Под ред. чл.-кор. РАН И.И. Елисеевой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 2002. 480 с.
18. Лига М.Б. Качество жизни как основа социальной безопасности: монография. М.: Гардарики, 2006. 223 с.
19. Лига М.Б., Щеткина И.А. Качество жизни: организационно-управленческий аспект. Новосибирск: Наука, 2011. 227 с.
20. Вебер М. Хозяйство и общество // Избранные произведения. М., 1990. С. 575.
21. Ануфриева Р.М., Головаха Н.И., Донченко Е.А. и др. Стиль жизни личности. Теоретические и методологические проблемы. Киев: Наукова думка, 1982. С. 45.
22. Пчелинцева Е.Г. «Динамика стиля жизни семьи» в период трансформации российского общества: автореф. дис... канд. социол. наук. Саратов, 2005. 158 с.

Коротко об авторе _____ ***Briefly about the author***

Романова И.В., канд. социол. наук, помощник
Уполномоченного по правам человека Забайкаль-
ского края
rik-romanova-chita@mail.ru

I. Romanova, Doctor of Social sciences, the assistant
of human rights commissioner in Zabaikalsky krai

Научные интересы: философия одиночества,
гендерные исследования, деловые коммуникации

Scientific interests: the philosophy of solitude, gender
studies, and business communications

УДК 347. 416. (075)

Дробышевский Владимир Станиславович
Vladimir Drobyshevsky

Романова Нелли Петровна
Nelli Romanova

СОВРЕМЕННЫЕ ТИПЫ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ СИСТЕМ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ СРЕЗ

MODERN TYPES OF ANTICORRUPTION SYSTEMS: REGIONAL PROFILE

Выделены основные классы систем антикоррупционных мер. Рассмотрены формационный и цивилизационный подходы.

Сравниваются достаточно развитые антикоррупционные системы западных стран и стран, поставивших задачу строительства социализма, но не решивших ее.

Выделены наиболее характерные тенденции в развитии систем антикоррупционных мер и антикоррупционных систем, а также группы стран с уже сложившимися антикоррупционными системами (подгруппы: США, европейские страны, Израиль) и стран, в которых становление таких систем только начинается (подгруппы: страны Африки, Азии и Латинской Америки, Китай, Россия).

Представлена правовая составляющая антикоррупционных систем

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционные системы, классификации, система мер, критерии, правовое государство, правовые системы, законы, этика, государственные чиновники

The major classes of systems of anticorruption measures are defined. The formation and civilization approaches are considered.

Fairly advanced anticorruption system of the western countries is compared to the countries that have rendered the task of building socialism, but have not solved it.

The most characteristic tendencies in the development of systems of anticorruption measures and anticorruption systems are highlighted. The groups of countries with already established anticorruption systems (subgroup: USA, European countries, Israel) and countries in which the formation of such systems only begins (sub—groups: the countries of Africa, Asia and Latin America, China, and Russia) are pointed out.

The legal component of the anticorruption systems is presented

Key words: corruption, anticorruption system, classification system of measures, criteria, legal state, legal system, laws, ethics, government officials

Современный мир дает огромное многообразие национальных моделей систем антикоррупционных мер и антикоррупционных систем (подчеркнем, что, согласно нашей трактовке, говорить об антикоррупционных системах в докапиталистический период можно только условно, поскольку коррупция приобретает системный ха-

рактер с окончательным утверждением частной собственности, развитием государства в XIX в. как вполне институционализированного явления с выраженным «абстрактным» и «конкретным» (Г. Гегель) разделением властей; следовательно, и институционализация антикоррупционной системы как целостности возможна лишь на

этом этапе. В предшествующие исторические периоды и при неразвитых государственных структурах можно говорить лишь о системе антикоррупционных мер. Понятие «система антикоррупционных мер» более широкое, включающее в себя наиболее развитую форму — «антикоррупционную систему»). Это многообразие может быть систематизировано и классифицировано по разным основаниям.

В соответствии с используемыми большинством авторов двумя методологическими подходами, формационным и цивилизационным, можно выделить основные классы данных систем.

Формационный подход (включая не только марксистскую концепцию, но современные западные теории: стадий экономического роста и т.п.) в качестве логического следствия предполагает, что антикоррупционная система, как часть надстройки, отражает характер экономического, политического, социально-культурного уровня развития общества.

Для классификации в рамках формационного подхода характерно как выделение антикоррупционных систем в соответствии со стадиями развития общества в его государственном срезе (капиталистическое, социалистическое или во втором варианте — индустриальное, постиндустриальное), так и более дробное — делающее акцент на степени развития политической системы, демократических институтов, самого государства и гражданского общества.

Цивилизационный подход, ставящий во главу угла ценностный, этнокультурный критерий, требует рассмотрения специфики общества, в данном случае национальных антикоррупционных систем, сравнительно с другими, как правило, существующими в одном историческом времени, обществами. Можно говорить о большей предрасположенности сторонников цивилизационного подхода к компаративистским, сравнительным, методам исследования.

Отметим, что в литературе распространено противопоставление системы мер антикоррупционного характера в рамках капиталистического и социалистического

обществ. При этом системы антикоррупционных мер в первом случае характеризуются как тяготеющие преимущественно к правовым, демократическим методам борьбы с коррупцией при активном участии структур и институтов гражданского общества [1].

Во втором — акцент делается на неправовых, силовых, карательных мерах при минимальном участии институтов гражданского общества. Считаем, что данные характеристики носят несколько односторонний и во многом предвзятый характер.

Следует учитывать, что, как правило, при таком анализе сравнение носит искусственно избирательный характер. Во-первых, сравниваются достаточно развитые антикоррупционные системы западных стран и система антикоррупционных мер СССР или КНР, стран, которые могут в большей мере быть охарактеризованы как страны, поставившие задачу строительства социализма, но далеко не решившие ее (не стоит принимать прокламацию периода Н.С. Хрущева о развернутом строительстве коммунизма за действительное положение дел в СССР. Не случайно в так называемый брежневский период СССР был осуществлен мягкий возврат к концепции развитого социализма, а Ю.В. Андропов сделал вывод о том, что «мы не знаем общества, в котором живем»). Самое главное в теоретическом плане возражение связано с переосмыслением Г.В. Плехановым возможности социалистической революции в России и характеристикой В.И. Ленина российского послереволюционного общества как государственного капитализма.). Во-вторых, достаточно развитые антикоррупционные системы стран Западной Европы и Израиля, которые в западной литературе зачастую рассматривались (в первую очередь американскими политологами) как социалистические, полностью отождествляются с американской системой.

Считаем, что в существенной мере такое положение вещей определяется несколько упрощенным подходом к определению критерия классификации антикоррупционных систем. Большая часть исследователей до

сих пор работает на уровне одномерного критерия, в то время как сложилась настоятельная потребность в выработке комплексного критерия (аналогичное положение вещей существовало до 2-й половины XX в. в сравнительном правоведении, где выработка комплексного критерия связывается с именем Р. Давида).

Не пытаясь решить задачу выделения комплексного критерия антикоррупционных систем, которая требует, по нашему мнению, специального анализа, укажем на еще один существенный аргумент в пользу выделения указанных европейских стран в отдельную подгруппу. Это – различие правовой базы антикоррупционной системы. В США правовая система, определяемая как прецедентная (является частью англо-саксонской правовой семьи), коренным образом отличается от европейской – кодификационной, иначе называемой романо-германской правовой семьей. Естественно, это не может не сказываться на специфике всей антикоррупционной системы. Если прибавить к этому другие особенности политической организации европейского общества (в частности, многопартийность, с гораздо более широким спектром политических партий и движений), то нельзя не признать, что европейская антикоррупционная система должна быть выделена в отдельную подгруппу.

Несомненно, что требуют выделения в отдельную группу и антикоррупционные системы динамично развивающихся по пути рыночной экономики стран в различных частях мира, прежде всего, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, составляющие в силу этнокультурных и культурно-исторических особенностей отдельные подгруппы.

Отдельно должна рассматриваться Китайская Народная Республика, не только из-за масштабов страны, но и в силу своеобразного переходного этапа, когда речь идет только о становлении рыночного хозяйства, правового государства и, соответственно, институтов гражданского общества, без которых говорить об антикоррупционной системе как сложившейся не приходится.

По данным характеристикам КНР близка к названной группе стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, но отличается от них выраженной социалистической идеологией, удачно совмещающей КПК с традиционными ценностями Китая.

Мы не ставим задачу подробного описания антикоррупционных систем всех стран. Вопрос об антикоррупционных системах зарубежных стран достаточно подробно изложен в литературе, поэтому остановимся лишь на наиболее близких к тематике нашего исследования проблемах. На основе анализа имеющихся публикаций попытаемся выделить наиболее характерные тенденции в развитии систем антикоррупционных мер и антикоррупционных систем, которые можно сопоставить с аналогичными тенденциями в России.

Для нашего обзора мы выделим группу стран с уже сложившимися антикоррупционными системами (подгруппы: США, европейские страны, Израиль) и стран, в которых становление таких систем только начинается (подгруппы: страны Африки, Азии и Латинской Америки, Китай, Россия).

Наибольшее внимание в российской литературе уделено антикоррупционной системе США [2, 3, 4]. Многие исследователи считают, что это самая развитая система, достойная прямого копирования. Однако, по нашему мнению, в настоящее время распространены упрощенные представления об американском опыте и неоправданные ожидания быстрого решения наших проблем [5] в результате копирования американской системы. Представление о возможности решения российских проблем на основе копирования американского опыта не учитывает целого ряда отличий двух государств, в частности, несовпадения правовых систем, поскольку Россия входит в романо-германскую правовую семью. Тем не менее, для России интересен опыт США, добившихся успеха в решении сходных проблем.

Создание достаточно результативной системы мер по предупреждению коррупции и борьбы с ней заняло в США доста-

точно длительный период. Напомним, что тип государственного служащего формировался в США в условиях кардинально отличавшихся от европейских стран и тем более от России [6]. Основным фактором, обусловившим специфику положения госслужащего в США, явилось формирование государственной службы сразу в ее наиболее исторически развитой буржуазной форме, чего не было в Европе. В то же время госслужба современной России, хотим мы этого или нет, несет на себе отпечаток условий советского и даже ещё более раннего периода.

Наиболее активные меры в борьбе с коррупцией в США стали применяться со второй половины XX в., хотя есть исследования процессов, имевших место ещё в XIX в. [7], а также первой половины XX в. Для антикоррупционной системы США характерны следующие особенности: акцент на правовых, проводимых через всю систему законодательства, антикоррупционных положениях; особое внимание к деятельности государственных чиновников; развитие национальных и международных антикоррупционных исследовательских центров и групп, решающих, в частности, и задачи распространения влияния американской антикоррупционной модели на другие страны.

Особенно интересна правовая составляющая антикоррупционной системы США.

Иногда в качестве характеристики антикоррупционной правовой базы США приводят приблизительно следующий список законов [8]:

– Закон о конфликте интересов может быть назван ядром, теоретической базой всей правовой антикоррупционной системы США, поскольку он предусматривает ограничения для занятия государственных должностей лицами, имеющими или имевшими весомые рычаги влияния в какой-либо сфере экономической деятельности;

– Закон о коррупции, который не только определяет общие антикоррупционные механизмы, но и устанавливает конкретный механизм предотвращения финансовых махинаций.

– Закон об открытости информации, о первоочередном воспроизведении которого в России говорят многие российские авторы, поскольку он предусматривает право любого гражданина получить любую информацию (естественно, за исключением отнесенной к секретной) о любом лице. Особенно важно, что в американском варианте в список открытой информации включаются сведения об имуществе, о совершенных сделках, о судебных процессах и т.д.;

– Закон о публичных людях, устанавливающий, что информация о «публичных лицах» (государственных служащих, артистах, депутатах) может распространяться без согласия этих лиц и без каких-либо ограничений;

– Закон о разоблачителях, определяющий механизмы защиты лиц, которые сообщают о правонарушениях, и даже определенное их поощрение.

Сюда же часто относят и законы, касающиеся работы правоохранительных и правоприменительных органов, например, Закон о ротации и выборности судей. Значимость данного закона заключается в том, что он определяет механизм выборов судей и их ротации. Российские авторы, считающие важнейшей причиной роста коррупции в стране отсутствие или недостаточность реализации принципа независимости судебной власти, считают именно это направление в борьбе с коррупцией наиболее перспективным.

Несомненно, приведенный перечень далеко не полон. Так, в Своде законов США (US Code) подкуп посвящена целая глава 11 титула 18, которая так и называется «Подкуп, незаконные доходы и конфликт интересов» (Bribery, Graft, and conflicts of interest). Титул 18 содержит нормы, относящиеся к уголовному праву и процессу (Crimes and criminal procedure). Можно согласиться с часто высказываемым мнением, что антикоррупционная составляющая характерна для всей системы законов США, что пока еще является недостижимым, в ближайшее время, идеалом для нашей страны.

Следует учитывать и то, что американская правовая система носит существенно другой характер, поскольку область действия федерального законодательства США четко отделена от сферы действия законодательства штатов. Однако надежды на решение проблемы только за счет дальнейшей детализации прямого правового регулирования административных отношений оказались в США не оправдавшимися. Акцент стал смещаться в сторону использования изменений этических норм и повышения их роли, естественно, также на правовой основе.

Еще в 1962 г. Конгресс США рассмотрел вопрос о создании официальных норм поведения выборных должностных лиц, в частности, членов палат конгресса. Для эффективной реализации этих норм в 1965 г. Президент США Л. Джонсон издал распоряжение, в соответствии с которым государственные органы власти должны были установить стандарты поведения, этические нормы, определяющие условия поведения должностных лиц их деятельности, для правомерного, честного и должного выполнения ими публичных функций. На основании распоряжения президента комиссия по гражданской службе определила круг должностных лиц, обязанных предоставлять финансовые декларации, содержание которых не подлежало разглашению до тех пор, пока имелись достаточные на то основания.

Однако реализация этих требований не была обеспечена. В частности, не выполнялось требование периодически докладывать о своем финансовом состоянии, а в тех случаях, когда декларации все же подавались, не применялись административные и судебные санкции в отношении лиц, давших ложные сведения либо допустивших служебные злоупотребления, как это обнаруживалось, в частности, из содержания поданных деклараций.

В этих условиях особое внимание было обращено на вопросы этики [9]. В нашей литературе приводится Кодекс этики правительственной службы, появившийся еще в 1958 г. в форме резолюции Конгресса. В

нем были зафиксированы следующие требования к лицам, находящимся на правительственной службе.

Чиновник должен:

1) преданность высшим моральным принципам и государству ставить выше преданности лицам, партии или государственным органам;

2) поддерживать конституцию, законы США, постановления всех органов власти и никогда не поддерживать тех, кто уклоняется от их исполнения;

3) работать весь трудовой день за дневную плату, прилагая необходимые усилия и мысли для выполнения своих обязанностей;

4) стараться находить и применять наиболее эффективные и экономичные способы решения поставленных задач;

5) никогда не осуществлять дискриминацию путем предоставления кому-либо специальных благ или привилегий как за вознаграждение, так и без него и никогда не принимать для себя либо для своей семьи благ или подарков при обстоятельствах, которые могут быть истолкованы как воздействие на исполнение должностных обязанностей;

6) не давать никаких обещаний, касающихся должностных обязанностей, поскольку государственный служащий не может выступать как частное лицо, когда дело касается государственной должности;

7) не вступать ни прямо, ни косвенно в коммерческие отношения с правительством, если это противоречит добросовестному исполнению должностных обязанностей;

8) никогда не использовать конфиденциально полученную при исполнении должностных обязанностей информацию для извлечения личной выгоды;

9) вскрывать случаи коррупции при их обнаружении;

10) соблюдать эти принципы, сознавая, что государственная должность является выражением общественного доверия.

Напомним, что в 1978 г. конгресс США принял Закон «Об этике в правительстве», задача которого, как об этом сказано в зако-

не, «сохранять честность государственных чиновников и учреждений и способствовать таковой». При отделе по управлению персоналом был создан отдел «по этике в правительстве».

Характерно, что после принятия Закона «Об этике в правительстве» возникла проблема соблюдения конституционного принципа невмешательства в личную жизнь должностных лиц. Верховный Суд США поддержал законодателей и разъяснил, что декларирование должностными лицами своего финансового состояния не противоречит их конституционным правам и является методом формирования доверия общества к правительству и предупреждения непорядочности. Тем не менее, потребовалось создание Президентом США Дж. Бушем президентской комиссии по реформе закона об этике в федеральных органах и в 1989 г. как результат деятельности этой комиссии был принят очередной Закон «О реформе закона об этике». Действие Закона было распространено на все ветви федеральной власти — законодательную, исполнительную и судебную, а также созданы специальные ведомства, призванные осуществлять контроль за соблюдением этических норм. В отношении членов и сотрудников аппарата Палаты представителей конгресса контроль был возложен на комитет по стандартам официального поведения сотрудников палаты представителей конгресса США; в отношении сенаторов и сотрудников сената — на комитет сената США по этике; в отношении федеральных судей и сотрудников аппаратов судов — на административное управление судов США; в отношении должностных лиц органов исполнительной власти — на Управление по этике в правительстве. Центральной категорией здесь является — «конфликт интересов». Законодательство четко различает ситуации, когда конфликт интересов возникает в ходе исполнения должностным лицом своих служебных обязанностей или же в результате действий лица, уже прекратившего свою службу в органах государственной власти. Весьма важно, что американское законодательство предусматривает

ограничения деловой деятельности бывших государственных служащих.

В случае, если государственный служащий, находясь на службе, «лично и существенно» участвовал в качестве правительственного должностного лица в решении конкретных проблем, он не имеет права после выхода в отставку официально и в любой форме представлять чьи-либо интересы для разрешения органами исполнительной власти таких же проблем в последующем. Государственный служащий в отставке не имеет права в течение двух лет после выхода в отставку осуществлять представительскую деятельность при решении органами исполнительной власти конкретных проблем, которые относились к официальному ведению этого государственного служащего в течение одного года, предшествующего прекращению его службы в исполнительной власти. В течение одного года после выхода в отставку бывший государственный служащий высокого ранга не имеет права представлять чьи-либо интересы по любому вопросу перед тем ведомством, в котором он служил или каким-либо государственным служащим этого ведомства.

Заработок государственного служащего, находящегося на службе по совместительству не должен превышать 15 % основной должностной оплаты. Это ограничение не распространяется только на членов сената США.

Закон также запрещает государственным служащим принимать «что-либо, представляющее ценность», от тех, кто заинтересован в том, чтобы были приняты конкретные официальные решения или меры. Стоимость подарков, получаемых, например, сенатором из других источников, конечно, за исключением родственников, в течение одного года не должна превышать в совокупности 300 долл. Подарки, общая стоимость которых составляет менее 75 долл., не декларируются.

Однако действие запретов на получение подарков не распространяется на: вознаграждение, получение которого государственным служащими предписано законом, или любое иное благо, за которое

получатель предоставляет законное встречное удовлетворение или на которое он иным образом правомочен.

Имеются ограничения на оплату частным лицам подарков и в форме поездок. Сенат установил лимит три дня (и две ночи) для поездок внутри страны и в семь дней (и шесть ночей) для поездок за границу. Эти ограничения распространяются также и на членов семей сенаторов.

Член палаты представителей конгресса США имеет право получать подарки в течение календарного года общей стоимостью не более 250 долл. из одного источника. Каждые три года этот лимит пересматривается. Подобное ограничение распространяется и на сотрудников аппарата палаты представителей. Каждый подарок, включая подарки супругам должностных лиц, цена которого превышает 100 долл., должен декларироваться.

Особо регламентируются условия получения подарков и наград от представителей иностранных государств. Государственный служащий имеет право принять подарок от представителя иностранного государства в том случае, если этот подарок предлагается в качестве сувенира или в знак вежливости и не превышает «минимальной стоимости». Тем не менее, если такой подарок способствует развитию связей США в сфере науки или медицины, а отказ принять подарок может причинить обиду дарителю и тем самым повлиять на международные связи США, то должностное лицо имеет право принять подарок и выше «минимальной стоимости».

Следует отметить, что имеются и другие формы борьбы с коррупцией. Так, в США большое развитие получил социально-правовой контроль как средство борьбы с коррупцией. Здесь с 1991 г. действует федеральный закон о контроле за организованной преступностью (Государственный закон № 91-452). В качестве базового в нем использовано понятие «рэкетирская деятельность», охватывающий, помимо дачи и получения взяток, довольно широкий круг правонарушений, имеющих связь с организованной преступностью (вымогательство,

некоторые виды мошенничества, занятие азартными играми, незаконные операции с наркотиками и др.). Борьбу с рэкетирской деятельностью, помимо судов, осуществляют специальные органы. Это Большие жюри, которые создаются в масштабах отдельного штата или круга и рассматривают на своих заседаниях материалы о занятии отдельных лиц указанной деятельностью. При наличии основания для возбуждения уголовного преследования дело передается в суд. Сходные тенденции развития антикоррупционной системы отмечаются исследователями и в Канаде.

Исследователи известного фонда ИНДЕМ, рассматривая особенности организации антикоррупционной деятельности в таких странах, как Дания, Финляндия, Швеция, Новая Зеландия, Канада, Нидерланды, Норвегия, Австралия, Сингапур, Люксембург, Швейцария, Ирландия, Германия, Великобритания, Израиль, США, Австрия, входящих в первую двадцатку стран по рейтингу коррупционности, отмечают следующую ее особенность [10] – коррупция осознается правительством этих стран как серьезная проблема национальной безопасности, причем как внешняя, так и внутренняя угроза. При этом четко разделяются политический и экономический аспекты коррупции.

Специфика антикоррупционных систем европейских стран наиболее явно может быть охарактеризована на примере Нидерландов. Авторы доклада выделяют следующие ее особенности [10]:

1. Постоянная отчетность и гласность в вопросах обнаружения коррупции и обсуждение последствий – наказаний за коррупционные действия. Ежегодно министр внутренних дел Нидерландов представляет доклад парламенту об обнаруженных фактах коррупции и принятых мерах по наказанию лиц, замешанных в коррупции.

2. Разработка системы мониторинга возможных точек возникновения коррупционных действий в государственных и общественных организациях, и строгого контроля за деятельностью лиц, находящихся в этих точках.

3. Создание системы прав и обязанностей должностных лиц с указанием их ответственности за нарушение должностной этики, включая коррупцию. При этом система указывает также правила поведения по исправлению допущенных нарушений.

4. Основной мерой наказания за коррупционное действие является запрещение работать в государственных организациях и потеря всех социальных льгот, которые предоставляет государственная служба, например, пенсионного и социального обслуживания. Шкала наказаний включает в себя также штрафы и временное отстранение от исполнения обязанностей.

5. Во всех значимых организациях, в частности, в министерствах, имеются службы внутренней безопасности, обязанностью которых является регистрация и выявление ошибок чиновников, их намеренных или случайных нарушений действующих правил и соответствующих последствий таких нарушений. Государственные организации стремятся поощрять позитивные действия должностных лиц. Система поощрений направлена на то, чтобы чиновнику было выгодно и в материальном, и в моральном планах вести себя честно и эффективно.

6. Организована система подбора лиц на должности, опасные с точки зрения коррупции.

7. Все материалы, связанные с коррупционными действиями, если они не затрагивают систему национальной безопасности, в обязательном порядке становятся доступными для общественности.

8. Каждый чиновник имеет право ознакомиться с информацией, характеризующей его как с положительной, так и с отрицательной стороны.

9. Создана специальная система обучения чиновников, разъясняющая, в частности, политический, общественный вред коррупции и возможные последствия участия в ней.

10. Создана система государственной безопасности по борьбе с коррупцией типа специальной полиции, обладающей значительными полномочиями по выявлению случаев коррупции.

11. Чиновники всех уровней обязаны регистрировать известные им случаи коррупции, и эта информация по соответствующим каналам передается в министерства внутренних дел и юстиции.

12. Большую роль в борьбе с коррупцией играют средства массовой информации, которые обнаруживают случаи коррупции и часто проводят их независимые расследования. В то же время клеветнические сообщения приводят к утере общественного доверия и репутации соответствующих источников информации. Тем самым предотвращается, в значительной степени, безответственность в подготовке разоблачительных материалов.

Опыт Европы интересен также развитыми формами сотрудничества, можно говорить о складывании единой европейской антикоррупционной системы, тем более, что предпосылки политические и правовые в Европе вполне созрели [11].

Для антикоррупционной системы Израиля, по характеристикам правовой системы, близкой к США, характерно соединение многих элементов, близких к европейской системе, особенно к Нидерландам, и элементов антикоррупционной системы США.

Она характеризуется высокой степенью институционализации: мониторинг за возможными коррупционными действиями осуществляется правительственными организациями и, прежде всего, ведомством Государственного контролера, независимым от министерств и государственных ведомств, специальными подразделениями полиции, и дополняется общественными организациями типа «Ведомства за чистоту правительства». В Администрацию премьер-министра Израиля входит управление по борьбе с коррупцией, на которое, помимо прочего, возложена координация работы различных внутриведомственных служб по борьбе с коррупцией и задача обучения их чиновников предотвращению коррупционных действий.

Таким образом, для антикоррупционной системы Израиля характерна высокая степень дублирования важнейших функ-

ций по противодействию коррупционной угрозе различными государственными и общественными органами и организациями. Обнаруженные факты коррупции в обязательном порядке доводятся до следственных органов расследования, также обязательно доведение вскрытых фактов коррупции до общественности через СМИ.

Кроме того, отмечают, что в Израиле, в силу значительных социальных льгот для чиновников и безжалостного их наказания при обнаружении коррупции, низовая коррупция практически отсутствует.

Среди современных антикоррупционных систем особое место занимают системы азиатских стран, среди которых выделяются страны Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона [12, 13, 14]. Для них характерна, в первую очередь, жесткость борьбы с коррупцией, что прямо определяется особенностями развития их политической системы.

Наиболее впечатляющих успехов в борьбе с коррупцией из азиатских стран достиг Сингапур, который еще в начале 70-х годов принял антикоррупционную программу и в рейтинге коррупционности теперь занимает место рядом с наименее коррумпированными европейскими странами и США [15]. Наряду с применением присутствующих азиатским странам строгих административных и уголовных мер для достижения высоких результатов в борьбе с коррупцией здесь важное значение имело существенное повышение заработной платы государственных служащих.

При достаточно небольшой численности населения (около 2,8 млн чел.) и госаппарата, большой специфики правоохранительной системы и национальных традиций в стране не потребовалось создание большого количества антикоррупционных институтов и программ. Основным институтом антикоррупционной системы этой страны стало Агентство (комиссия) по борьбе с коррупцией, подчиненное премьер-министру. При Министерстве финансов Сингапура с июля 1973 г. начала действовать специальная антикоррупционная программа. Она включала меры, которые практически

не отличались от принятых в других странах [10]. Некоторое своеобразие заключалось в следующем пункте — «введение процедуры пересмотра комплекса антикоррупционных мер каждые 3...5 лет». Тем не менее, результаты были впечатляющими.

В других азиатских странах успехи в этой области не столь заметны. Особенно сложное положение, определяемое целым рядом факторов, наблюдается в Китайской Народной Республике. По степени коррупции в различных рейтингах КНР соседствует с Россией. Однако в КНР сравнительно с Россией в становлении антикоррупционной системы существуют весьма существенные особенности. Эти особенности определяются (с точки зрения как западных, так и большей части российских исследователей) как экономическими (исторически более ускоренным, сравнительно с Россией, переходом к современному типу экономики с соответствующим изменением социальных структур на протяжении менее чем одного поколения), так и политическими факторами (сохранением в качестве фундамента политической системы политической монополии КПК и жесткого государственного контроля).

В качестве примера преодоления указанных недостатков в литературе рассматривается опыт борьбы с коррупцией в Гонконге [16], вошедшего в КНР с 1997 г., но сохранившего, в соответствии с провозглашенным еще Дэн Сяопином принципом «одно государство — две системы», ряд политических и административных институтов, отвечающих потребностям рыночного хозяйства. Это позволило созданной в Гонконге Независимой комиссии по борьбе с коррупцией (НКБК) достичь существенных успехов. Основные базовые принципы этой региональной антикоррупционной системы совпадают с принципами антикоррупционной деятельности европейских стран: постоянный мониторинг действий властных и административных органов специальными государственными организациями, участием в этой работе граждан и неотвратимостью наказания при четко ра-

ботающей правоохранительной и правоприменительной системе.

В то же время для континентального Китая проблема по-прежнему остается достаточно острой. Применение жестких мер против коррупции в целом характерно в целом для китайской истории и для истории КНР в том числе. Еще после образования КНР и на фоне развернутой в стране очередной массовой кампании — «движения против трех зол» (коррупция, расточительство и бюрократизм) в 1952 г. было принято «Положение о наказании за коррупцию (кит. — тань)». Смертная казнь стала достаточно распространенным наказанием за это преступление. В дальнейшем происходили многочисленные изменения в уголовном кодексе КНР, но коррупция оставалась серьезной проблемой.

Отметим, что анализ уголовного права КНР, проведенный Н.Х. Ахметшиным [17], показал, что чисто уголовно-правовые меры не дают ожидаемого результата. Коррупция в КНР далеко не всегда уголовно наказуема, лишь около 5 % партийных функционеров, наказываемых за разложение, привлекаются к уголовной ответственности. Наиболее острой проблемой в системе антикоррупционных мер КНР является отсутствие достаточно развитых и адекватных уровню коррупционной опасности институтов гражданского общества. Так, министерство общественной безопасности сообщило ЦК, что только в 2006 г. произошло 72 000 выступлений против коррупции, загрязнений окружающей среды и аварий в угольных шахтах. Это говорит о необходимости скорейшего развития широких общественных движений, которые канализировали бы эти протесты [18].

Исследователи констатируют, что в стране существуют как бы два уровня восприятия коррупции: политико-административный и уголовно-правовой. На партийно-политических форумах, в документах КПК и средствах массовой информации она в значительной степени отождествляется с разложением (термин «фубай», отсутствующий в Уголовном кодексе), а суды рассматривают дела и выносят приговоры

на основе конкретных статей Уголовного кодекса» [18; С. 261].

Так, в 2006 г. Центральная Дисциплинарная Комиссия Коммунистической партии Китая обнародовала следующие цифры. КПК подвергла дисциплинарному наказанию более 115 тысяч своих членов по обвинению в коррупции. Из них 15 тысяч должны были предстать перед судом. Еще 24 тысячи были исключены из рядов КПК, сообщает газета [19].

Не останавливаясь на других многочисленных примерах, свидетельствующих о росте коррупционных преступлений в КНР, отметим, что, наряду с традиционными методами правового регулирования и специфическими формами партийного регулирования антикоррупционных мер, КНР все большее внимание уделяет объединению усилий с другими странами. Китай начал активно сотрудничать с международными организациями, активно участвуя в создании новых таких организаций и стремясь занять там определенные лидирующие позиции.

В 2006 г. по инициативе Китая и при поддержке ООН создана Международная Ассоциация международных антикоррупционных органов [20]. Цель данной организации — координация деятельности всех структур, ведущих борьбу с коррупцией в мире, объединения международных усилий.

На состоявшейся в Пекине первой конференции и общем собрании Ассоциации, в которых приняли участие около 1000 представителей из 137 стран мира, а также министры юстиции и внутренних дел, генеральные прокуроры, руководящие лица авторитетных международных организаций, выступил глава Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао.

Аналитики отмечают, что Ху Цзиньтао в докладе на XVII-м съезде КПК упомянул слово «демократия» более 400 раз и призвал партию внедрять механизмы демократии в отношении с массами. Однако демократия, о которой идет речь, должна отвечать критериям «социализма с китайскими особенностями». Разъясняя это, представитель

КПК по связям со СМИ Ли Дуншэн сказал: «Мы никогда не станем копировать западную модель политического строя».

Однако данные конкретные меры пока не изменили ситуацию в КНР.

Проект Закона «О противодействии коррупции» также ставил такой вопрос. В гл. 2 «Меры по предупреждению и противодействию коррупции» рассматриваемого законопроекта имеются, в частности, следующие статьи: ст. 7 «Государственный орган противодействия коррупции»; ст. 8 «Общественный орган противодействия коррупции»; ст. 13. «Участие общества».

Ст. 7 «Государственный орган противодействия коррупции» «обеспечивает создание и функционирование Государственного органа по противодействию коррупции, подотчетного Федеральному Собранию Российской Федерации и Президенту Рос-

сийской Федерации; ч. 2 ст.7 определяет компетенцию Государственного органа по противодействию коррупции, которая охватывает разработку и проведение антикоррупционной политики, принятие и реализацию мер, направленных на эффективное и скоординированное предупреждение и противодействие коррупционных правонарушений и т.д.

Согласно ст. 8 «Общественный орган противодействия коррупции» предусматривается «создание и функционирование Общественного совета по предотвращению и противодействию коррупции, формируемого Президентом Российской Федерации, Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Государственной думой Федерального Собрания Российской Федерации на основе квотного принципа».

Литература

1. Дробышевский В.С., Романова Н.П. Коррупция и антикоррупционные системы. Чита: Поиск, 2010. 304 с.
2. Волженкин Б.В. Коррупция. Спб., 1998.
3. Кузнецова Н.Ф. Контроль над легализацией преступных доходов в США // Вестник Московского университета. Сер. Право. 1997. № 6.
4. Михайлов Л.В. Борьба с коррупцией в США (80-е гг.) // Вопросы истории. 1994. № 5.
5. Тихомиров Ю. Преодолевать коррупциогенность законодательства // Право и экономика. № 5. 2004.
6. Оболонский А. В. Государственная служба США: история и современность // Государство и право. 1999. № 4.
7. Саломатин А.Ю. Борьба с коррупцией в США в XIX в. и государственная модернизация // Правоведение. 2001. № 3.
8. Романова Н.П., Дробышевский В.С. Свобода. Одиночество. Право. Чита: ЧитГТУ, 2003. 246 с.
9. Николайчик В.М. Правовое регулирование этики официальных лиц в США // США. Экономика. Политика. Идеология. 1998. № 5.
10. Россия и коррупция: кто кого? Аналитический доклад подготовлен Региональным общественным фондом «Информатика для демократии» (Фондом ИНДЕМ). М., 1998.
11. Швец Е.В. Некоторые аспекты международно-правового сотрудничества государств-членов Совета Европы в области борьбы с коррупцией // Журнал российского права. № 7. 2000.
12. Корчагин А.Г. Коррупция и борьба с ней в странах Азиатско-Тихоокеанского региона // Следователь. 2000.
13. Корчагин А.Г. Коррупция и борьба с ней в странах АТР // Российский следователь. 2001. № 4.

14. Reja B., Talvitie A. The Industrial Organization in Corruption: What is the Difference in Corruption Between Asia and Africa // <http://www.isnie.org/ISNIE00/Papers/Reja-Talvitie.pdf>).
15. Доклад о коррупции «Трансперенси Интернэшнл» за 2004 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globalcorruptionreport.org/>
16. Яблоков Н., Сотов А. Особенности правовой основы борьбы с организованной преступностью в Гонконге // Уголовное право. 2000. № 1.
17. Ахметшин Н.Х. История уголовного права КНР. М., 2005.
18. Скосырев В. Партия останется рулевым. Съезд КПК отверг западную модель демократии // Антракт. Пятница, 19 октября 2007 г. № 223 (4186).
19. Китай борется с коррупцией: News.TRELL.ru.
20. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.day.az/news/politics/62775.html>.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Дробышевский В.С., д-р филос. наук, профессор, Забайкальский государственный университет

V. Drobyshevsky, Doctor of Philosophical Sciences, professor, Zabaikalsky State University

Научные интересы: социальная философия, философия права

Scientific interests: social philosophy, philosophy of law

Романова Н.П., д-р социол. наук, профессор, Забайкальский государственный университет
rik-romanova-chita@mail.ru

N. Romanova, Doctor of Sociological Sciences, professor, Zabaikalsky State University
rik-romanova-chita@mail.ru

Научные интересы: философия права

Scientific interests: philosophy of law

Филологические науки

УДК 81

Николаева Ольга Васильевна
Olga Nikolaeva

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАРТИН МИРА В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МУЛЬТИЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

INTERACTION PICTURES OF THE WORLD IN THE CONCEPTUAL SPACE MULTICULTURE

Статья посвящена проблемам взаимодействия концептуальных картин мира в поликультурных мультилингвальных сообществах. Автор ставит вопрос о лингвистической актуализации процессов и результатов когнитивного взаимовлияния, расширяющий традиционную проблематику языковых контактов. Исследование выполнено на материале лингвистических феноменов длительно сосуществующих и контактирующих языков Новой Зеландии: английского языка и языка маори

Ключевые слова: взаимодействие концептуальных картин мира, языковая актуализация, мультилингвокультура, языковые контакты, многоязычие

The paper considers the issues of conceptual world-view interactions in multilingual and multicultural societies. The author raises the question of linguistic actualization of mutual cognitive impacts, which widens the traditional scope of language contact issues. The research is based on language phenomena taken from continuously co-existing and interacting languages of New Zealand: English and Maori

Key words: conceptual worldview interaction, linguistic actualization, multilinguoculture, language contacts, multilinguism

Статистические данные о количестве языков, этносов и государств в современном мире не оставляют сомнений в том, что большинство стран являются мультилингвальными и полиэтническими. Историки и антропологи сходятся во мнении, что гомогенные в этническом и культурном отношении общества истории неизвестны [3], лингвисты утверждают, что нет и абсолютно монолингвальной страны [7]. Для многих полиэтнических сообществ характерно многоязычие, проявляющееся в жизни миллионов людей как билингвизм.

В полиэтническом мультилингвальном сообществе личность входит в состав сразу нескольких лингвокультурных коллекти-

вов, как минимум, этнического и национального. Вследствие этого человек может быть носителем сразу нескольких языков, культур, картин мира, это же характерно и для целых коллективов, если они входят в состав более крупных сообществ. При данных обстоятельствах *пересечение и взаимодействие языков, культур, менталитетов* становится неизбежным [4] и происходит в жизни, языке и сознании как отдельного человека, так и всего полиэтнического социума в процессе контактирования этнокультурных групп.

Изучение истории вопроса *лингвокультурно-когнитивных* взаимодействий в полиэтнических мультилингвальных со-

циумах показало, что исследовательский интерес научного сообщества направлен, прежде всего, на анализ результатов межъязыковых и межкультурных контактов, тогда как *взаимовлияние* и *взаимопроникновение ментальных, когнитивных структур* остается наименее изученным аспектом. Мы основываемся на положении о том, что в трехмерном, диффузном, по И.В. Приваловой [5], комплексе *лингво-культурно-когнитивных* взаимодействий, в которые ежедневно вовлечены полиэтнические мультилингвальные сообщества, помимо межъязыковых и межкультурных контактов, аналитически выделяется и *ментальная, когнитивная компонента* — контакт *концептуальных картин мира*, эксплицируемый на языковом уровне и прослеживающийся в вербальных и невербальных аспектах культур. Исходя из этого, мы ставим проблему лингвистической актуализации взаимодействия концептуальных картин мира в полиэтнических мультилингвальных социумах.

Интенсивное развитие когнитивной лингвистики, в частности, лингвоконцептологии в России и за рубежом обусловило формирование методологического потенциала и набора основных исследовательских категорий для описания взаимодействий картин мира. Тем не менее, четкая теоретическая концепция изучения лингвокогнитивных механизмов взаимовлияния и взаимопроникновения картин мира отсутствует, не уточнен инструментальный аппарат для такого рода исследований, не проработана и процедура анализа лингвокогнитивных взаимодействий. Насущной необходимостью представляется междисциплинарное расширение теоретической платформы за счет сочетания лингвокогнитивного подхода с лингвокультурологическим и социолингвистическим направлениями.

Для изучения взаимодействия картин мира привлечена категория *лингвокультура*, уже имеющая историю плодотворного изучения, а также введена новая категория *мультилингвокультура*. *Лингвокультура*, по В.В. Красных, это культура оязы-

ковленная, овнешненная и закрепленная в знаках языка, формирующаяся семиотическими системами языка и культуры [1; 2]. Лингвокультура, характеризуя человеческий коллектив, постулирует общность языка, культуры, а также *инвариант представлений* о фрагментах культуры, то есть общность *мыслительного пространства*.

Трудно представить, что мыслительное пространство лингвокультуры формируется произвольно, мы полагаем, что оно обусловлено системой ценностей. Инвариант представлений о фрагментах культуры и объектах действительности аксиологически мотивирован. Введение *аксиологического «регулятора»* в *континуумное* мыслительное пространство позволяет вести речь о *концептуальной картине мира*, ядром которой является комплекс *аксиологических концептов*.

Таким образом, поскольку взаимоотношения языка и культуры опосредованы сознанием, постольку же и лингвокультура в целом формируется при посредничестве картины мира, ядро которой составляет система ценностей. Все, что продуцирует картина мира этнокультурной группы при соприкосновении с действительностью, входит в мыслительное пространство лингвокультуры, а все, что из него отобрано и поименовано — есть сама лингвокультура.

В полиэтническом социуме общность мыслительного пространства *не исключает* сосуществование нескольких «инвариантов» представлений об одних и тех же фрагментах культуры, об одной и той же действительности, осознаваемой в соответствии с разными этническими системами ценностей, поэтому в этом случае речь следует вести не о единой *лингвокультуре*, а о *мультилингвокультуре*. Так, например, можно говорить о *русской* лингвокультуре или *эвенкийской* лингвокультуре, но о *российской* мультилингвокультуре.

Общий мыслительный континуум *мультилингвокультуры* (*концептуальное пространство мультилингвокультуры*) с позиции удаленного фокуса включает все сосуществующие и взаимодействующие этнокультурные концептуальные картины

мира, а также межэтнические (гибридные) и надэтнические (национальную).

Если речь идет о мультилингвальном сообществе, то *мультилингвокультура* предполагает оязыковление фрагментов культуры в разных (длительно сосуществующих в социуме) языковых системах. Однако в целом для мультилингвокультуры это условие не обязательно.

Разные системы ценностей, формирующие разные картины мира представителей этнокультурных групп, могут быть заметно выражены даже в случае оязыковления фрагментов культуры в одном и том же языке. Поэтому данный критерий (оязыковление в разных языковых системах) можно считать факультативным. Общность языка *не предполагает* (или *необязательно предполагает*) общности картин мира и обусловленных картинами мира лингвокультур. Множественность и нетождественность этнических лингвокультур определяется тем, что каждая из них реализует свой тип *когнитивной идентичности*, имеет свои *аксиологические* концепты и *аксиоматические* концепты (например, фразеологемы, паремииологемы, мифологемы), культурно-когнитивные модели, что отражается в коммуникативных актах, актуализирующих имплицитную «теорию» личности говорящих [6]. Мотивированный выбор коммуникантами средств на всех уровнях языка (фонологическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом) предоставляет нам возможность судить о языковой вариативности с лингвокультурологической и лингвокогнитивной точек зрения, иначе позволяет судить о вариативности лингвокультур и картин мира.

Так, например, в следующем диалоге из современного произведения на английском языке «*Manawa Toa: Heart Warrior*» [8] реплики одного из персонажей включают непонятное собеседнику имя *Mauī* и устойчивое выражение *a Maui trick*. Данные языковые средства наиболее отчетливо указывают на различие лингвокультур собеседников, говорящих на английском языке. Факт несовпадения лингвокультур

эксплицируется, помимо указанных лексико-фразеологических средств, вопросом «What do you mean?».

«Can't believe we actually survived yesterday».

«Me too. When that *bloody net* came down on us I didn't think we had a show of getting out».

«The French tried (1) *a Maui trick*, but it didn't work for them».

«What do you mean?»

«Well, (2) *Mauī* decides to check out where the sun rises at Wailoahi. He makes a strong cord from coconut fibre, throws it over the sun to draw her back ... That's why we have plenty of daylight now». [8, с. 149-151].

Следует особо подчеркнуть значение ментальной, когнитивной компоненты в этом примере межкультурной коммуникации: за внешней очевидной оболочкой, за различием лингвокультур стоит различие картин мира как способов восприятия действительности. Для восприятия сложившейся ситуации один собеседник использует описательное выражение «*net came down on us*», а второй – персонаж-носитель *полинезийской* картины мира – использует известную ему когнитивную модель *a Maui trick*, в основе которой лежит полинезийская мифологема *Mauī* (*Mauī* – великий герой Полинезии, известный своими подвигами и чудачеством). Особые когнитивные модели дают нам представление об особых способах познания действительности и маркируют собой особенности картины мира. Итак, полинезийская картина мира актуализирована в данном диалоге при помощи концепта *Mauī*, который во *втором* случае (2) представляет собой *мифологему* (здесь воспроизводится фрагмент одного из многочисленных мифов о Мауи), в *первом* (1) – *культурно-когнитивную модель*, служащую для восприятия сложившейся ситуации «*net came down on us*» = *a Maui trick*.

Продолжим рассуждения о вариативности концептуальных картин мира и обусловленных ими лингвокультур на материале концептуального пространства новозеландской мультилингвокультуры, предполагающего сосуществование и взаи-

модействие картин мира маори (коренного населения Новой Зеландии), пакеха (европейцев, преимущественно британского происхождения) и национальной новозеландской картины мира. Осмысление одной и той же действительности и культуры (новозеландской) происходит в этой стране в соответствии с системами ценностей маори, пакеха и национальной и по-разному оязыковляется даже в английском языке. Приведем несколько примеров.

Так, фрагмент из новозеландской газетной статьи «after a strong history of *Britishness*, national identity was now being *destabilized* by *Maori* and *Pasifika*» [9] относит автора к когнитивной идентичности пакеха и отражает картину мира европейцев. Это подтверждается эксплицитно выраженными оппозициями «*British – Maori*» и «*British – Pasifika*» (*Pasifika* – выходцы из океанийских стран), а также отрицательной коннотацией лексемы *destabilize*.

Другой фрагмент высказывания «I'm hearing more Pakeha people use 'moko-puna' instead of *grandchild* ... It's possibly because it's such a *tender-sounding word*, it's wonderful» [9] отражает картину мира маори. В тексте обнаружена гипотетическая оппозиция «*Pakeha – Maori*», маорийское заимствование *moko-puna* использовано с положительной оценочностью (*a tender-sounding word*), чем выражена аксиология маори (актуализирован маорийский аксиологический концепт *whanau – семья*).

Высказывание «We are, I believe, becoming a new *tribe*. I think of us as *Ngati Kiwi* ... That identity «*ngati kiwi*» will be the rope made from the strands ...» [9] идентифицирует его автора как носителя национальной новозеландской картины мира. В тексте обнаруживается общенациональная аксиология *бикультурализма*, что выражается в гибридизированном сочетании *Ngati Kiwi*, где *Ngati* – префикс, стоящий перед названиями племен маори, а *Kiwi* – обобщенное название всех новозеландцев, независимо от этнической принадлежности, а также *единства* (использование метафоры: *the rope made from the strands*, местоимения *we, our, us*, лексема *tribe*). Замечена наци-

ональная новозеландская символика *Kiwi* и функционирование символа как культурно-когнитивной модели, что на языковом уровне отражается в создании окказионального, контекстно- и прагматически обусловленного аналитического имени *Ngati Kiwi* для обозначения всего новозеландского общества.

Данный пример может также свидетельствовать и о взаимодействии картин мира маори и пакеха в пределах национальной новозеландской картины мира. Мы считаем, что взаимодействие картин мира – основная форма динамики концептуального пространства мультилингвокультуры. Взаимодействие картин мира обладает системным характером и подчиняется ряду закономерностей, актуализируемым в контактирующих языках в системной экспозиции иноязычному воздействию структурных и гиперструктурных языковых феноменов; в закономерном возникновении мультилингвокультурной интертекстуальности и интердискурсивности, в формировании лингвокультурной вариативности в сосуществующих и взаимодействующих языках. Взаимодействие картин мира обуславливает закономерности семантико-когнитивной конвергенции и дивергенции контактирующих языков.

Так, следующий пример показывает, что взаимодействие картин мира приводит к возникновению новых прецедентных феноменов. Высказывание «it's time to follow *Maui's* example and *capture the sun* – or at least its energy» [10] содержит аллюзию на один из «подвигов» великого героя Полинезии Мауи, который задумал приручить Солнце, а в данном конкретном отрывке речь идет об использовании солнечной энергии. Архаичная маорийская мифологема *Maui* трансформируется в *социальную мифологему*, для которой характерны выражение национальной аксиологии, идеи «общего блага». Об этом свидетельствуют конкретные контекстные употребления имени *Maui* в новозеландском варианте английского языка: «We are all *children of Maui*, we are all *sons and daughters of the Pacific*» [9]. Мифологема Мауи служит в этом примере

символом Океании в целом. Стремление закрепить маорийские мифологические наименования в топонимике (*Te Ika a Maui* – рыба Мауи) отражает общенациональные ценности исконности, бикультурализма и единства нации и подтверждает *социальную* направленность развития мифологемы Мауи.

Взаимодействие картин мира маори и пакеха сказывается и в том, что лингвокогнитивные модели маори становятся основой для создания общекультурных познавательных моделей, отличающих новозеландское концептуальное пространство. Так, весьма показательным примером такого рода является маорийский концепт *waka* (каное). Для полинезийских предков маори важнейшим средством передвижения и постижения окружающего океанского пространства была лодка-каное *waka*. В традиционной маорийской культуре каное *waka* имеет самое непосредственное отношение к тому общественно-политическому устройству, которое было свойственно маори еще задолго до контакта с европейцами. Прибывшие на новую землю в одном каное образовали свое племя или группу близкородственных племен. В современной новозеландской картине мира концепт *waka* получил дальнейшее развитие. Восприятие новых политических проблем нередко происходит на основе эксплуатации свойственного маорийскому концепту *waka* признака, *loyalty to tribe* (священного отношения к предкам, своему племени, своей родословной), который трансформировался в признак *allegiance to political party* (приверженность идеям своей политической партии). Человека, быстро меняющего свои политические убеждения, переходящего из одной партии в другую, стали называть *waka-jumper*. На основе устойчивого сочетания *waka-jumper*, зафиксированного в лексикографии в 2001 г., возникли и другие выражения *waka-jumping legislation*, *waka-jumping act*, *waka-jumping charges*, еще раз закрепив собой когнитивную модель *waka*. Об утверждении данной модели, увеличении ее функциональной нагрузки

свидетельствует и сложение синонимических выражений *waka-hopper waka-hopping*, *waka-hopping law*.

Современные новозеландские тексты и дискурсы характеризуются новым типом *интертекстуальности* и *интердискурсивности*. В них перекрещиваются предшествующие контексты каждой из взаимодействующих лингвокультур (прежде всего, длительно взаимодействующих лингвокультур маори и пакеха), актуализируются аксиоматические единицы и культурно-когнитивные модели каждой из контактирующих картин мира. Например, в высказывании «In a project called 'Tane's Ark', the children, helped by parents ... have planted more than 2000 trees» [9] сочетание *Tane's Ark* (школьный проект по сохранению и изучению исконной флоры) демонстрирует переплетение библейского сюжета (*Noah's Ark*) и полинезийской мифологемы (Tane – хранитель всего живого). Новый *интертекст* содержит «гиперссылки» на аксиоматические единицы *каждой* из контактирующих картин мира и, используя культурно-когнитивные модели каждой из них, по-новому «прочитывает» историю и отражает реальность.

Таким образом, результаты взаимодействия концептуальных картин мира в мультилингвальном поликультурном сообществе прослеживаются в лексиконах, семантиконах и фразеологических фондах языковых образований, сосуществующих в пределах мультикультурного мультилингвального социума, в разнообразных типах дискурса, во всех вербальных аспектах представленных в обществе культур. Методика лингвистической актуализации процессов и механизмов взаимодействия концептуальных картин мира в пространстве мультилингвокультуры основана на изучении последовательной экспозиции иноязычному и инокультурному воздействию все более глубоких слоев вертикального контекста, фоновых знаний, сопряженных с языковым знаком в коллективном сознании лингвокультурного сообщества.

Литература

1. Красных В.В. Роль и функции лингвокультуры в условиях языковой и культурной полифонии: тезисы 4-й междунар. науч.-практ. конф. // Общество – Язык – Культура: Актуальные проблемы взаимодействия в XXI в. М.: МИЛ, 2009. С. 16-17.
2. Красных В.В. Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // *Balkan Rusistics*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://filologija.vukhf.lt/7-12/2%20Krasnych%20Victoria%20red.doc> (дата обращения: 18.05.2011).
3. Куропятник А.И. Мультикультурализм: Идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ // *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2000. № 2. Т. III. С. 53-66.
4. Постовалова В.И., Серебrenников Б.А., Кубрякова Е.С. Картина мира в жизнедеятельности человека // *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира*. М.: Наука, 1988. С. 8-86.
5. Привалова И.В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность: теоретико-экспериментальное исследование: дис. ... д-ра филол. наук. М., Институт языкознания РАН, 2006. 486 с.
6. Сидоров Е.В. Онтология дискурса. М.: Либроком, 2009. 232 с.
7. Crystal D. *The Cambridge Encyclopedia of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 480 p.
8. Dunsford C. *Manawa toa: Heart Warrior*. Melbourne: Spinifex Press, 2000. 197 p.
9. *New Zealand Herald (The): New Zealand Daily Newspaper*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nzherald.co.nz>.
10. *Stuff: New Zealand News and Information Website*. [Электронный ресурс] / Fairfax Digital. URL: www.stuff.co.nz.

Коротко об авторе

Николаева О.В., доцент каф. «Лингвистика и межкультурные коммуникации», Дальневосточный федеральный университет
Раб. тел.: 8 (423) 2459392

Briefly about the author

O. Nikolaeva, Candidate of Philological Sciences, associate professor, Linguistics and Intercultural Communication department, Far Eastern Federal University

Научные интересы: когнитивная лингвистика, взаимодействие картин мира

Scientific interests: cognitive linguistics, worldview Interactions

УДК 008: 351.858

Сундуева Дина Борисовна
Dina Sundueva

РУССКИЕ СТАРОЖИЛЫ ЗАБАЙКАЛЯ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МОНГОЛИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

RUSSIAN OLDTIMERS OF THE TRANSBAIKAL AREA IN THE CULTURAL SPACE OF MONGOLIA: HISTORIOGRAPHY ASPECT

В работе рассматривается история формирования и современное состояние русского старожильческого сообщества Монголии, составляющего ядро современных российских соотечественников, проживающих в сопредельном государстве. Языковая политика монгольского государства на протяжении социалистического периода её истории способствовала сохранению родного языка в среде русских старожилых Монголии. Русский язык является основным медиатором культурной идентичности в среде потомков русских старожилых, противостоит ассимилятивным процессам, защищает их от неопределённости его бытия, структурирует окружающий мир и определяет место человека в нем

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, культурная идентичность, культурное пространство, языковая ситуация, языковая политика, сферы функционирования языка, уровни владения языком

In work the history of formation and current state of Russian starozhilchesky community of Mongolia which is the center of modern Russian compatriots, living in the adjacent state is considered. The language policy of the Mongolian state throughout the socialist period of its history promoted preservation of the native language among Russian old residents of Mongolia

Key words: intercultural communication, cultural identity, cultural space, language situation, language policy, language spheres of functioning, language levels of command

Вданной работе акцентируется внимание на истории формирования и современном состоянии русского старожильческого сообщества Монголии, к которым относятся потомки забайкальских казаков, старообрядцев, крестьян, исконно проживавших на приграничных территориях России и Монголии. Изучение особенностей культуры, языка потомков русских старожилых в контексте истории и культуры Забайкальского края позволит выявить общее и специфическое в образе жизни, ментальных особенностях потомков русских старожилых в условиях межкультурной коммуникации.

В современной Монголии на постоянной основе проживают около пяти тысяч русских [5, С. 295]. В целом, имеются две категории русских Монголии: потомки русских старожилых Забайкалья («местнорусские») и «специалисты», появившиеся в разные периоды российско-монгольских экономических отношений. В настоящее время на фоне увеличивающегося количества россиян, проживающих в Монголии, «местнорусские» составляют своеобразное ядро русской диаспоры, выполняющие функции культурного медиатора. Сложившаяся практика именованная данной груп-

пы как «местнорусские» выделяет русских старожилов Монголии от остальных представителей русской диаспоры, в определенной степени отражая их исконность. Так, по данным «Ургинских ведомостей», численность представителей русской диаспоры на 2008 г. составляла 965 чел., студентов — 693, командированных специалистов — 1793 [13, С. 3]. Соотечественники, постоянно проживающие в Монголии, объединены одним словом — *орос*, что в переводе с монгольского языка обозначает «русский, российский». При этом всё же наблюдается выделение монголами «местнорусских» из общего числа россиян, проживающих в Монголии, они называют их *местны орос*, *нутгийн орос*, т.е. отечественные русские. Кроме того, в советский период с подачи социалистической идеологии русские старожилы назывались *цагтанууд*, т.е. белые, или белоэмигранты.

Начало научному освещению истории русских в Монголии было положено ещё в исследованиях дореволюционной «русской колонии в Урге» (В. Птицын, 1894; Д. Клеменц, 1909; Ю. Кушелев, 1912; И. Майский, 1921) и др. В работах учёных детально рассматривается история русско-монгольских отношений, начиная с периода XVII в. вплоть до XX в. Современные монголоведческие исследования (Е.В. Бойкова, 1997; Е.М. Даревская, 1994; Н.Е. Единархова, 2003; Ю.В. Кузьмина, 1994; Е.И. Лиштванский, 2007) продолжают изыскания исследователей старшего поколения. Так, в работе Н.Е. Единарховой «Русские в Монголии» (2005) дан комплексный анализ деятельности русских в Монголии в XVII — начале XX вв., подробно описан образ жизни и быт русских в тот или иной период истории. Научные исследования, посвященные истории российско-монгольских отношений, содержат ценные сведения о том, как осваивались русские люди в новой для них культурной среде. Но, несмотря на имеющуюся обширную научную литературу по данной проблематике, отдельных исследований, посвященных истории и особенностям культуры русского старожильческого населения Монголии, не имеется.

Можно отметить лишь отдельные работы, посвященные описанию образа жизни русских старожилов Монголии (В.В. Башкеева; А.В. Михалёв, 2008). В публикации В.В. Башкеевой «Образ жизни русских в Зунхаре» исследователь отмечает, что русские старожилы сохранили исконный крестьянский уклад, свои культурные традиции. В работах А.В. Михалева рассматриваются образы и мифы диаспоры в дискурсе региональной прессы, освещаются вопросы политического характера. Научный интерес к языковой жизни русских старожилов Монголии отмечается со стороны монгольских русистов (С. Эрдэнэмаам, 1995; Т. Цэцэгмаа, 2009). В этих работах при освещении проблем, связанных с особенностями функционирования русского языка в Монголии, затрагиваются вопросы языковой ситуации в среде «местных русских». Как пишет монгольская исследовательница Т. Цэцэгмаа в своей работе «История образования русской общины в Монголии», «русская колония 20-х годов XX века, являясь предком нынешней русской диаспоры, давала монголам конкретное представление о русской материальной и духовной культуре» [11, С. 97]. В работе известного монгольского русиста Эрдэнэмаама С. «Функционирование русского языка в Монголии» (1995) отмечается, что из числа местных русских жителей в 1945-1946 гг. готовили учителей русского языка для монгольской аудитории» [10, 16]. Можно предположить, что местнорусские были своего рода проводниками русской культуры в Монголии.

Какова же история формирования русского старожильческого сообщества, составляющего ядро современных российских соотечественников, проживающих в Монголии? История русских старожилов Монголии тесно переплетена с событиями гражданской войны, с историей российско-монгольских отношений того периода. Представителей русской общины Монголии в основном составляют потомки трёх миграционных волн из приграничного с Монголией территорией Забайкалья. Первая переселенческая волна связана с поражением Белого движения в Забайкалье в 1920-1922

гг. и уходом в монгольские лесостепи части иркутских и забайкальских казаков, обживавших Северную и Восточную Монголию ещё с конца XIX в. Как известно, большинство из казаков 1-го и 2-го Верхнеудинских полков Забайкальского казачьего войска в 1912-1915 гг. проходило действительную службу в Западной и Центральной Монголии, в Урге, Кобдо, Улясутае, Маймачене. Согласно монгольским источникам, около четырех тысяч человек из пятидесятичного анклава русских колоний, уцелевших в годы гражданской войны в 1920-1921 гг., после установления народно-революционной власти в Монголии, выехало в начале 20-х гг. в Маньчжурию США, часть его вернулась в Россию. Вторая волна переселенцев связана с деятельностью советско-монгольских золотодобывающих концессий, развернувшихся в бассейне р. Еро. Известно, что около четверти всех приисковых наемных рабочих составляли жители приграничной полосы.

В 30-е гг. стал практиковаться круглогодичный наём на старательские работы, приисковые рабочие, вывозили свои семьи из Забайкалья в Северную Монголию, что положило начало появлению русских поселений Бельчир, Ибициг, Шарагол, Жаргалантуй, Шамар. Русские поселения тяготели к посёлку Корнаковка – бывшей усадьбе кяхтинского купца И.И. Корнакова, где расселились ещё в конце XIX в. забайкальские старообрядцы. Как пишет Е.М. Даревская, относительно этого времени, это была «небольшая сибирская деревня с мужиками и бабами, крестьянскими детьми, с сибирскими избами, деревянными изгородями, где жили 23 семьи чикойских крестьян-староверов». Как видим, повседневный быт этих деревень мало чем отличался от уклада жизни русских старожилов Забайкалья. Период коллективизации 30-е гг. породил третью волну миграции из СССР, которую составляли русские старожилы Забайкалья, семейские, а также представители забайкальского казачества.

В 1950-е гг. в связи со строительством УБЖД началось переселение жителей русских деревень Селенгинского аймака в по-

селки вдоль железной дороги (Сухэ-Батор, Зунхара, Мандал и др.). Так, в поселке Зунхара, в результате такого переселения стало проживать до десяти тысяч русских. Известно, что до 1956 г. местным русским не разрешалось переселение в СССР. Только с началом хрущевской оттепели и в связи со строительством Братской и Саяно-Шушенской ГЭС большая часть русской молодёжи покинула Монголию. Таким образом, постепенный русский исход начался примерно с 1956 г. и продолжался вплоть до 90-х гг. Если в начале 70-х гг. в Монголии проживало 22, 1 тыс. этнических русских, то, например, по данным 2011 г., русское население Селенгинского аймака составляет 0,4 % при общем населении 110 тыс. чел. В настоящее время в некогда полностью русской Зунхаре, при населении 23 тыс. чел. проживает 50 чел. русской национальности. Большая часть потомков русских старожилов, выехавших из Монголии, обосновалась компактно в сибирском регионе. Российские монголёры, так называют тех, кто родился и вырос в Монголии, продолжают поддерживать между собой тесные контакты.

Сегодня потомки русских старожилов Монголии являются в большинстве своём гражданами России, определяют себя как россияне и признают Россию своей исторической родиной. Представители данной группы не только адаптировались к новой культурной среде, но и сумели успешно интегрироваться в современное монгольское общество. Среди потомков русских старожилов много образованных успешных людей, получивших признание как в Монголии, так и за её пределами (В.И. Маслов, А.М. Матвеев, И.А. Брилев, В.А. Дунаев и др.). Вплоть до середины 1990-х гг. потомки русских старожилов являлись основным русскоязычным населением до тех пор, пока в страну не пришел российский бизнес, а вместе с ним и российские специалисты.

Сложные взаимоотношения местных русских и специалистов из России в Монголии нашли свое отражение в процессах их социальной институционализации. В настоящий момент функционируют две общественные организации, объединяющие

разные сегменты русского населения Монголии. Русских, *постоянно* проживающих в Монголии, объединяет Общество российских граждан, основными целями которой являются защита прав и интересов соотечественников, содействие в сохранении их культурного наследия, в воспитании детей на основе духовного наследия русского народа, а также содействие в укреплении и дальнейшем развитии дружественных связей между российскими и монгольскими народами. Данная организация является монгольской неправительственной общественной организацией, объединяющей в своём составе в основном русских старожилы Монголии. Эта организация была создана в 1954 г. при содействии Посла СССР в МНР В.М. Молотова как Общество советских граждан, проживающих в Монголии. Оно функционировало до 1992 г. В 1998 г. по инициативе русской общины и при поддержке Посла РФ в Монголии С.С. Разова Общество советских граждан было переименовано в Общество российских граждан. В 2008 г. была учреждена ещё одна общественная негосударственная организация, созданная на добровольных началах согласно Закону о негосударственных организациях Монголии, Ассоциация российских соотечественников, объединяющая в своём составе всех российских граждан, проживающих в сопредельном государстве.

По существу, эти организации, имея разный контингент и отличия в культурной идеологии, представляют разные культурные миссии российского сообщества. Первая организация более активна в отстаивании гражданских прав местных русских Монголии как граждан России перед российскими структурами. Вторая организация в большей степени использует культурный потенциал России, организует выставки, концерты, национальные праздники согласно календарным датам. Возможно, факт наличия двух разных структур, объединяющих граждан России, проживающих в Монголии, является отголоском сложившегося в период социализма деления соотечественников на «специалистов» и «местных». Однако представляется,

что данная ситуация отражает более сложные взаимоотношения в самой среде русскоязычного населения современной Монголии. Именно в первую организацию входит большинство старожильческого русского населения Монголии.

Длительное пребывание этнической общности людей за пределами их происхождения в иноэтническом окружении акцентирует определенные инструменты культурной и этнической мобилизации, одним из основных признаков которой является культурная пропаганда ценностей русской культуры. Одновременно с этим происходит накопление опыта межкультурной коммуникации, осуществляющейся при наличии языкового многообразия как воплощения неповторимости каждой группы. Другим не менее важным признаком этнической мобилизации на основе культурной идентичности является формирование образа русского мира, образа русского жизнеустройства. Особенно репрезентативен данный тезис в отношении культуры русского старожильческого населения. Поскольку культура как система, погруженная во внешний для нее мир, втягивает этот мир в себя и выбрасывает его переработанным по структуре своего *языка* (Ю. Лотман), то основным медиатором культурной идентичности выступает состояние языка. Языковой признак является ключевым для идентификации и определения ее специфики. Полагаем, что другие признаки, в частности, национальная и культурная идентичность, при всей своей важности, также должны быть рассмотрены в связи с этим фундаментальным признаком. Именно язык задает определенные рамки «Русского мира», в рамках которого происходит кристаллизация диаспоры.

Доминирующий монгольский язык, являясь языком основного населения Монголии, отчасти определяет ментальные модели языкового сообщества, основанные на определенных социальных репрезентациях, имеющие субъективный характер и автоматически отражающиеся в языке, в создании и восприятии всех речевых продуктов. Зачастую эти социальные репре-

зентации носят стереотипный характер. Как известно, в языке задействованы стратегии и интенции, стереотипы, установки и этнические ролевые ожидания. Состояние русского языка, задействованного в активный оборот речи русских старожилов, отражает процессы этнической идентификации в направлении обретения устойчивости внутри сообщества. В русле сказанного акцентируется исследовательский интерес к особенностям функционирования русского языка в Монголии.

Основная специфика русской речи в среде потомков русских старожилов заключается «в отсутствии какой-либо специфики», если рассматривать случаи переключения кодов естественным явлением в данной языковой ситуации. Более того, по мнению самих представителей данной группы, их русская речь «более чистая», чем речь «специалистов», «меньше слов-паразитов», жаргонной лексики. Общение с приезжими специалистами привносит в него некоторые черты современного просторечия. Как показывают исследования в различных уголках земного шара, наблюдается «достаточно единообразная картина особенностей речевого поведения в ситуации доминирования другого языка» [9; С. 34]. В речь активно включаются слова из языка страны проживания, независимо от степени владения этим языком.

В целом, явления, присущие русской речи соотечественников, не стали причиной для утраты литературного узуса благодаря языковой политике Монголии. Изучение русского языка в качестве обязательной дисциплины в учебных заведениях Монголии в социалистический период не только стало основой широкого его распространения в Монголии, но и во многом способствовало его сохранению в среде русских эмигрантов. Сужение функций русского языка в условиях инокультурного окружения не сводилось до уровня семейно-бытового общения. По данным русистов Монголии, русский язык длительное время выполнял в монгольском обществе самые разнообразные функции: языка научно-технической литературы, языка межнационального об-

щения, а также образовательную функцию [10, 6]. Таким образом, языковая политика монгольского государства по отношению к русскому языку благоприятствовала сохранению русского языка.

Общеизвестно, что чем выше знание титульного языка, тем больше возможностей для интеграции диаспоры в общество страны проживания. Хотя существует мнение, что язык — не главное в процессе адаптации и интеграции, главное — желание интегрироваться. По данным опроса российских соотечественников в Монголии, 27 % владеет монгольским языком. Если учитывать, что по данным анкетирования только 40 % респондентов родились в Монголии, то процент владения монгольским языком достаточно высокий [13, 13]. Эти результаты подтверждают данные социолингвистического исследования, проведённого в Селенгинском аймаке в сентябре 2011 г. во время совместной российско-монгольской научной экспедиции, организованной Национальным институтом Монголии (Улан-Батор) и Забайкальским государственным университетом (Чита). Все опрошенные респонденты в той или иной мере владели монгольским языком. Чем моложе были русские информанты из числа потомков русских старожилов, тем выше был их уровень владения монгольским языком. В единичных случаях среди представителей старшего поколения встречались такие, которые только понимали монгольскую речь.

По данным социолингвистического опроса, проведённого автором, выявлено, что свободно говорят по-монгольски и читают 50 % респондентов, 35 % лишь отчасти владеют языком титульной нации: понимают и говорят, 15 % понимают, но не говорят. Все это в очередной раз свидетельствует о том, что русский язык в социалистической Монголии был настолько популярен, что не было необходимости знать монгольский язык. В настоящее время наблюдается увеличение числа смешанных браков среди местной русской молодёжи, что оказывает существенное влияние на изменение языковой ориентации в пользу монгольского языка как государственного.

Литература

1. Башкеева, В.В. Образ жизни русских в Зунхаре // Россия в Монголии: история и современность. Улан-Батор, 2008. С. 32.
2. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В., Швайцер П. Русские старожилы в Сибири. М., 2004. 239 с.
3. Даревская Е.М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX - начале XX вв. Иркутск, 1994. С. 273.
4. Единархова Н.Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861-1921 гг.). Иркутск, 2003. С. 273.
5. Кручкин Ю.Н. Современная Монголия. Энциклопедический справочник. Улан-Батор: Хас Банк, 2011. С. 295. 1153 с.
6. Матвеев А.М. Русская колония в Монголии // Ургинские ведомости. 2008. № 10-11. С. 5-10.
7. Михалев А.В. «Русский квартал» Улан-Батора: коллективная память и классификационные практики // Вестник Евразии. 2008. № 2 (40). С. 7-29.
8. Оглезнева А.Е. «Русский язык в восточном зарубежье» (на материале русской речи в Харбине) Благовещенск: АмГУ, 2009. 352 с.
9. Рогова А.С. Особенности языкового поведения русскоязычных иммигрантов в русско-норвежском приграничье // Вопросы языкознания. 2010. № 4. С. 27-35.
10. Сосорбарамын, Эрдэнэмаам. Функционирование русского языка в Монголии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 22 с.
11. Тогтохбаярын, Цэцэгма. История образования русской общины в Монголии: сборник матер. межд. науч.-практ. конф. // Россия – Монголия: история и современность, перспективы сотрудничества. 2009. С. 92-99.
12. Русская колония в Монголии // Ургинские ведомости. № 10-11. 2008. С. 5-10.
13. Предварительные данные опроса российских соотечественников в Монголии // Ургинские ведомости. № 16. 2008. С. 13.
14. Эрдэнэмаам Сосорбарамын. Функционирование русского языка в Монголии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 23 с.

Коротко об авторе _____ *Briefly about the author*

Сундужева Д.Б., канд. филол. наук, доцент каф. «Теоретическая и прикладная лингвистика», Забайкальский государственный университет

D. Sundueva, Candidate of Philological Sciences, associate professor, Theoretical and applied linguistics department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: региональная социолингвистика, лингвокультурология, теория и практика межкультурной коммуникации

Scientific interests: regional sociolinguistics, linguistic study of culture, theory and practice of intercultural communication

Философские науки

УДК 323

Коренкова (Ковалёва) Оксана Олеговна
Oksana Korenkova (Kovaleva)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРАКТИК СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

HUMAN POTENTIAL AND HUMAN RESOURCES IN THE CONTEXT OF OUT AND IN REGIONAL PRACTICE OF CONTEMPORARY CHINA

Статья посвящена анализу практического аспекта реализации «стратегии построения китайской державы человеческих ресурсов» – «региональным практикам» современного Китая по накоплению и эффективной реализации человеческого потенциала своего общества. Рассматриваются основные направления реализации внутренних – гармонизация развития структуры производства, внутренних регионов, города и деревни, а также механизмы и формы реализации внешних китайских «региональных практик» – «борьба за мозги» и «циркуляция умов»

Ключевые слова: человеческий потенциал, человеческий ресурс, внешние и внутренние региональные практики, «борьба за мозги», «циркуляция умов»

The paper analyzes the practical aspects of implementation of the «strategy of building a Chinese power of human resources» – «regional practices» of contemporary China to accumulate and the effective implementation of human development of their society. The main directions of in regional practices – harmonization of the production structure, the inner regions, cities and villages, as well as the mechanisms and forms of out Chinese «regional practices» – «the struggle for the brain» and «brain circulation»

Key words: human potential, human resources, in and out regional practices, «the struggle for the brain», «brain circulation»

В последнее время в науке активно обсуждаются вопросы, связанные с впечатляющими масштабами развития Китая, особенно в плане того, что существует прецедент вхождения КНР в число ведущих держав мира [1]. Идет активное исследование оснований успеха развития Китая. Все чаще звучат высказывания о том, что современное развитие Китая и его развитие в будущем зависит не столько от каких-либо «материальных» факторов (сырьевых, производственных, финансовых), сколько от факторов «нематериальных», или «социокультурных»,

таких как человеческий потенциал, технологический, духовный и социальный потенциалы [2]. Отмечается, что основой и ведущей силой социально-экономического развития Китая и его перехода к статусу державы является накопление и эффективная реализация человеческого потенциала его общества, с целью чего Китаем разрабатывается и активно внедряется стратегия построения «китайской державы человеческих ресурсов», теоретические и практические механизмы осуществления которой требуют детального научного осмысления.

Китай строит гармоничное китайское общество и гармоничный мир. Это построенное интерпретируется как реализация региональных практик, в которых несомненная роль отводится человеческим возможностям членов китайского общества. Понятие «региональные практики» может интерпретироваться в широком контексте. А.С. Хохрякова «региональные практики» рассматривает как «...активную деятельность региона-субъекта, который осуществляет необходимые преобразования, направленные на реструктуризацию, трансформацию собственного социокультурного пространства, а также его составляющих (региональных экономик, социальных, политических структур, культур и т.д.) в соответствии со своими целями, идеальной моделью развития, знаниями, культурными ценностями и т.д.» [3; С. 107]. «Региональные практики» по накоплению человеческого потенциала китайского общества — это реализуемые Китаем меры как на государственном, так и на всех уровнях ниже государственного (на уровне внутренних регионов, городов, предприятий и т.д.) по накоплению (в долгосрочной перспективе) и эффективной реализации человеческого потенциала, в краткосрочной — активизации работы с человеческими ресурсами. Человеческий потенциал играет весомую роль в процессе осуществления как внешней, так и внутренней китайской регионализации в контексте расширения китайского социокультурного пространства, которая осуществляется посредством реализации стратегии построения «китайской державы человеческих ресурсов» и находит отражение во внутренних и внешних «региональных практиках» современного Китая.

Суть как внешних, так и внутренних «региональных практик» по накоплению человеческого потенциала китайского общества сводится к нескольким постулатам из области теории гармоничного развития Китая, которые также отражены в «стратегии построения китайской державы человеческих ресурсов». Во-первых, есть существенное противоречие в развитии Китая — людей много, а кадров мало (*жэнькоу*

цзыюань фэнфу эр жэньцай цзыюань цюешао). Однако огромное население не является недостатком, а скорее — достоинством (преимуществом) Китая при правильном подходе, так как существует возможность большую массу людей, оказывающую демографическое давление и являющуюся дестабилизирующим фактором развития, превратить в большое количество высококвалифицированных специалистов или просто высококультурных, высокоморальных людей (*ба жэнькоу до дэ яли бяньвэй жэньцай до дэ юши*) [4], которые станут элементом совокупной национальной мощи Китая. Во-вторых, по теории опережающего развития человеческих ресурсов (*жэньцай юсянь*), концентрация человеческих ресурсов высокого уровня развития на определенной территории или в определенной сфере деятельности способна стать стимулом развития данной территории или сферы деятельности в необходимом и контролируемом направлении (прежде всего, это касается развития инноваций). Кроме того, перераспределение человеческих ресурсов способно решить вопросы сглаживания дисбалансов развития современного Китая — гармонизировать развитие города и села; развитие внутренних регионов; обеспечить сбалансированное развитие отраслей народного хозяйства; сочетание внутреннего развития страны и открытости внешнему миру. Поэтому в вопросах, связанных с человеческим потенциалом в современных условиях, помимо его накопления и эффективной реализации «на местах», особую роль приобретают различные формы «человеческой логистики» (*жэньцай людун*) как в глобальном, так и в локальном масштабах.

Внутренние региональные практики современного Китая

Внутренние региональные практики Китая по накоплению и эффективной реализации человеческого потенциала включают несколько основных точек приложения усилий.

Во-первых, существует ряд дисбалансов в структуре производства Китая, что существенно тормозит его экономическое

развитие. Гармоничное развитие производственной структуры напрямую зависит от количества, качества и структурного состава привлекаемых человеческих ресурсов, чем обусловлено стремление Китая к улучшению подготовки специалистов во всех видах учебных заведений, к увеличению числа имеющих образование специалистов и их разумному распределению между отраслями народного хозяйства.

Во-вторых, существует разрыв в уровнях развития внутренних регионов КНР. Запад Китая заметно отстает в развитии от Востока, Центра и региона старых промышленных баз. Поэтому Китаем активно реализуется политика «усиления Запада», основное содержание которой составляет усиление человеческих ресурсов западного региона за счет их перераспределения из более обеспеченных человеческими ресурсами высокого уровня развития регионов. Существует программа, по которой благополучные в вопросе кадрового обеспечения восточные регионы Китая берут шефство над регионами западного Китая и по различным программам направляют туда своих специалистов.

В-третьих, очевидно несоответствие в уровнях развития китайских города и деревни, что связано с такими факторами, как массовая миграция трудового населения из деревни в город и ограниченными возможностями сельского населения в плане получения образования. Сельское хозяйство является важной отраслью народного хозяйства КНР. Подъем сельского хозяйства необходимо начинать с работы с человеческими ресурсами, в связи с чем Китай осуществляет ряд программ по улучшению условий работы на селе, привлечению специалистов для работы в секторе сельского хозяйства и повышению доступности образования для сельских жителей за счет субсидий и привилегий государства [5; С. 99-167].

Внешние региональные практики современного Китая

Одним из приоритетных направлений современных глобальных трансформаций является переход морского сообщества и

его участников к «обществу знаний». Данный процесс характеризуется несколькими особенностями. Во-первых, отмечается неравномерность процесса креативной деятельности в современном мире. А. В. Бузгалин отмечает, что общество знаний развивается чрезвычайно неравномерно, «... концентрируясь даже не в отдельных странах, а отдельных сетях, контролируемых глобальными игроками. Основная же часть Земли находится в гетто отсталости. Лишь ограниченный круг людей из этого гетто имеет шанс вырваться в новый мир» [6; С. 15]. Во-вторых, увеличивается проницаемость национальных границ. К. С. Гаджиев акцентирует внимание на том, что «... суть происходящих в мире трансформаций состоит в беспрецедентном увеличении проницаемости национально-государственных границ в глобальном масштабе, что ведет к широкомасштабному рассредоточению собственности, богатства, знаний, науки, информации, технологий, а значит диффузии, и перераспределению относительной геополитической мощи и энергии между государствами и регионами» [7; С. 5]. В-третьих, наступает «эра борьбы за таланты» [8; С. 34]. Хань Цинсян отмечает следующее: «Мировая конкурентная борьба проявляется в противопоставлении совокупной национальной мощи государств — экономической мощи, технической и военной мощи, социокультурной мощи. Однако современная реальность такова, что противопоставление совокупной национальной мощи, по сути, является противопоставлением человеческих способностей членов различных обществ» [9; С. 4]. Уровень развития человеческих ресурсов определяет место государства в мире, в связи с чем у каждой из стран существует потребность в выработке национальной стратегии в области человеческих ресурсов, включающей подготовку собственных кадров и способы привлечения лучших талантов из-за рубежа.

Следует отметить факт получения Китаем ощутимой выгоды от экспорта и импорта образовательных услуг и трансферта человеческих ресурсов в рамках того, что происходит не «утечка умов», а осуществ-

вляется продуманная политика наращивания мощи государства с помощью «человеческой циркуляции». С каждым годом КНР все активнее включается в мировой глобальный рынок образования и мировой глобальный рынок труда, посредством чего осуществляется его внешняя регионализация.

На рынках образования и труда Китай стремится занимать лидирующие позиции, осознавая важность включения в данные рынки как одного из приоритетных инновационных направлений международных отношений в будущем. «Для руководства Китая поиск более выгодных условий на международном рынке менее важен, чем участие в принятии решений о правилах игры на этом рынке. Прочие страны мира скорее приспособляются к существующей глобализации, чем вырабатывают собственную национальную стратегию» [10; С. 21-23]. Включение Китая в глобальные рынки образования и труда происходит последовательно и продуманно, с опорой на положения стратегии «построения китайской державы человеческих ресурсов», чем и обуславливается его успех.

Существует два основных механизма и несколько форм накопления Китаем человеческого потенциала посредством привлечения извне. Все они являются разновидностями «импорта интеллекта» (*цайчжи цзинькоу*) в рамках формирования китайской «экономики знаний» (*чжиши цзинцзи*) и «общества знаний» (*чжиши шэжуэй*). Сформированный таким образом человеческий потенциал становится компонентом интегральной мощи китайского государства — основы его возвышения и стабильного функционирования.

Механизм I. «Борьба за мозги» (*жэньцай чжаньчжэн*). Суть данного механизма сводится к тому, что КНР стремится привлечь лучшие человеческие ресурсы со всего мира посредством создания в Китае благоприятных условий для работы иностранных специалистов, а также создать систему стимулирования выезда китайских студентов на обучение за границу с последующей реализацией продуманной политики

возврата получивших образование специалистов на родину.

По мнению Хань Цинсян, пока у Китая не очень высокие показатели в «борьбе за мозги». До 2008 г. Китай отправил за границу 1 млн 400 тыс. студентов — это самый высокий показатель в мире, однако число вернувшихся на родину специалистов не составляет и 1/3. Среди 500 крупнейших мировых транснациональных компаний 400 было создано в Китае, однако данные компании, по сути, не работают на Китай, так как их лучшие специалисты, привлекаемые из Китая, перераспределяются в пользу других стран-участниц данных транснациональных компаний и «утекают» за границу [9; С. 6]. Однако в последние годы отмечается положительная динамика.

Отмечается повышенный интерес китайцев к образованию в России в числе прочих стран. Число китайских студентов, приезжающих в Россию для обучения платно или по обмену, аспирантов для получения ученой степени в России и преподавателей для приобретения трудового опыта увеличивается с каждым годом. Программы для обучения китайских студентов существуют во многих высших учебных заведениях по всей нашей стране, таких как Московский институт стали и сплавов, Московский государственный университет, Московский государственный технический университет им. Баумана, Санкт-Петербургский государственный университет, Калмыцкий государственный университет, Кемеровский государственный университет, Ульяновский государственный университет, Новосибирский государственный технический университет, Казанский государственный технологический университет, Забайкальский государственный университет, Дальневосточный университет и многие другие. Среди китайских студентов и аспирантов преобладает внимание к следующему:

1) получению доступа к результатам фундаментальных и прикладных научных исследований российских ученых (которые в силу нашей специфики не всегда обладают защитой авторских прав) [11; С. 13], что связано с тем, что интеллектуальный

потенциал России по-прежнему признается одним из самых больших в мире и у нас сосредоточено 10 % ученых всего мира [12; С. 17];

2) изучению российской культуры и искусств, подготовка китайских специалистов в России в области искусств и культуры (музыкантов, хореографов, художников, режиссеров, искусствоведов), что связано с тем, что культурное наследие России признается во всем мире [13, С. 24];

3) использованию российского опыта подготовки инженерных кадров, что связано с тем, что сформировавшаяся в Советском Союзе модель подготовки инженеров (5 лет, включая основной курс и производственную практику) Китаем признается в качестве лучшей модели подготовки инженеров, похожая модель внедряется Министерством образования Китая [14; С. 32-33];

4) изучению русского языка. Подготовленные в России китайские специалисты возвращаются в Китай, где работают в сферах образования, науки, искусства, внешнеэкономической деятельности. Процент возврата китайских специалистов из России в Китай составляет практически 100 %. Только кафедра востоковедения Забайкальского государственного университета ежегодно готовит порядка 10...15 студентов по программе обучения русскому языку, 2...3 аспиранта по направлению «регионоведение», которые впоследствии защищают кандидатские диссертации и получают ученые степени кандидата наук.

Механизм 2. «Циркуляция умов» (*жэньцай цзяолю*). Суть данного механизма заключается в том, что Китай «выталкивает» за пределы государства людей, не имеющих образования и опыта, и «втягивает» их назад, после того как они получают определенный трудовой опыт за рубежом. Очевидно, что в КНР есть человеческие ресурсы, на которые у государства не хватило времени и средств для повышения их образовательного уровня ввиду напряженности демографической ситуации. Человеческие ресурсы невысокого уровня развития, особенно если они находятся в приграничной

зоне КНР, едут в другие страны на работу в виде трудовых мигрантов, где у них имеется возможность обучиться непосредственно на производстве, после чего они возвращаются на родину, где становятся востребованными как имеющие определенный опыт и квалификацию. «Циркуляция умов» на основе трудовой миграции, прежде всего, свойственна странам, темпы экономического развития которых значительно опережают темпы развития социальной сферы в плане предоставления возможностей для образования [15; С. 114-118].

Ежегодно на территорию России прибывает 200...450 тыс. трудовых мигрантов из КНР. Для Забайкальского края определена квота на привлечение и использование иностранных работников – не более 15000 чел. в год (включая КНР и СНГ), в полном объеме квота выбирается редко. По статистике на территорию Забайкальского края ежегодно прибывает не более 10000 трудовых мигрантов в год, из них китайцы составляют примерно 2/3 и все они, за исключением единичных случаев, возвращаются в Китай, отработав определенный срок в России, получив необходимый трудовой опыт и финансы. Поэтому процесс трудовой миграции из КНР на территорию Забайкальского края имеет черты не «экспансии» (процесс движения человеческого потока в одном направлении), а именно «циркуляции умов» (процесс движения человеческого потока в двух направлениях: туда и обратно).

Формы накопления человеческого потенциала страны посредством привлечения извне диверсифицируются. Традиционными формами считаются миграция, учеба за границей или по обмену, организация центров международного сотрудничества и мероприятий (семинаров, симпозиумов, выставок) для связи с зарубежными специалистами, привлечение зарубежных специалистов через техническое или иное сотрудничество при реализации совместных проектов. В последнее время стали появляться новые формы, такие как оседание в стране специалистов через транснациональные компании или создание фирм –

охотников за головами (*летоу гунсы*) для поиска талантов по всему миру и другие.

Необходимо отметить, что борьба за человеческие ресурсы намного сложнее, чем за материальные. Она осложняется тем, что зависит не только от финансовых затрат, но и от возможности создать для людей особую социальную и политическую среду, что требует от государства времени и колоссальных усилий. Однако в борьбу за человеческие ресурсы необходимо вступать, так как это является адекватным ответом на вызовы современного мирового развития, что в полной мере осознается Китаем.

Таким образом, очевидно, что Китай уделяет пристальное внимание вопросам, связанным с человеческим потенциалом своего общества. Разрабатываются и активно реализуются не только теоретические основы работы с человеческими ресурсами – стратегия построения китайской державы человеческих ресурсов; но и соответствующие данной стратегии практические меры, составляющие суть связанных с человеческими ресурсами внутренних и внешних региональных практик современного Китая, что является основой дальнейшего стабильного развития Китая и повышения его конкурентоспособности в мире.

Литература

1. Феокистов В.М. О влиянии культурных ценностей на политическое поведение глобализирующегося Китая: материалы симпозиума, проведенного в рамках Международной научно-практической конференции «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18-20 октября 2006 г.) // Философия образования и образовательная политика в России и в регионе. Чита: ЧитГУ, 2006. С. 20-24.
2. Абрамов В.А. Стратегии безопасного развития КНР в глобальном и региональном измерении: сборник Восточного центра ЗабГУ // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия. Вып. 10. Маньчжурия: Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии, 2011. С. 7-16.
3. Хохрякова А.С. Китайские региональные практики в контексте формирующегося трансграничного социокультурного пространства РФ и КНР // Вестник Читинского государственного университета. Чита: ЗабГУ, 2012. № 6 (85). С. 107-112.
4. К обсуждению горячих и актуальных тем экзаменов на должность государственного служащего: человеческий ресурс как основной ресурс возвышения государства = гунюань каоши шэньлунь цюаньвэй жэдянь тичай: жэньцай вэйци го юньсин – жэньцай вэйци го юньсин – жэньцай цзыюань ши ди и цзыюань [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gwyks.com/article/1234/>. – Кит. яз.
5. Ли Яньпин. Стратегия усиления государства через человеческий потенциал и развитие человеческого потенциала Китая = Жэньцай цянго чжаньлюе юй чжунго тэсэ дэ жэньцай цзыюань кайфа. Пекин: Кэсюе чубаньшэ, 2010. 317 с. – Кит. яз.
6. Бузгалин А.В. Россия – иная стратегия // Философские науки. 2010. №9. С. 9-24.
7. Гаджиев К.С. Мировой экономический кризис: политико-культурное измерение // Вопросы философии. 2010. № 6. С. 3-19.
8. Bartlett C.A., Ghoshal S. Building competitive advantage through people / Sloan management review. Cambridge, 2002. Vol. 43. № 2. P. 34-42.
9. Хань Цинсян. Программа построения державы человеческих ресурсов = Цзяньшэ жэньцай цянго дэ синдун ганлин. Пекин: Чжунгун чжуняндансяо чубаньшэ, 2010. 427 с. – Кит. яз.
10. Гранин Ю.Д. Глобализация и национальные формы глобализационных стратегий // Философские науки. 2007. № 9. С. 5-26.

11. Цой Е.Б., Гущина А.М. Роль российско-китайского образовательного партнерства в процессе интеграции сотрудничества на азиатском пространстве науки и образования: матер. II Российско-китайской конф. 1-3 октября 2008 // Двустороннее научно-образовательное сотрудничество вузов России и Китая. 2008. С. 11-16.

12. Ганьшин И.Н. О научно-техническом сотрудничестве между Россией и Китаем: матер. II Российско-китайской конф. 1-3 октября 2008 // Двустороннее научно-образовательное сотрудничество вузов России и Китая. 2008. С. 17-22.

13. Костишко Б.М., Никитина Т.Е., Филиппова Ю.В. Сотрудничество Ульяновского государственного университета с вузами и организациями КНР с целью расширения академических обменов: матер. II Российско-китайской конференции. 1-3 октября 2008 // Двустороннее научно-образовательное сотрудничество вузов России и Китая. 2008. С. 23-25.

14. Цзян Хуа. Стратегия и смысл исследований китайско-российского научно-технического и образовательного сотрудничества: матер. II Российско-китайской конф. 1-3 октября 2008 // Двустороннее научно-образовательное сотрудничество вузов России и Китая. 2008. С. 30-34.

15. Инновационные направления современных международных отношений / А.В. Бирюков, Е.С. Зиновьева, А.В. Крутских и др.; под ред. А.В. Крутских и А.В. Бирюкова. М.: Аспект Пресс, 2010. 295 с.

Коротко об авторе _____ ***Briefly about the author***

Коренкова (Ковалёва) О.О., аспирант, каф. «Востоковедение», Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Сл. тел.: 8 (3022) 41-65-04

O. Korenkova (Kovaleva), postgraduate student, Oriental studies department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: востоковедение, региональные исследования

Scientific interests: oriental and regional studies

Экономические науки

УДК 336.714

Кох Юрий Валентинович
Yuriy Kokh

Кривоногих Анна Александровна
Anna Krivonogikh

СУЩНОСТЬ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА

THE ESSENCE AND STAGES OF FINANCIAL RISK MANAGEMENT DEVELOPMENT

Рассматриваются теоретико-методологические подходы к определению категории «риск-менеджмент» и этапы формирования риск-менеджмента как самостоятельной дисциплины

Ключевые слова: *риск-менеджмент, этапы, категория*

In this article the urgency of risk management at the present stage of world financial system development is proved, existing approaches are considered and the essence of the concept «risk – management» is defined, historical data are systematized and formation stages risk – management as independent discipline are revealed, their short characteristic is given

Key words: *risk management, urgency, stages, essence*

В последние годы мировая финансовая система демонстрирует всё более серьёзные провалы в управлении рисками. Они проявляются в виде громких банкротств, таких как Long – Term Capital Management, Enron, WorldCom, Global Crossing, Qwest, Parmalat и финансовых кризисов: дефолт 1998 г. в России, крах рынка акций дот-комов в США в 2000, кризис 2008 г., долговой кризис в Европе. В связи с этим, актуальность финансового риск-менеджмента заключается в его признании как основополагающей силы стабильного развития не только отдельной компании, но и финансовой системы в целом: если риск распределён среди большого числа участников финансового рынка, то последствия его наступления будут преодолены эффективнее, и менее вероятно

распространение каскадных банкротств. Кроме того, мировая финансовая система еще не имеет достаточного опыта в оценке и минимизации финансового риска.

В развитии теории финансового риск-менеджмента целесообразно выделить три этапа.

Первый этап является самым продолжительным и включает в себе развитие математики, статистики, философии риска. Он начинается с эпохи Возрождения, когда математики заинтересовались азартными играми. Так, францисканский монах Лука Пачоли пытался разрешить задачу распределения выигрыша при игре в кости в том случае, если она прерывалась. Эта головоломка положила начало детальному и систематическому анализу вероятности как основы риска. Исследования Пачоли

продолжили Кардано, Галилей, Паскаль, Ферма.

В 1662 г. Джон Граунт издал книгу об анализе данных о рождении и смертности в Лондоне, тем самым заложил в основы статистики и метода выборочного наблюдения.

В 1737 г. швейцарский математик Даниил Бернулли проделал первый анализ риска: вывел различие между игрой, где люди меньше концентрируются на последствиях, и реальной жизнью, в которой люди пытаются получить максимальную выгоду от любого риска, на который они идут. Бернулли также утверждал, что каждый человек оценивает риск по-своему, в зависимости от того, к какому психологическому типу он принадлежит.

Следующее открытие в области риск-менеджмента сделал английский математик Абрахамом де Муавром: он открыл то, что сейчас называется нормальным распределением, определил статистические показатели разброса значений.

В период с 1800 по 1933 гг. происходило активное изучение научным миром чисел, вероятностей, риска. Работали такие выдающиеся учёные, как Карл Фридрих Гаусс, издавший труд, посвящённый теории чисел, Ламбер Кетле, опубликовавший три книги о вероятности, Джон Мейнард Кейнс, опубликовавший результаты своего исследования в научном труде под названием «Общая теория занятости, процента и денег» и др.

Второй этап становления риск-менеджмента начинается с 1952 г., когда нобелевский лауреат Гарри Марковиц, используя математические методы, объяснил необходимость диверсификации. Это открытие положило начало интеллектуальному направлению, которое изменило Уолл-стрит, сформировалось понятие риск-менеджмента.

Дальнейшее развитие относится к 1973 г. и связано с тремя значительными событиями:

- крахом Бреттон-Вудской системы и, как следствие, окончанием политики фиксированных валютных курсов;
- началом работы Чикагской биржи опционов;

– созданием Блэком, Шоулзом и Мертоном модели оценки стоимости опционов.

С этого времени начинается третий и основной этап становления науки «риск-менеджмент» — методологический, в котором финансовый риск-менеджмент прошел три стадии, связанных с новыми методами и подходами в оценке основных видов риска.

Первая стадия разработки методологии оценки, контроля и управления финансовым риском связана с появлением в конце 80-х гг. XX в. модели стоимостной меры риска Value-at-Risk (VaR). VaR означает абсолютный максимальный размер потерь при владении финансовым инструментом. Показатель VaR завоевал признание крупных финансовых институтов, получил одобрение регуляторов.

Вторая стадия пришлась на вторую половину 90-х гг. XX в. Банк J.P. Morgan обобщил методы оценки и контроля рыночного риска с оценкой кредитного риска ссудного портфеля. Разработанная J.P. Morgan система Credit Metrics опубликована в 1997 г. Благодаря этим двум разработкам, появилась возможность рассчитывать интегральный показатель ожидаемых потерь по рыночным и кредитным рискам. Это впервые позволило говорить об интегрированном риск-менеджменте.

Последняя стадия началась в конце 90-х гг. В отличие от первых двух, она связана уже не с классическими финансовыми рисками, а имеет непосредственное отношение к операционному риску. В настоящее время участники финансового рынка пытаются разработать общий подход к количественной оценке операционного риска в виде «операционного VaR». Считается, что численный контроль над операционными рисками вместе с контролем над финансовыми рисками позволит получить полную оценку принимаемых рисков профессионального участника рынка ценных бумаг.

В СССР управление рисками практически отсутствовало и представляло собой в основном решение вопросов безопасности. Экономические риски, если и учитывали, то неофициально, а политических рисков попросту не признавали. Поэтому риск-ме-

неджмент как новое понятие в Российской Федерации стали использовать только с начала 1990-х гг.

Изначально сфера финансового риск-менеджмента в РФ являлась прерогативой консалтинговых фирм, однако с ростом финансового рынка возникла необходимость в формировании внутренних корпоративных систем оценки рисков. В настоящее время компании по уровню организации процесса управления рисками делятся на следующие группы.

Первая – компании, в которых риск-менеджмент фактически отсутствует.

Ко второй, более надёжной группе, относятся компании, которые признают необходимость риск-менеджмента и создают отдельные специализированные структурные единицы, разрабатывают собственное методологическое обеспечение процедур

обнаружения и контроля риска, однако ограничиваются небольшой частью существующих методов.

К третьей группе относятся компании, соответствующие западным стандартам, которые подразумевают соответствие требованиям Базеля, наиболее полное использование всех доступных методов и элементов систем управления рисками. Их количество очень мало, в основном, это лидеры рынка, которые в состоянии производить масштабные инвестиции в развитие риск-менеджмента.

Приведённые исторические факты свидетельствуют о различном понимании природы риска и методов управления. На данном этапе экономического развития также сформировалось множество трактовок как непосредственно риска, так и риск-менеджмента (см. таблицу).

Определения риск-менеджмента

Авторы	Определение
ГОСТ 1.1 – 2002 «Межгосударственная система стандартизации. Термины и определения» [1]	Менеджмент риска (англ. – risk management; фр. – gestion du risqué) – скоординированные действия по руководству и управлению организацией в отношении риска
Ермасова Н.Б. [6]	Риск-менеджмент – это наука и искусство управления риском инвестиционной деятельности, основанные на долгосрочном прогнозировании, стратегическом планировании, выработке обоснованной концепции и программы, адаптированной к неопределённости системы предпринимательства, позволяющей не допускать или уменьшать неблагоприятное воздействие на результаты воспроизводства стохастических факторов и главное – получать, в конечном счете, высокий доход
Стандарт ИСО / МЭК 31010:2009 «Управление рисками: методология оценки рисков» [2]	Риск-менеджмент – процесс принятия и выполнения управленческих решений, направленных на снижение вероятности возникновения неблагоприятного результата и минимизацию возможных потерь, вызванных его реализацией
Стандарт FERMA (Federation of European Risk Management Association) – Европейская федерация ассоциаций риск-менеджмента [3]	Риск-менеджмент является центральной частью стратегического управления организации. Это процесс, следуя которому организация системно анализирует риски каждого вида деятельности с целью максимальной эффективности каждого шага и, соответственно, всей деятельности в целом
Круи М., Галай Д., Марк Р., Джеймсон Р. [7]	Риск-менеджмент – это то, как компании выбирают приемлемые для себя тип и уровень риска
Марцынковский Д. А. [8]	Риск-менеджмент подразумевает создание необходимой культуры и инфраструктуры бизнеса для: <ul style="list-style-type: none"> – выявления причин и факторов возникновения рисков; – идентификации, анализа и оценки рисков; – принятия решений на основе произведенной оценки; – выработки антирисковых управляющих воздействий; – снижения риска до приемлемого уровня; – организации выполнения намеченной программы; – контроля выполнения запланированных действий; – анализа и оценки результатов рискованного решения

Авторы	Определение
Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. [9]	Риск-менеджмент – это система управления организацией, предприятием, которая ставит своей целью снижение риска, предотвращение недопустимого риска; представляет органичную часть финансового менеджмента
Рыхтикова Н.А. [10]	Риск-менеджмент – это специфическая система (подсистема) управления, направленная на разработку и реализацию экономически обоснованных для данного предприятия рекомендаций и мероприятий по уменьшению негативного воздействия рисков
Стандарт AS/NZS 4360:2004 – Risk Management, issued by Standards Australia [4]	Под управлением риском в стандарте понимается «совокупность культуры, процессов и структур, ориентированная на использование потенциальных возможностей при одновременном управлении негативными воздействиями»
Стандарт ERM COSO (Enterprise Risk Management – Integrated Framework Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission) Комитет спонсорских организаций Комиссии Тредвея [5]	Управление рисками организации – это процесс, осуществляемый советом директоров, менеджерами и другими сотрудниками, который начинается при разработке стратегии и затрагивает всю деятельность организации. Он направлен на определение событий, которые могут влиять на организацию и управление связанным с этим событиями риском, а также контроль того, что не был превышен риск – аппетит организации, и предоставлялась разумная гарантия достижения целей организации
Холмс Э. [11]	Риск-менеджмент – это последовательные, хорошо выверенные действия по выявлению, измерению, управлению и наблюдению за событиями, которые могут вызвать потери, приводящие к финансовым убыткам

С нашей точки зрения, основным недостатком представленных в таблице определений является то, что ни одно из них не включает управление неопределённостью. В научной практике принято разделять понятия риска и неопределённости в силу того, что первое является исчислимым, то есть потери при реализации могут быть рассчитаны заранее, а второе нет. Именно в неисчислимости потерь заключается главная опасность неопределённости, и никакое структурное подразделение, кроме отдела риск-менеджмента, не способно направить деятельность компании таким образом, чтобы минимизировать возможный негативный эффект.

Вторым недостатком является то, что риск-менеджмент практически везде представляется обособленной структурой, а не частью финансового менеджмента. Важным этот момент является в силу того, что риск-менеджер рассматривает абсолютно все виды деятельности организации и крайне тесно взаимодействует со всеми

финансовыми структурами, а именно: бухгалтерской, планово-экономической, аналитической, сбытовой, технической и др.

Кроме того, в большей части существующих определений отсутствует указание на то, что управление риском осуществляется в соответствии с корпоративными целями. В разных экономических условиях приоритеты могут быть своеобразными, например, при растущем рынке основная масса средств вкладывается в акции второго и третьего эшелонов, цель – получить высокий доход, а в кризисные периоды особое внимание уделяется высоконадёжным облигациям для сохранения средств инвесторов.

Таким образом, риск-менеджмент – это часть финансового менеджмента, представляющая собой упорядоченную совокупность мероприятий по снижению негативных последствий неопределённости и риска в соответствии с текущими целями организации.

Литература

1. ГОСТ 1.1 – 2002 «Межгосударственная система стандартизации. Термины и определения». URL: <http://nordoc.ru/doc/11-11362>

2. Стандарт ИСО / МЭК 31010:2009 «Управление рисками: методология оценки рисков». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.klubok.net/Downloads.html>.
3. Стандарт FERMA (Federation of European Risk Management Association) – Европейская федерация ассоциаций риск-менеджмента. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ferma-asso.org.
4. Стандарт AS/NZS 4360:2004 - Risk Management, issued by Standards Australia. URL: <http://www.asms.ru/kompet/2009/03012009.pdf>.
5. Стандарт ERM COSO (Enterprise Risk Management – Integrated Framework Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission) Комитет спонсорских организаций Комиссии Тредвея. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.coso.org/Publications/ERM/COSO_ERM_ExecutiveSummary.pdf
6. Ермасова Н.Б. Риск-менеджмент организации. М.: Дашков и К, 2009. 380 с.
7. Круи М., Галай Д., Марк Р. Основы риск – менеджмента: пер. с англ.; научн. ред. В.Б. Минасян. М.: Юрайт, 2011. 390 с.
8. Марцынковский Д.А., Владимирцев А.В., Марцынковский О.А. Управление рисками в современных системах менеджмента // Ассоциация по сертификации «Русский Регистр», 2010. 246 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.regcon.ru/jo/images/stories/kniga_DD_riski.pdf.
9. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2006, 494 с.
10. Рыхтикова Н. А. Анализ и управление рисками организации. 2 изд. М.: ФОРУМ, 2010. 240 с.
11. Холмс Э. Риск-менеджмент: пер. с англ. М.: Эксмо, 2007. 304 с.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Кох Ю.В., доцент каф. «Финансы и банковское дело», Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет
y_kokh@mail.ru

Y. Kokh, associate professor, Finance and Credit department, Saint-Petersburg University of Engineering and Economics

Научные интересы: банковское дело, риск-менеджмент, финансовые рынки

Scientific interests: banking business, risk management, financial markets

Кривоногих А.А., аспирант, каф. «Финансы и банковское дело», Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет
nostra04@list.ru

A. Krivonogikh, postgraduate student, Saint-Petersburg University of Engineering and Economics

Научные интересы: риск-менеджмент, финансовые рынки, инвестиции

Scientific interests: risk management, financial markets, investments

УДК 001.895

*Куклин Александр
Анатольевич
Aleksandr Kuklin*

*Багаряков Алексей
Владимирович
Aleksey Bagaryakov*

*Никулина Наталья
Леонидовна
Natalia Nikulina*

ФАКТОРЫ И ИНДИКАТОРЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

FACTORS AND INDICATORS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF A REGION

Рассмотрены факторы инновационного развития региона и их классификации. Представлены индикативные показатели инновационной безопасности региона, характеризующие расходы на науку и научное обслуживание, среднемесячную зарплату в отрасли «Наука и научное обслуживание», затраты на фундаментальные исследования, долю инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции. Приведены результаты расчетов инновационной безопасности субъектов Уральского федерального округа за период 2000-2010 гг.

Ключевые слова: инновационное развитие, инновационная безопасность региона

Factors of innovative development of a region and their classification are considered. Indicators of innovative security of a region, characterizing expenses on a science and scientific service, a monthly average salary in branch «Science and scientific service», costs of basic researches, a share of innovative production in total amount of an industrial output are presented. The results of calculations of innovative security of subjects of the Ural federal district during 2000-2010 are given

Key words: innovative development, innovative security of a region

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Нелинейная динамика развития социально-экономических систем: диагностика, моделирование, прогнозирование», проект РГНФ №11-02-00531а.

В Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период 2020 г. указано, что Россия ставит перед собой

амбициозные, но достижимые цели долгосрочного развития, заключающиеся в обеспечении высокого уровня благосостояния населения и закреплении геополитической роли страны как одного из лидеров, определяющих мировую политическую повестку дня. Единственным возможным способом достижения этих целей является переход экономики на инновационную социально ориентированную модель развития. Миро-

вой экономический кризис 2008-2009 гг. осложнил реализацию поставленных целей, привел к сокращению расходов частного бизнеса на инновации и замедлил развитие российской инновационной системы. Тем не менее, сложная экономическая ситуация в краткосрочной перспективе не означает необходимости пересмотра целей долгосрочного развития, а обуславливает повышение требований к темпу и качеству экономического развития в период до 2020 г. [1].

По мнению А. Николаева, всякое инновационное развитие – это не только основной инновационный процесс, но и развитие системы факторов и условий, необходимых для его осуществления, т.е. инновационного потенциала [2] как совокупности явных ресурсов и скрытых неиспользуемых возможностей, а также условий, влияющих на деятельность экономического субъекта и формирующих готовность, необходимость, возможность, способность субъекта к успешной инновационной деятельности [3].

Фактор (от лат. factor – делающий, производящий) – причина, движущая сила какого-либо процесса, определяющая характер или отдельные его черты [4].

Факторы инновационного развития можно разделить на стагнирующие (замедляющие) и стимулирующие; по уровню влияния – факторы, воздействующие на глобальном, макро-, мезо- и микроуровне.

Можно выделить следующие стагнирующие факторы:

- недофинансирование научно-технической сферы, ведущее к снижению ее потенциала и ослаблению материально-технической базы;
- деградация наукоемких отраслей;
- неготовность предприятий к конкурентной деятельности на мировых рынках;
- снижение стимулирования научного труда и отток научных кадров;
- структурные диспропорции, в том числе и территориальные, по видам научной и технической деятельности, в направлениях исследований;
- ослабление государственного регулирования;

– низкая правовая защищенность в области научных разработок [5].

Факторы, препятствующие развитию инновационного потенциала региональной системы, можно разделить на:

– трансформационные, определяющие качественное содержание инновационного потенциала (кадровые, научные, технико-технологические и финансовые ограничения: высокий экономический риск, недостаток денежных средств и квалифицированного персонала, высокая стоимость нововведений, слабая материальная и научно-техническая база, большой ее износ, устаревшие технологии);

– трансакционные, характеризующие готовность региона осуществлять инновационную деятельность и определяющие границы существования и реализации инновационного потенциала (информационные, организационные, институциональные: отсутствие надежных и эффективных механизмов взаимодействия государства с предпринимательским сектором региональной экономики, инновационной культуры, неразвитость нормативно-правовой базы инновационной деятельности и инновационной инфраструктуры, недостаточное количество налоговых льгот и субсидий для стимулирования инновационной активности, недостаток информации о новых технологиях, рынках сбыта, малоэффективная интеграция научной, производственной и образовательной составляющих в инновационной системе) [3].

Д.И. Кокурин делит факторы, влияющие на инновационный потенциал региона, на внешние и внутренние. К внутренним он относит факторы, определяющие состояние объективных внутренних межинституциональных связей, в числе которых форма собственности субъектов инновационной деятельности, их организационно-правовая структура и величина субъекта, его отраслевая принадлежность и др. На региональном уровне эти факторы могут проявляться в следующем: специализация региона, соотношение государственных и частных предприятий и др. [6].

В.В. Свечникова выделяет три группы

причин, побуждающих к инновационному развитию, в зависимости от вида реализуемых инноваций:

1) обеспечение выживания и повышение текущей устойчивости промышленного комплекса к изменяющимся условиям внешней среды;

2) необходимость в постепенном наращивании конкурентных преимуществ;

3) необходимость получения значительных конкурентных преимуществ в перспективе [7].

Активность инновационных отношений в экономической системе зависит от объективных и субъективных факторов. Объективную природу имеют те факторы внешней среды, которые обусловлены долговременными тенденциями, не связаны с волевыми решениями конкретного субъекта, субъективную – те, действие которых является прямым следствием сознательно принятых решений [8].

Совокупность классификационных признаков факторов, влияющих на инновационное развитие научно-производственных организаций, дополненная новыми признаками – степень обеспечения конкурентного преимущества на рынке и возможность формализации, а также характеристика системы факторов представлена в работе В.Н. Суязова [9].

По мнению Н.А. Петухова [10], инновации оказывают влияние на технологии на всех фазах их жизненного цикла, что в свою очередь будет влиять на социально-экономическую систему в целом. На каждой фазе жизненного цикла технологий инновации могут носить как отрицательный, так и положительный характер.

Положительное влияние инновации на жизненный цикл технологии направлено на более эффективное использование данной технологии, на увеличение срока ее использования. Отрицательное влияние в первую очередь будет сказываться на сроке использования технологии и дополнительных затратах, связанных с усовершенствованием или разработкой альтернативной технологии.

Отрицательное влияние инновации ускоряет замену используемой технологии,

стимулирует разработку (или приобретение) новой, более прогрессивной технологии, позволяющей повысить производительность, выпускать более качественный продукт, что требует дополнительных инвестиций как в разработку, так и в приобретение нового оборудования или технологии.

Нейтральное влияние инноваций на жизненный цикл может носить косвенный характер: непосредственно не оказывая влияния на ту или иную технологию, инновации влияют на другие отрасли, на развитие технологий в других областях, что приводит к необходимости разработки технологий, соответствующих современным требованиям и условиям. В некоторых случаях косвенное влияние может привести к такому же эффекту, как и непосредственное влияние инноваций: может возникнуть необходимость в изменении используемых технологий вследствие развития науки [10].

Все основные факторы инновационного развития можно разделить по сферам жизнедеятельности, на которые они оказывают влияние: социальные, экологические, экономические, производственные, финансовые [11] и др.

Авторами предлагается классифицировать факторы инновационного развития по объектам, на которые необходимо воздействовать для достижения того или иного уровня развития социально-экономической системы.

Можно выделить две группы таких объектов [12]:

1) объекты прямого воздействия, то есть такие объекты в системе науки и технологий, на которые система может оказывать непосредственное действие и которые напрямую могут вызывать кризисные ситуации в экономике и социальной сфере;

2) объекты опосредованного действия, относящиеся к другим сферам национальной безопасности, но научно-технологическая поддержка которых желательна и необходима. Эти объекты предъявляют дополнительные требования к научно-технологической сфере. Не являясь прямой

характеристикой технологий, они определяют либо их дополнительные возможности (например, энергосбережение, утилизация отходов), либо сопровождаемые ими опасности (возможности аварий, вызывающих отрицательные экологические последствия).

Объекты можно подразделить на следующие группы:

- объекты кадрового потенциала и подготовки научных кадров;
- объекты финансового и материально-технического обеспечения;
- объекты инновационной деятельности;
- объекты организационно-структурной и правовой деятельности;
- объекты коммерческой деятельности и сотрудничества;
- объекты технологического риска [12].

Рассмотренная классификация позволяет всесторонне охватить факторы инновационного развития региона.

Институтом экономики Уральского отделения РАН разработана комплексная методика диагностики экономической безопасности территорий регионального и муниципального уровней [13].

Одной из сфер жизнедеятельности экономической безопасности выделена научно-техническая (инновационная) безопасность. Диагностика состояния по данной сфере производится по четырем индикативным показателям:

1) доля расходов на науку и научное обслуживание в ВРП, %;

2) отношение среднемесячной заработной платы в отрасли «Наука и научное обслуживание» к прожиточному минимуму, отн. ед.;

3) доля затрат на фундаментальные исследования во внутренних затратах на науку и научное обслуживание, %;

4) доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции, %.

Как показали авторские исследования, индикативный анализ является наиболее приемлемым подходом для проведения диагностики инновационной безопасности субъектов РФ.

Результаты диагностики научно-технической (инновационной) безопасности как одной из анализируемых сфер экономической безопасности для Уральского федерального округа за период 2000-2010 гг. отражены на рисунке. Только одна Свердловская область находится в кризисном нестабильном состоянии, остальные уже перешли в кризисное угрожающее и кризисное чрезвычайное состояние.

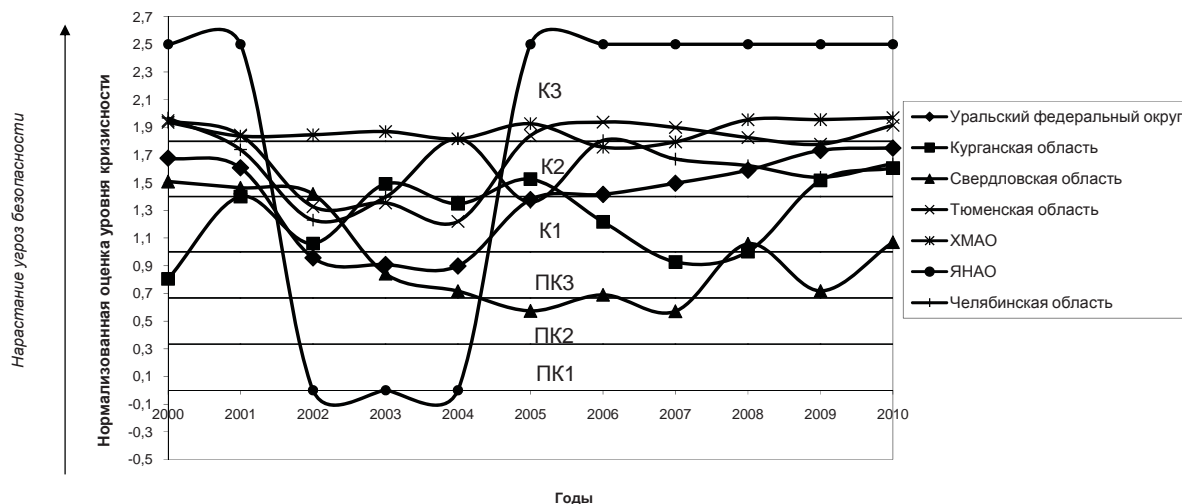
Во всех субъектах УрФО доля расходов на науку и научное обслуживание в ВРП ниже требуемого уровня, необходимого для нормального функционирования научной отрасли. С 2007 г. положение со среднемесячной заработной платой в отрасли «Наука и научное обслуживание», отнесенной к прожиточному минимуму, улучшилось и к 2010 г. нормализовалось. По индикатору, характеризующему долю затрат на фундаментальные исследования во внутренних затратах на науку и научное обслуживание, критическая ситуация складывается в 2010 г. в ХМАО и Челябинской области. Для Челябинской области в динамике наблюдается некоторое улучшение по данному индикатору, хотя ситуация в целом с 2000 г. еще не покидала зону кризиса.

Одним из важных показателей, оценивающих научно-техническую безопасность, является доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции. В 2010 г. все субъекты Уральского федерального округа попали в кризисное угрожающее состояние (значение данного индикатора менее 2 % в целом по УрФО, около 6 % – Свердловская область). Стратегией инновационного развития РФ на период до 2020 г., утвержденной Правительством РФ от 8 декабря 2011 г., определено увеличение в 2020 г. удельного веса инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции – до 25...35 % [14].

Проведенные расчеты инновационной составляющей экономической безопасности показывают, что в научно-технической сфере Уральского федерального округа сложилась критическая кризисная ситуация. Это связано с наличием проблем

инфраструктурного обеспечения научно-технических процессов с учетом существующей экономической ситуации, отсутствием механизма стимулирования высокой активности участников инновационного процесса, инновационной восприимчивос-

ти товаропроизводителей, прежде всего отраслей промышленности, формирования рынка инновационных продуктов, государственных гарантий стабильности в сфере интеллектуального труда и производства [15; С. 189].

Примечание. Обозначение состояний по безопасности: Н – нормальное (соответствует нулевым значениям уровня кризисности и на диаграмме не указывается); ПК1 – предкризисное начальное состояние; ПК2 – предкризисное развивающееся состояние; ПК3 – предкризисное критическое состояние; К1 – кризисное нестабильное состояние; К2 – кризисное угрожающее состояние; К3 – кризисное чрезвычайное состояние

Результаты диагностики научно-технической (инновационной) безопасности субъектов Уральского федерального округа за 2000-2010 гг.

Методический инструментарий диагностики инновационной (научно-технической) безопасности в системе экономической безопасности представляет собой экспресс-диагностику состояния данной сферы жизнедеятельности и позволяет вы-

явить основные факторы, которые будут способствовать инновационному развитию региона в направлении модернизации и движения территорий Российской Федерации к новому неиндустриальному обществу.

Литература

1. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период 2020 г. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/gov/results/17449>.
2. Николаев А. Инновационное развитие и инновационная культура // Проблемы теории и практики управления, 2001. № 5.
3. Макарова Е.С. Классификация факторов инновационного потенциала региона // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2012. Январь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ekonomika.snauka.ru/2012/01/319>.
4. Фактор. Википедия: URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Фактор>.
5. Генезис формирования приоритетов и прогноз расширенного воспроизводства научно-технического потенциала региона. Отчет о НИР. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2003. 200 с.
6. Кокурин Д.И. Инновационная деятельность. М.: Экзамен, 2001. 576 с.

7. Свечникова В.В. Теоретические аспекты классификации инновационного развития промышленного комплекса региона // Инновационная деятельность. 2012. № 2. URL: sstu.ru/journal/files/2012-2.doc.

8. Бекетов Н.В. Цикличность развития экономической системы и инновационные отношения в конкурентной среде // Вестник ХГАЭП. 2008. № 1 (34). С. 4-11.

9. Суязов В.Н. Комплексная оценка эффективности инновационного развития научно-производственных организаций: автореф. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Саратов, 2011. 25 с.

10. Петухов Н.А. Инновационные факторы развития современных экономических систем: автореф. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Краснодар, 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-527491.html>.

11. Кох Ю.В., Мальшев Е.А. Микрофинансирование как новый инструмент на рынке финансовых услуг // Вестник ЗАБГУ. 2012. № 8 (87). С. 101-105.

12. Научно-технологическая безопасность регионов России: методические подходы и результаты диагностирования. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 416 с.

13. Комплексная методика диагностики экономической безопасности территориальных образований РФ. Ч. 1, 2: Методические положения диагностики экономической безопасности территорий регионального уровня. Пороговые уровни индикаторов экономической безопасности территорий регионального уровня / А.И. Татаркин [и др.]. Препринт. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2001.

14. Стратегия инновационного развития РФ на период до 2030 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.government.ru.

15. Современное состояние и развитие научно-технического потенциала Уральского федерального округа. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2011. 428 с.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Куклин А.А., д-р экон. наук, профессор, руководитель центра, гл. науч. сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук alexkuklin49@mail.ru

A. Kuklin, Doctor of Economic Sciences, professor, head of the Center for Economic Security, main research scientist, Institute of Economics, the Ural Branch of Russian Academy of Sciences

Научные интересы: диагностика, моделирование и прогнозирование экономической безопасности региона, инновационная безопасность региона, социально-демографическая безопасность региона

Scientific interests: diagnosis, modeling and forecasting of economic security of a region, innovative security of a region, social and demographic security of a region

Багаряков А.В., канд. экон. наук, первый зам. руководителя администрации губернатора Свердловской области bagaryakov@gov66.ru

A. Bagaryakov, Doctor of Economic Sciences, first head deputy in the Administration of Governor of Sverdlovsk region

Научные интересы: диагностика, моделирование и прогнозирование инновационной безопасности региона, инвестиционная безопасность

Scientific interests: diagnosis, modeling and forecasting of innovative security of a region, investment security

Никulina Н.Л., канд. экон. наук, зав. сектором, ст. науч. сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук nikulinanl@mail.ru

N. Nikulina, Doctor of Economic Sciences, head of the section, senior research scientist, Institute of Economics, the Ural Branch of Russian Academy of Sciences

Научные интересы: диагностика, моделирование и прогнозирование экономической безопасности региона, инновационная безопасность региона, экологическая безопасность региона

Scientific interests: diagnosis, modeling and forecasting of economic security of a region, innovative security of a region, ecological security of a region

УДК 330.322.54

Мальшев Евгений Анатольевич
Evgeniy Malyshev

Подойницын Роман Геннадьевич
Roman Podoinitsyn

ИННОВАЦИОННЫЙ МЕТОД ОЦЕНКИ ИНВЕСТИЦИЙ В ГЕНЕРИРУЮЩИЕ АКТИВЫ НА ОСНОВЕ РЕАЛЬНЫХ ОПЦИОНОВ

INNOVATIVE METHOD OF THE ASSESSMENT OF INVESTMENTS IN GENERATING ASSETS ON THE BASIS OF REAL OPTIONS

Описывается применение метода реальных опционов к оценке инвестиций. Метод реальных опционов основан на теории финансовых опционов и позволяет учитывать неопределенность будущего хода событий, тем самым давая более точную оценку эффективности инвестиционного проекта

Ключевые слова: метод реальных опционов, инвестиционная оценка

This paper describes an attempt to apply the method of real options to the evaluation investments. This method is based on the theory of financial options and allows to decrease the uncertainty of the future course of events

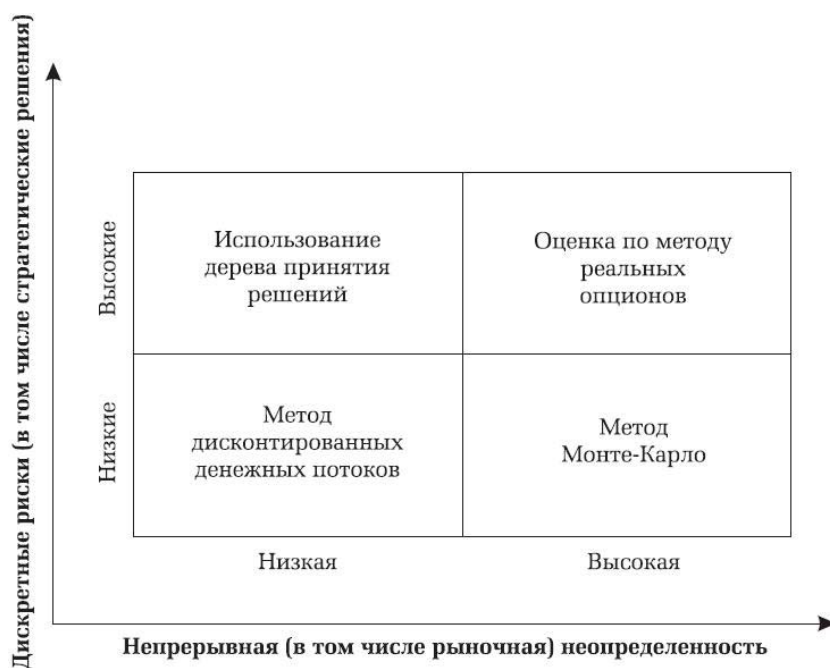
Key words: method of real options, investment appraisal

На протяжении длительного периода DCF (discounting cash-flow) является одним из основных инструментов инвестиционной оценки: он в различных вариантах широко используется для оценки фундаментальной стоимости компаний и вычисления чистой приведенной стоимости инвестиционных проектов. Несмотря на свою популярность, данный метод имеет ряд широко известных недостатков как с теоретической, так и с практической точки зрения. На теоретическом уровне метод дисконтированных денежных потоков не учитывает вероятностный характер результатов инвестиционного проекта, игнорирует стратегическую составляющую стоимости компаний и не позволяет оценить вклад в стоимость управленческой гибкости (т.е. возможность принимать оптимизирующие денежные поток управленческие решения

по ходу реализации проектов). Особенно плохо работает DCF в условиях высокой неопределенности и риска. Неопределенность условий реализации инвестиционного проекта учитываются через «премию за риск» прибавляемую к ставке дисконтирования. Увеличение нормы дисконта ведет к росту срока окупаемости проекта и убыточности, а при существенном увеличении прогнозируемые денежные потоки перестают сказываться на NPV. Это, несомненно, защищает инвестора от рискованных вложений, однако данная процедура имеет мало общего с реальными денежными потоками. Поэтому были разработаны многочисленные альтернативные методы, частично устраняющие недостатки метода DCF. На рисунке показана классификация существующих методов оценки стоимости и инвестиционной привлекательности в зависимости от на-

личия стратегических и рыночных рисков. Все виды риска можно условно разделить на две основные категории: дискретные риски и непрерывные риски (непрерывная неопределенность). К дискретным можно отнести риски, связанные со стратегическими решениями, к непрерывным – рыночные риски, или риски колебания рыночных факторов (цена, процентные ставки, обменные курсы и т.д.). Метод дисконти-

рованных денежных потоков дает удовлетворительные результаты, только если дискретные и непрерывные риски находятся на низком уровне. В случае наличия значительных дискретных рисков используется метод дерева решений. При значительной непрерывной неопределенности применяется компьютерное моделирование по методу Монте-Карло.

Классификация методов оценки

Наконец, при наличии высокого уровня непрерывной неопределенности и значительных дискретных рисков применяется метод реальных опционов. Метод реальных опционов рассматривает риск не только как отрицательный фактор, но и как возможность получить дополнительную прибыль.

Основная идея применения опционной теории и опционной техники в рассматриваемой сфере состоит в том, что в большинстве или, по крайней мере, во многих случаях при реализации инвестиционных проектов инвестор имеет некоторую свободу действий относительно времени начала инвестирования, объемов производства, последующей продажи активов, используемых технологий и т.д.

Опцион – контракт, дающий право (но не обязанность) на покупку/продажу товара или финансового актива по заранее установленной цене в течение определенного, заранее установленного отрезка времени. Разделяют опционы *Call*, дающие право на покупку, и опционы *Put*, дающие право на продажу базового актива. Реальный опцион – опцион, базовым активом по которому являются реальные активы: заводы, запасы нефти, машины, производственные инвестиции и т.д.

Таким образом, каждый инвестор, имея право на принятие таких решений, вместе с проектом имеет как бы американский опцион и, следовательно, начиная финансирование, его реализует, неся соот-

ветствующие вмененные издержки, равные стоимости опциона. Понимание «опционного характера» инвестиционных проектов объясняет тот практически известный факт, что нередко инвесторы не отказываются от проектов с отрицательным NPV, так как ситуация может измениться к лучшему и можно будет использовать «заложенный» в проекте реальный опцион, получая в итоге положительный NPV.

Начало развития методологии оценки стоимости инвестиционных возможностей по аналогии с финансовыми опционами принято связывать с работами таких авторов, как Дж. Кокс, С. Росс, М. Рубинштейн, С. Майерс, Р. Мертон и др. Наиболее полно концепция реальных опционов представлена в монографии Авинаша Диксита и Роберта Пиндайка [A. Dixit, R. Pindyck *Investment under Uncertainty*. – Princeton University Press, 1994], сделавших вывод о том, что принцип использования внутренних инвестиционных возможностей не противоречит ортодоксальной теории оценки инвестиций.

Цель данной работы – показать, что инвестиционные проекты с высокой степенью неопределенности исходной информации и возможностью гибкого управления часто содержат вложенные опционы.

Реальные опционы могут быть как на стороне активов и касаться в основном инвестиционных решений, так и на стороне обязательств и собственного капитала – и тогда они связаны с финансовыми решениями. Реальные опционы на стороне активов подразделяются на опционы на сокращение, выход из бизнеса, на его развитие, ти-

ражирование опыта, переключение, приостановку и отсрочку. Существуют также опционы на стадийное ведение проекта и бизнеса.

В качестве примера рассмотрим проект с опционом на расширение. Опцион на расширение предполагает возможность увеличения объемов производства при благоприятном развитии событий. Увеличение объемов производства достигается путем инвестиций в увеличение производственной мощности.

Такая возможность похожа на обыкновенный опцион CALL. В случае если вы покупаете опцион CALL, вы получаете право через некоторое время (или в течение определенного времени) вложить фиксированную сумму денег в базисный актив (купить по фиксированной цене) и реализовать по текущей цене, получив прибыль, то есть если вы имеете возможность расширить выпуск продукта проекта, то вы также фактически получаете своеобразный «опцион» – право на то, чтобы вложить дополнительную сумму денег в развитие производства в благоприятных для этого обстоятельствах и получить дополнительный эффект от проекта.

Таким образом, если у проекта, например, не точно определен спрос и возможен его «всплеск» в будущем, то иметь такой реальный опцион CALL было бы очень полезно, и это добавило бы привлекательности проекту.

В табл. 1 представлен традиционный расчет эффективности инвестиционного проекта без учета опциона на расширение.

Таблица 1

Расчет экономической эффективности проекта без учета вложенных опционов, руб.

Показатель/период	0	1	2	3	4	5	6
Приток дс	0	200	200	200	200	200	200
Отток дс	-1000	0	0	0	0	0	0
Чистый поток дс	-1000	200	200	200	200	200	200
Ставка дисконтирования (r)	5 %						
Коэффициент дисконтирования	1,0	1,0	0,9	0,9	0,8	0,8	0,7
Дисконтированный приток дс	0	190	181	173	165	157	149
Дисконтированный отток дс	-1000	0	0	0	0	0	0
ЧДД	15						
ИД	1,015						

В ходе реализации проекта произошло успешное внедрение продукции на рынок, в результате было принято решение о дополнительных инвестициях в увеличение производственных мощностей. Рост объемов

производства при сохранении объемов постоянных затрат привел к существенному увеличению маржинальной прибыли и в конечном итоге – к увеличению экономической эффективности проекта (табл. 2).

Таблица 2

Фактические потоки по проекту с учетом реализованного опциона на расширение, руб.

Показатель/период	0	1	2	3	4	5	6
Приток дс	0	190	190	1213	1213	1213	1213
Отток дс	-1050	0	-3000	0	0	0	0
Чистый поток дс	-1050	190	-2810	1213	1213	1213	1213
Ставка дисконтирования (г)	5 %						
Коэффициент дисконтирования	1,0	1,0	0,9	0,9	0,8	0,8	0,7
Дисконтированный приток	0	181	172	1048	998	951	905
Дисконтированный отток	-1050	0	-2721	0	0	0	0
ЧДД	485						
ИД	1,129						

Как видно из сопоставления приведенных данных, произошло существенное изменение денежных потоков и экономической эффективности проекта. Для сравнительного анализа фактической и плановой экономической эффективности применим методы инвестиционной оценки к денежным потокам по реализованному проекту. Такой подход позволит решить сразу несколько задач:

- определить вклад факторов в отклонение экономической эффективности от плановых значений;
- проверить использованные при первоначальной оценке проекта допущения и исходные параметры;

– выявить возможные ошибки или недостатки использованных методов при оценке экономической эффективности проекта.

Однако при сравнительном анализе плановых и фактических показателей экономической эффективности достаточно трудно оценить вклад каждого фактора. В течение реализации проекта произошло изменение первоначальных инвестиций, рентабельности, производственной мощности и т.д. Поэтому с целью анализа фактических показателей необходимо выделить денежные потоки, связанные с дополнительными инвестициями (исполнение опциона) (табл. 3).

Таблица 3

Денежные потоки по опциону (факт), руб.

Показатель/период	0	1	2	3	4	5	6
Приток дс				1023	1023	1023	1023
В том числе доп приток от первоначальных инвестиций				113	113	113	113
Отток дс			-3000				
Чистый поток дс	0	0	-3000	1023	1023	1023	1023
Ставка дисконтирования г	5%						
Коэффициент дисконтирования	1,0	1,0	0,9	0,9	0,8	0,8	0,7
Дисконтированный приток	0	0	0	884	842	802	764
Дисконтированный отток	0	0	-2721	0	0	0	0
ЧДД	570						
ИД	1,210						

При выделении денежных потоков, образованных дополнительными инвестициями, учтен прирост денежного потока от продукции, созданной на первоначально приобретенном оборудовании в результате снижения постоянных затрат на единицу продукции – синергетический эффект. Поэтому расчетный экономический эффект дополнительных инвестиций завышен. В

таком случае для упрощения анализа разобьем фактические денежные потоки на три составляющих:

- 1) денежные потоки по проекту без опциона (табл. 4);
- 2) денежные потоки по опциону (табл. 5);
- 3) синергетический эффект от исполнения опциона (табл. 6).

Таблица 4

Денежные потоки по проекту без опциона (факт), руб.

Показатель/период	0	1	2	3	4	5	6
Приток дс	0	190	190	190	190	190	190
Отток дс	-1050	0	0	0	0	0	0
Чистый поток дс	-1050	190	190	190	190	190	190
Ставка дисконтирования (r)	5 %						
Коэффициент дисконтирования	1,0	1,0	0,9	0,9	0,8	0,8	0,7
Дисконтированный приток дс	0	181	172	164	156	149	142
Дисконтированный отток дс	-1050	0	0	0	0	0	0
ЧДД	-86						
ИД	0,918						

Как видно из табл. 4, ЧДД по реализованному проекту без учета опциона на расширение оказался ниже нуля, что объ-

ясняется увеличением первоначальных инвестиций и снижением рентабельности продукции.

Таблица 5

Денежные потоки по опциону (факт), руб.

Показатель/период	0	1	2	3	4	5	6
Приток дс				910	910	910	910
Отток дс			-3000				
Чистый поток дс	0	0	-3000	910	910	910	910
Ставка дисконтирования (r)	5 %						
Коэффициент дисконтирования	1,0	1,0	0,9	0,9	0,8	0,8	0,7
Дисконтированный приток	0	0	0	786	749	713	679
Дисконтированный отток	0	0	-2721	0	0	0	0
ЧДД	206						
ИД	1,076						

Чистый дисконтированный доход по опциону оказался наоборот положительным вследствие снижения удельных услов-

но-постоянных затрат на единицу продукции.

Таблица 6

Синергетический эффект (факт), руб.

Показатель/период	0	1	2	3	4	5	6
Приток дс				113	113	113	113
Отток дс							
Чистый поток дс	0	0	0	113	113	113	113
Ставка дисконтирования r	5 %						
Коэффициент дисконтирования	1,0	1,0	0,9	0,9	0,8	0,8	0,7
Дисконтированный приток	0	0	0	98	93	89	85
Дисконтированный отток	0	0	0	0	0	0	0
ЧДД	365						
ИД	-						

Синергетический эффект имеет наибольший ЧДД, так как не требует вложения инвестиций и возникает благодаря исполнению опциона на расширение.

Если сложить ЧДД полученных составных частей, то в сумме получится ЧДД по проекту - $86 + 206 + 365 = 485$, что подтверждает корректность разбиения денежных потоков. Наличие синергетического эффекта зависит от типа опциона и индивидуальных особенностей проекта.

Таким образом, мы выявили и показали экономический эффект от заложенного в проект опциона на расширение на основе фактических данных. Естественно предположить, что данный эффект мог бы быть учтен и при первоначально оценке эффективности проекта.

Для полноценного сопоставления предположим, что денежные потоки по опциону на расширение были рассчитаны заранее (табл. 7).

Таблица 7

Денежные потоки по опциону (план), руб.

Показатель/период	0	1	2	3	4	5	6
Приток дс				900	900	900	900
Отток дс			-3000				
Чистый поток дс	0	0	-3000	900	900	900	900
Ставка дисконтирования (r)	5%						
Коэффициент дисконтирования	1,0	1,0	0,9	0,9	0,8	0,8	0,7
Дисконтированный приток	0	0	0	777	740	705	672
Дисконтированный отток	0	0	-2721	0	0	0	0
ЧДД	174						
ИД	1,064						

Таким образом, плановая экономическая эффективность проекта сложилась бы из следующих составляющих:

- 1) проект без опциона ЧДД = 15;
- 2) стоимость планового опциона ЧДД = 174;
- 3) синергетический эффект = 321.

Итоговая экономическая эффективность проекта будет равна математическому ожиданию рассчитанных вариантов. Например, при вероятности реализации оптимистичного сценария, равной 50 % (предполагается, что первоначальный вариант был пессимистичным), ЧДД проек-

$та = 0,5 \times 15 + 0,5 \times (321 + 174) = 7,5 + 247,5 = 255$, что существенно больше первоначального значения по бизнес-плану (табл. 1). Более высокий показатель ЧДД говорит о преимуществе данного проекта над прочими аналогичными проектами (например, без возможности расширения производства), что логично.

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

Во-первых, сравнительный инвестиционный анализ, т.е. сопоставление плановых и фактических денежных потоков по проекту, является необходимым расширением методологии инвестиционного анализа. Сравнение плановой и фактической достигнутой экономической эффективности проектов дает ценную информацию об ошибках и допущениях, сделанных при оценке проекта, и их роли в итоговых показателях. Также становятся видны недостатки и ограничения используемых методик прогнозирования и инвестиционной оценки, дающие информацию о возможных направлениях их развития.

Во-вторых, на примере уже реализованного проекта (смоделированных исто-

рических данных) выявлено и показано присутствие вложенного опциона, независимо от того, был ли учтен опцион при первоначальной оценке. Следовательно, использование реальных опционов (или любого другого аналогичного метода) в оценке экономической эффективности является необходимым элементом методологии. Использование реальных опционов при оценке инвестиционных проектов позволит учесть как возможности по увеличению доходности проекта, так и возможности принятия решений, направленные на минимизацию убытков в случае пессимистичного развития событий.

В-третьих, метод реальных опционов рекомендуется использовать при существенной неопределенности исходной информации и имеющейся возможности управления проектом, при наступлении определенных событий.

Описанные в работе методы и выводы были успешно использованы при оценке экономической эффективности бизнес-плана по строительству 3-го энергоблока Харанорской ГРЭС [7].

Литература

1. Андрей О. Концепция реальных опционов в практике принятия инвестиционных решений // Индикатор № 07-08 (35) Июль-Август 2000.
2. Ковалишин А.Е., Поманский А.Б. Реальные опционы: оптимальный момент инвестирования // Экономика и математические методы, 1999, Т. 35, № 2. С. 50-60.
3. Лимитовский М.А. Инвестиционные проекты и реальные опционы на развивающихся рынках, 4-е изд. М.: Дело, 2008. 263 с.
4. Чертыкин Е.М. Статистические методы прогнозирования. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Статистика, 1977. 200 с.
5. Лукашов А.В. Метод Монте-Карло для финансовых аналитиков: краткий путеводитель // Управление корпоративными финансами. 01(19)2007. С. 22-39.
6. Иванов С.А. К вопросу об эволюции теории инвестирования // Проблемы современной экономики 2004. № 4 (12).
7. Подойницын Р.Г., Малышев Е.А. Оценка инвестиции в энергетику в условиях информационной неопределенности // Вестник ЗабГУ. Чита: ЗабГУ, 2012. Вып. 84. С. 120-124.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Мальшев Е.А., канд. техн. наук, доцент, проректор по научной и инновационной работе, зав. каф. «Экономика и управление на энергетических предприятиях», Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
eamalyshev@mail.ru

E. Malyshev, Candidate of Engineering Sciences, associate professor, vice-rector for scientific and innovation work, head of the Economy and Management at Energy Enterprises department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: менеджмент, экономика энергетической отрасли, бизнес-планирование, бизнес-образование

Scientific interests: management, economy of the energy industry, business planning, business education

Подойницын Р.Г., аспирант, каф. ЭУЭ, Забайкальский государственный университет
uzumaki-r@mail.ru

R. Podoinitsyn, postgraduate student, Economy and Management at Energy Enterprises department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: экономика, философия науки, математика, нейрофизиология

Scientific interests: economics, philosophy of science, mathematics, neuroscience

УДК 338

Слива Светлана Вячеславовна
Svetlana Sliva

УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ: СПОСОБЫ И МЕХАНИЗМЫ

MANAGEMENT OF ECONOMIC DEVELOPMENT: METHODS AND WAYS

Исследуются особенности управления развитием экономической системы. Установлено, что способом управления экономическим развитием является система реформ. Обосновано, что механизмы реализации трансформационной, модификационной, модернизационной реформ обеспечивают инновационное развитие российской экономики

Ключевые слова: экономическое развитие, институциональные реформы, модификация, модернизация

The peculiarities of economic system development management are studied. It is found that the method of economic development is a system of reforms. The author proves that the ways of carrying out of transformation, modification and modernization reforms assure the innovative development of Russia's economy

Key words: economic development, institutional reforms, modification, modernization

Необходимость продолжения и углубления исследования экономической системы ощущается все острее, поскольку при наличии множества научных теорий и концепций до сих пор не решены важнейшие проблемы российской экономики: определение внутреннего основания ее развития, условий формирования ее инновационной модели. Долговременные перспективы развития российской экономической системы во многом определяются эффективностью внутрисистемных управленческих решений. Утверждение тенденций роста российской экономики должно быть подкреплено выявлением способов и механизмов направленного преобразования экономической системы.

Управление экономическим развитием – целенаправленное воздействие на экономическую систему общества для ее упорядочения, сохранения и совершенствования. В этой связи требуется разграничить способы и механизмы преобразования, имеющие своей целью экономическое развитие. Преобразование – это реакция на необходи-

мость разрешения противоречий, имманентно присущих развивающемуся явлению. Соответственно, способом разрешения противоречия между необходимостью экономического развития и ограниченным потенциалом саморазвития может стать реформа экономической системы, заключающаяся в направленном совершенствовании содержания системы посредством изменения, переустройства отдельных ее компонентов или их совокупности. Следовательно, задача реформ состоит в том, чтобы сформировать непротиворечивую совокупность элементов и отношений, которые обеспечат дальнейшее развитие экономической системы.

Экономическая система органически готова к своему реформированию тогда, когда не располагает возможностями самонастройки и саморазвития по причинам смены фактора экономического развития; внедрения новационных технологических решений в общественном производстве, изменений в системе производственных отношений. Как отмечает С. Шаталин, объективная необходимость реформ возникает в

связи с отсутствием других альтернативных вариантов решения важнейших экономических проблем [18; С. 49].

В связи с многообразием элементов структуры системы, требующих преобразований; межэлементных отношений, нуждающихся в совершенствовании; способов направленных преобразований; глубины и масштабов реструктуризации архитектуры экономической системы реформы могут быть нами дифференцированы по способам-признакам трансформации, модификации, модернизации.

Наиболее масштабную цель имеют трансформационные реформы, поскольку представляют собой кардинальное преобразование архитектуры системы. Под такого рода переустройством можно понимать любую замену даже отдельных конституирующих признаков другими, благодаря которой старый порядок (или его отдельная область) заменяются новым [23; С. 220].

Соответственно, задачей, стоявшей перед реформой трансформационного типа в России, явилось создание такой архитектуры экономической системы, в которой обособленной, растущей и самостоятельной силой становится бизнес при сокращении объемов функций государства, сферы его контроля [21; С. 175]. В результате российская экономическая система приобрела «рыночные и нерыночные подсистемы хозяйства, чье взаимодействие и интеграция обеспечивает целостность и устойчивость экономики» [14; С. 57].

Не меньшей практической значимостью в алгоритме реформ обладает шаг выбора инициатора преобразований. «Орудиями изменений выступают экономические и политические агенты, стремящиеся максимально расширить свои возможности» [9; С. 129]. Инициатором реформ в момент начала структурной трансформации может быть государство в силу преимущественного обладания ресурсами. Институциональные и материальные возможности экономических агентов недостаточны по причине нарастания кризисных эффектов, обуславливающих саму необходимость трансформации. Соответственно, ресурсным до-

ном должно выступить государство [6; С. 41].

Таким образом, трансформационная реформа российской экономической системы была инструментом государственного управления, обеспечившим первичные условия экономического развития общества в новых институциональных рамках.

Однако «радикальная трансформация... связана с риском утраты контроля за экономическим развитием, проявлением стихийных, нерегулируемых процессов. Этот риск усугубляется невозможностью точного прогноза реакции хозяйственных субъектов на изменения системы» [18; С. 50]. Дисфункциональность и нестабильность российской экономики ставит задачу ее модификации и модернизации.

В отличие от реформы трансформационного типа при модификационной реформе происходит корректирование отдельных структурных компонентов с целью повышения эффективности экономической системы, приобретения ею новых свойств, но без изменения основ. Научная дискуссия по вопросу модификации экономической системы может быть нами поделена на два направления: консервативная позиция и эволюционная позиция.

Консервативная позиция связана с идеей, согласно которой российская экономика не может строиться на принципах рыночности, поскольку ей имманентно свойственна регламентация и управление. Соответственно, модификации должны подвергаться традиционные институты. Эта позиция отражена в исследованиях О. Бессоновой, С. Кирдиной. О. Бессонова вводит понятие «либерального раздатка» [3; С. 108-138]. Как предполагается, эта форма должна сохранить производственные отношения раздаточной экономики при существенном включении в него таких либеральных экономических форм, как договорная модель управления, бюджетное регулирование, хозяйственная независимость экономических субъектов, поливидовой характер государственной собственности, органичной рыночной торговли и предпринимательства.

Эволюционная модификация – второе направление дискуссии о сущности улучшающих изменений экономической системы. Реформы должны быть основаны на национальных экономических, социальных, культурных традициях.

Р. Нуреев модификацию экономической системы связывает с приданием ей характера «социального рыночного хозяйства XXI в.» [10; С. 626]. Улучшающие изменения связываются с поддержкой и совершенствованием условий хозяйствования, содействием развитию конкуренции, поддержкой малого и среднего бизнеса. При этом перераспределение (кроме социального перераспределения) возлагается на рыночно-конкурентные механизмы посредством политики открытых рынков при четких правилах и ответственности субъектов.

Траекторию модификации российской экономической системы В. Рязанов видит в закономерно организованной смешанной экономике. Модификация структуры экономики, по мнению автора, должна идти в направлениях совершенствования взаимодействия рыночного и нерыночного укладов хозяйства; формального и неформального секторов; крупного, среднего и малого бизнеса [14; С. 189-190].

Б. Бродский рассматривает возможность модификации экономики с точки зрения ее реструктуризации [4; С. 40]. Модификации должны подлежать механизмы согласования индивидуальных предпочтений экономических агентов на основе общих институциональных ценностей; реализации дифференцированной государственной структурной политики; реализации политики макроэкономической стабилизации; обеспечения реаллокации труда и капитала в частный бизнес.

В. Тамбовцев считает необходимым модифицировать основные экономические институты таким образом, чтобы выстроить поведение ее агентов в русле изменения условий принятия хозяйственных решений [16; С. 29-40]. Как отмечает Е. Гайдар, для этого экономические субъекты должны быть помещены в благоприятный предпринимательский и инвестиционный климат;

защищенное пространство собственности; в организованную систему рынков земли, финансов, собственности; в эффективную конкурентную среду [20; С. 311].

Таким образом, реформы модификационного типа конкретизируют принципы структурных трансформационных преобразований экономической системы в части ее институционального усовершенствования. Данные реформы представляют собой способ управления экономической системой в целях создания внутренних условий для экономического развития.

Модернизационные реформы призваны разрешить «противоречие между реформами и экономикой» [21; С. 176]. Характерным признаком реформ модернизационного типа является акцент на приведение к современным требованиям уровня развития производительных сил и производственных отношений в соответствии «с движением традиционного общества к современному» [15; С. 35].

Потребность в модернизации экономического и социального пространства в своем большинстве возникает стихийно в процессе развития общества. Как выразился П. Ореховский – у модернизации нет заказчиков [12; С. 75-88]. Общественные перемены автоматически продуцируют соответствующие «естественные институты, возникающие органическим путем» [7; С. 404].

Известно мнение Д. Норта, согласно которому модернизация всегда была связана с инновациями, направленными на повышение мобильности капитала, снижения информационных издержек, распределение экономического риска [9; С. 160-162]. Й. Шумпетер отдавал приоритет производственному направлению модернизации экономики [19; С. 159]. Повышение производительности труда, по мнению М. Портера, есть залог модернизации [13; С. 390].

Нередко модернизацию идентифицируют с переходом к очередной стадии технологического развития общественно-производства. В свое время Л. Вальрас отмечал, что индустриальная организация производства обладает свойством «умно-

жать полезные вещи» [5; С. 19]. Постиндустриальная экономика ориентирована на выпуск уникальных продуктов. В этой связи ключевым моментом при исследовании сущности модернизационных реформ являются реализуемые подходы и инструменты, способные обеспечить переход к постиндустриальной организации российского общества и его экономики.

Современная мировая экономика находится на постиндустриальной стадии развития. Инновационная модель развития предполагает технологическую модернизацию, содержание которой связано с соответствием сдвигов в структуре производства и сдвигов в структуре общественных потребностей [1; С. 36-44]. Корреляционная взаимосвязь производства и потребностей имеет тенденцию к усилению, поскольку «решающее значение приобретают темпы создания и внедрения новой техники, уровень и динамика эффективности использования ресурсов, гибкость производства, способность быстро приспосабливаться к меняющимся потребностям» [18; С. 5].

Технологическая модернизация имеет конкретные направления: обновление технологий, продуктов, методов организации и управления производством, отраслевая перестройка экономики. В конечном итоге эти меры, по мнению Е. Ясина, приведут к росту производительности на основе интенсификации потока инноваций [22; С. 6].

Промышленная политика — инструмент модернизации российской экономики — мнение А. Нестеренко [11; С. 19-30]. Современная промышленная политика должна быть направлена на восстановление воспроизводственных пропорций капитала. В этой связи Г. Белякова предлагает рассматривать модернизацию как отложенное потребление. Комплексное развитие социально-экономической системы требует существенного превышения накопления капитала над его потреблением [2; С. 8-12].

Модернизация производственной сферы должна сопровождаться модернизацией институциональной структуры, поскольку институциональная среда, приведенная в

соответствие с инновационными требованиями, обеспечит преобразование экономической системы с меньшими транзакционными издержками. Е. Ясин так определяет институциональную модернизацию: это работа по проектированию и выращиванию целостной системы институтов, необходимых для рыночной экономики [22; С. 6].

В свое время размышления о представительном правлении натолкнули Дж. Милля на мысль о том, что «прогресс экономической системы обеспечивается хорошей формой правления, критериями которой являются способность ... организовывать умственные, нравственные и деятельные силы, уже существующие, чтобы с их помощью вести с наибольшим успехом общественное дело» [8; С. 31].

В современных условиях укоренению институтов могут способствовать общественные коалиции, разрабатывающие программу и отвечающие за ее выполнение. Необходимыми условиями работоспособности коалиций является независимая от государства хозяйственная среда, развитая институциональная, деловая инфраструктура, высокое качество человеческого капитала [17; С. 71-85].

Руководствуясь идеей экономической модернизации, политические институты, как считает Е. Гайдар, должны предоставить власть тем группам, которые заинтересованы в наличии широко разветвленной системы инфорсментов прав собственности [20; С. 91]. Тем самым создаются основания для реализации принципа соучастия в процессе модернизации. Демократический механизм модернизации обретает подвижную вертикаль: государство «сверху» запускает преобразования, а затем, инициатива передается «вниз», поскольку «у бизнеса возникает потребность в общественном контроле за деятельностью государства, в защите прав собственности» [21; С. 309-316].

Таким образом, модернизация экономической системы — синтетический процесс, интегрирующий институциональные и структурные возможности перехода к инновационному развитию. Способом уп-

правления развитием российской экономики в современных условиях являются направленные преобразования посредством реформ. Их реализация представляет собой механизм инициации экономического развития России.

Литература

1. Белокрылова О., Бочков А. Перспективы посткризисной модернизации экономики России // Экономический вестник РГУ. 2008. Т. 6. № 4. С. 36-44.
2. Белякова Г., Батукова Л. К вопросу о модернизации социально-экономических систем: теоретические основы и роль государства // Проблемы современной экономики. 2010. № 4 (36). С. 8-12.
3. Бессонова О.Э. Траектория и вектор развития цивилизационной матрицы России // Мир России. 2008. С. 108-138.
4. Бродский Б. Лекции по макроэкономике переходного периода. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 223 с.
5. Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. М.: Изограф, 2000. 448 с.
6. Лисин В.С. Институциональные аспекты экономических реформ в России. М.: Дело, 1999. 148 с.
7. Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. 496 с.
8. Милль Дж. Размышление о представительном правлении. Перепечатка с издания Яковлева. СПб. 1863. 261 с
9. Д. Норт. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 180 с.
10. Нуреев Р. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М.: Норма, 2008. 640 с.
11. Нестеренко А. Экономический рост на основе институциональных изменений // Вопросы экономики. 1996. № 7. С. 19-30.
12. Ореховский П. Зрелость социальных институтов и специфика оснований теории общественного выбора // Вопросы экономики. 2011. № 5. С. 75-88.
13. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 454 с.
14. Рязанов В. Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике. СПб.: Издательский дом СПб. гос. ун-та., 2009. 463 с.
15. Северный Кавказ: модернизационный вызов / И.В. Стародубровская, Н.В. Зубаревич, Д.В. Соколов, Т.П. Интигринова, Н.И. Миронова, Х.Г. Магомедов. М.: Дело РАНХ и ГС, 2011. 328 с.
16. Тамбовцев В. Институциональная динамика в переходной экономике // Вопросы экономики. 1998. № 5. С. 29-40.
17. Шаститко А. Структурные альтернативы социально-экономического развития России // Вопросы экономики. 2008. № 1. С. 71-85.
18. Шаталин С.С., Гайдар Е.Т. Экономическая реформа: причины, направления, проблемы. М.: Экономика, 1989. 114 с.
19. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 355 с.
20. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. Экономический рост 2000-2007. М.: Дело АНХ, 2008. 1328 с.
21. Ясин Е. Приживется ли демократия в России. М.: Новое издательство, 2005. 384 с.
22. Ясин Е.Г. Сценарии развития России на долгосрочную перспективу. М.: Либеральная мысль, 2011. 48 с.
23. Peters H.-R. Einführung in die Theorie der Wirtschaftssysteme. Oldenburg, Munchen, 1993, 267 p.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Слива С.В., канд. экон. наук, доцент каф. «Менеджмент», Астраханский государственный университет
Сл. тел.: 8 (8512) 61-08-13

S. Sliva, Candidate of Economical Sciences (PhD), associate professor, assistant professor, Management department, Astrakhan State University.

Научные интересы: развитие экономических систем

Scientific interests: development of economic systems

УДК 332

Цыренов Очир Чингисович
Ochir Tsyrenov

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЭКОНОМИКА: ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ И МЕТОДОЛОГИЯ

THE SPATIAL ECONOMY: EVOLUTION OF APPROACHES AND METHODOLOGY

Рассмотрена эволюция теоретических принципов и подходов к исследованию пространственной организации экономики. Проанализировано изменение содержания категории «экономический регион», приведена сравнительная оценка теоретических подходов к исследованию пространственных аспектов экономики. Показана ограниченность теоретических и прикладных средств региональной экономики в изучении пространственной организации и пространственных взаимодействий экономических агентов современной экономики

Ключевые слова: региональная экономика, пространственная экономика, теория, методология, комплексы, экономические агенты, макроэкономика, системы, микроэкономика

The evolution of theoretical principles and approaches to the study of spatial organization of economy is considered. The change of the content of the category «economic region» is analyzed; a comparative evaluation of theoretical approaches to the study of spatial aspects of the economy is presented. Theoretical and practical limitations of the regional economy in the study of spatial organization and spatial interactions of economic agents of the modern economy are shown

Key words: regional economy, spatial economics, theory, methodology, systems, economic agents, macroeconomics, systems, microeconomics

Пространственные аспекты являются наиболее интересными из объектов анализа экономики. Отмечается пик интереса исследователей к региональным аспектам экономической теории. Причиной такого интереса являются два обстоятельства.

Во-первых, существует неудачи в макроэкономической динамике и, вместе с тем, иллюзия благополучия в модернизации экономики, что заставляет обратить внимание на потенциал территориальной организации национальной экономики.

Во-вторых, при модернизации экономики натолкнулись на неготовность экономики динамически интегрировать пространственный аспект в модели экономической динамики и общего равновесия. В одной из научных работ доказывается:

«Россия имеет предельно устаревшую систему расселения и размещения производительных сил. Значительная часть ее была создана искусственно под проект советской индустриализации и до сих пор обслуживает страну, которой уже нет» (см., напр.: [1; С. 149]). Архаичность управления и территориальная организация очевидна, но только констатацией фактов исправить положение невозможно.

Во время изучения экономики регионов исследование опирается на данные государственной статистики. Этот анализ необходим для систематизации информации и для принятия управленческих действий. Но при этом надо помнить, что «цифры увлекают: исследователь переносит главное внимание на их колебания... а не на ход эволюции» [2; С. 187]. В то же время «ход

эволюции» это и есть необходимое для рационального использования экономических ресурсов и для грамотного управления развитием регионов. В литературе появились первые отечественной научной работы, в которых делаются попытки обосновать теоретико-методологические основы пространственной экономики (см., напр.: [3; 4; 5; 6; 7]), но методология еще не оформилась должным образом [6]. В общем виде по развитию пространственные исследования в экономике прошли через три этапа.

Этап первый – становление экономики регионов, был наиболее длительным и имевший место примерно 10 тыс. лет тому назад. В экономике этого периода доминировало «хозяйство собирания», отличительной чертой которой, по Э. Фридриху, являлось то, что «место, время, количество и качество предписывается природой» [8; С. 28]. Экономические районы формировались на отдельных территориях и их функционирование доминировало воздействием природных факторов и живого труда. Взаимодействия между районами сводились к торговле товарами. Мобильность товаров в пространственном аспекте была невелика, что определяло формирование локальных рынков. Но в то же время существовал рынок, если и не глобальный, то близкий к нему по территориальному охвату, организуемый дальнепривозной торговлей. Дальнепривозная торговля связывала отдельные миры-экономики друг с другом. Таким образом, на протяжении первого этапа рыночные механизмы охватывали все более разные сферы экономики и территории.

Экономические агенты ориентировались на наличие в определенной координате экономического пространства тех или иных факторов, способствующих производству благ и услуг, удовлетворяющих определенные потребности. Природные условия, технологии и концентрация потенциальных потребителей создавали предпосылки для удовлетворения потребностей более широкого круга потребителей. Это определяло концентрацию экономических агентов, что становилось важным фактором развития в

этом месте экономики. Национальное разделение труда было слабо развито, товаров мало, и в этих условиях цена определялась редкостью блага для потребителя в конкретном месте, что создавало благоприятные возможности для развития отдельных местностей. Развитие специализации создавало основу для пространственного разделения труда в производстве. В свою очередь, разделение труда привело к поиску рациональных мест размещения производств.

Мировая торговля опиралась на владение отдельными странами, преимущественными условиями производства благодаря их географическим, климатическим условиям и умениям населения. Поэтому в рамках международного обмена стоял вопрос, где именно находилось нужное производство и откуда дешевле привезти товар. Таким образом, на этом этапе исследования пространственного аспекта экономической деятельности заключались в выявлении особенностей конкретных проявлений экономической деятельности в различных географических условиях. Будем называть это направление исследований экономикой регионов, помня о том, что сами регионы представляли определенные географические ареалы, в пределах которых сочетание природно-географических условий было выгодным для определенных видов экономической деятельности. Следовательно, экономика регионов отвечает на следующие вопросы:

1) почему тот или иной вид деятельности развивается именно в данных географических координатах?

2) каковы параметры структурной конкурентоспособности того или иного региона?

Этап второй – от экономики регионов к региональной экономике, где содержанием второго этапа является модификация объекта исследований – регион. Рыночная система, как механизм деятельности экономических агентов, стала превращаться в форму экономического бытия. Именно этот этап Р. Л. Хайлблонер определил в качестве «экономической революции» [9]. С этого момента начала возрастать степень разно-

образия взаимосвязей между экономическими агентами. Менялась и внутренняя структура экономических районов: на место слабо дифференцированных пришли узловые районы с индустриальными центрами. Территориально-отраслевая структура экономических регионов стала определяться деятельностью крупных корпораций, которые определяли конкурентоспособность региона. Формирование экономических регионов как систем совместного функционирования создало возможность рассматривать пространственный аспект экономики с точки зрения общей теории экономики. Начало формированию теории внутринационального размещения производства положила работа И. Тюнена («Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике», 1826 г.), в которой предложена теория сельскохозяйственного штандарта. Дальнейшим развитием теории экономических взаимодействий в пространстве стала концепция А. Леша («Пространственная организация хозяйства», 1940 г.). А. Леш заложил основы системного анализа экономического региона как целостной рыночной среды, в которой функционируют отдельные предприятия, которые ориентировались не только на прибыли, но и на защите своей рыночной ниши от конкурентов.

Регионы представляли не только экономической системой, но и частью общей системы национального и мирового хозяйства. Следовательно, «экономика регионов» как дисциплина стала универсальной за счет исследований межрегиональных взаимодействий. Вслед за классиками экономики регионов отечественные исследователи и практические работники – К.И. Арсеньев, П.П. Семенов, а затем А.И. Скворцов, А.Н. Челинцев, И.Г. Александров, Б.Н. Книпович, Н.Н. Колосовский [2; 10; 11; 12; 13-15] трактовали «район» как существующую экономическую систему, которая базируется на пространственной неоднородности ресурсов и условий ведения экономической деятельности. Таким образом, экономика регионов эволюционировала в региональную экономику, исследующую экономи-

ческие отношения между экономическими агентами, взаимодействующими в пределах экономических систем. Региональная экономика, продолжая отвечать на вопросы, которые традиционно стояли перед экономикой регионов (см. выше), но еще и дает возможность также найти ответы на следующие дополнительные вопросы:

1) где может быть получен наибольший эффект применения факторов производства?

2) каков эффект системного функционирования экономических агентов в пределах географической локализации?

Этап третий – пространственная экономика: кризис теории или амбиции теоретиков? Представим формулу пространственных исследований на первых двух этапах: региональная экономика – исследование внутри- и межсистемных экономических взаимодействий, являющихся функцией формирования территориальных экономических систем разного ранга – экономических регионов. Таким образом, исходным моментом в генезисе пространственных исследований, как направления экономической науки, явился генезис самого объекта исследований – экономического региона. В конце 1950-х гг. региональная экономика претендовала на глобальные обобщения в виде «региональной науки». Это явилось отражением двух объективных процессов экономического развития.

Во-первых, транснациональные корпорации превратили мировую экономику в единое экономическое пространство. Технологические и информационные модернизации мировой экономики привели к изменению концепции экономического региона. Два удаленных экономических агента могут взаимодействовать напрямую.

Во-вторых, во второй половине XX в. экономический регион трактовался как «целостный функционирующий механизм, в пределах которого функционирует локальная воспроизводственная система» [16; С. 67], и в то же время регион признавался неотъемлемой частью единой системы производительных сил, в рамках которой осуществляются полные циклы воспроизведе-

тва [17; С. 17]. С этой точки зрения, которая была вполне в духе Вебера и Кристаллера, экономический регион действительно представлял «как часть народнохозяйственного комплекса, характеризующаяся наличием воспроизводственного процесса и определяющая общественный воспроизводственный процесс в целом» [18; С. 27].

Развитие получают сетевые районы (о сетевых территориальных образованиях и месте в территориальной организации российской экономики (см., напр.: [1;20]), в которых структура экономики определяется взаимодействием автономных и взаимозаменяемых фирм, что предполагает гибкую специализацию и склонность к инновациям. Два указанных обстоятельства обусловили три следствия.

1. Национальные экономики стали представлять систему экономических регионов. На нынешнем этапе развития экономики любые микроэкономические решения генерируют обязательные изменения во всей экономической системе, региона и наоборот. Экономические регионы преодолели очередной порог эволюции, превратившись в системные образования, но они не имеют достаточной полноты с точки зрения системности параметрической (см., напр.: [19; С. 169-172]).

2. Выдвижение на первый план проблемы формирования государственной региональной экономической политики. Превращение региональной политики в составной элемент общей экономической политики, что является важнейшим индикатором для государства, а следовательно, и для науки.

3. Необходимость оптимальных решений во взаимодействиях экономических и технологических ресурсов в глобальном масштабе, что отчетливо проявилось в ходе региональных и глобального кризисов, обусловила появление глобальной экономической политики, предназначенной для регулирования единого глобального экономического пространства. Следовательно, современная экономика как на национальном, так и на глобальном уровнях предста-

ет в форме бесконечно большим числом «вложенных» друг в друга и взаимодействующих друг с другом пространственных социально-экономических кластеров (регионов) (см., напр.: [6]).

Достаточны ли модели и инструменты, предлагаемые современной экономической теорией для описания и прогнозирования развития сложившегося синтетического объекта – в форме бесконечно взаимодействующих друг с другом пространственных экономических регионов, или же требуется некая новая теория пространственного междисциплинарного синтеза?

Исходя из изложенного, можно утверждать, что по следующим причинам ответы на эти вопросы уже недостаточны, а уровень сложности пространственной организации превзошел теоретические возможности региональной экономики.

А. Региональная экономическая политика конструирует систему стимулов и ограничений, ориентированных на регион, а не на систему регионов.

Б. Экономическое равновесие в рамках определенного региона рассматривается без учета необходимости найти равновесное состояние всей пространственной системы регионов.

В. Необходимо описать взаимодействие экономических агентов внутри экономических регионов, формирование национальных пространственных систем, образуемых взаимодействиями экономических агентов и их кластеров, формирование международного экономического пространства в процессе взаимодействия национальных экономических пространств.

Эти обстоятельства свидетельствуют о незавершенности процесса теоретического и методологического оформления научной системы, описывающей макро-, микро- и глобальную экономическую динамику. Следовательно, выдвигается теоретическое и методологическое оформление нового подхода к системному представлению экономики как взаимодействию микроэкономических агентов, регио-, макро- и глобальных взаимодействий.

Литература

1. Княгинин В.Н., Щедровицкий П.Г. Промышленная политика России: кто оплатит издержки глобализации. М.: Европа, 2005.
2. Книпович Б.Н. Сельскохозяйственное районирование. М.: Новая деревня, 1925.
3. Гранберг А.Г. О программе фундаментальных исследований пространственного развития России // Регион. 2009. № 2.
4. Гранберг А.Г. Экономическое пространство России // Экономика и управление. 2006. № 2.
5. Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институциональность пространства в концепции пространственной экономики // Пространственная экономика. 2007. № 1.
6. Минакир П.А. Экономика и пространство // Пространственная экономика. 2005. № 1.
7. Минакир П.А. Экономика региона. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006.
8. Фридрих Э. Общий очерк экономической географии. СПб., 1910.
9. Хайлблонер Р.Л. Философы от мира сего. М.: КоЛибри, 2008.
10. Александров И.Г. Производственное районирование и его методология // Плановое хозяйство. 1928. № 4.
11. Колосовский Н.Н. Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии // География хозяйства СССР. М.: Географгиз, 1947.
12. Семенов П.П. Несколько общих выводов из данных по статистике поземельной собственности и населенных мест Центральной земледельческой области // Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. 1. СПб., 1880.
13. Челинцев А.Н. К методологии сельскохозяйственного районирования // Пути сельского хозяйства. 1928. № 4-6.
14. Челинцев А.Н. К очередным задачам сельскохозяйственной экономики // Современные вопросы русского сельского хозяйства. К 50-летию И.А. Стебута. СПб., 1904.
15. Челинцев А.Н. Очерки по сельскохозяйственной экономике. Сельскохозяйственные районы Европейской России как стадии с.-х. эволюции и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб., 1910.
16. Шнипер Р.И. Региональные предплановые исследования. Экономический аспект. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1978.
17. Шнипер Р.И. Экономические методы управления. Новосибирск: Наука, Сиб.отд-ние, 1991.
18. Минакир П.А. Экономическое развитие региона: программный подход. М.: Наука, 1983.
19. Кругман П., Обстфельд М. Международная экономика. Теория и политика. М.: Экономический факультет МГУ, ЮНИТИ, 1997.
20. Демьяненко А.Н. и др. Влияние «сетевых феноменов» на функционирование хозяйственных структур // Вестник ДВО РАН. 2008. № 5.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Цыренов О.Ч., аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва
ochir.tsyrenov@mail.ru

O. Tsyrenov, postgraduate student, Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation, Moscow

Научные интересы: региональная экономика

Scientific interests: regional economy

Юридические науки

УДК 343

Бадмаева Баира Батовна
Baira Badmaeva

Дондоков Цырен Сономович
Tsyren Dondokov

ПРИНЦИП ГУМАНИЗМА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE PRINCIPLE OF HUMANITY IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Статья посвящена актуальному на современном этапе принципу уголовного права «гуманизм». Рассматриваются различные точки зрения ученых на содержание данного принципа. Авторы отмечают, что гуманизация системы наказания должна включать широкомасштабную работу по ресоциализации осужденных и предупреждению совершения ими новых преступлений

Ключевые слова: гуманизм, принцип уголовного права, уголовная политика, преступность, предупреждение преступности, уголовные наказания, безопасность граждан

The article is devoted to a very important and actual at the present stage principle of criminal law «humanism». Various points of view on the maintenance of the given principle are considered. The author marks, that humanization of punishment system should include large-scale work on resocialization condemned and to the prevention commit by them of new crimes

Key words: humanism, principle criminal law, criminal policy, criminality, prevention of criminality, criminal punishments, safety of citizens

Содержание принципов уголовного законодательства, как и всех его положений, обусловлено, прежде всего, политическими, экономическими и иными социальными условиями жизни общества на определенном историческом отрезке времени. Современное российское уголовное законодательство основывается на таких принципах, совокупность которых выражает новую демократическую природу, содержание и общую гуманистическую направленность уголовно-правовой системы.

Рассматривая содержание принципа гуманизма в уголовном законодательстве Российской Федерации следует, прежде

всего, отметить, что, согласно ч. 2 ст. 1 Уголовного кодекса, он «...основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права», а в уголовной политике реализуется, прежде всего, путем защиты человека, его прав и законных интересов, иначе говоря — его безопасности от преступных посягательств [1].

Принцип гуманизма в уголовном законодательстве сформулирован в ст. 7 УК РФ:

«Уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека. Наказание и иные меры уголов-

но-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства».

Из законодательного определения вытекает двусторонняя направленность принципа гуманизма. В первом случае — это обеспечение безопасности человека от преступных посягательств, что исходит из нравственной позиции, выражающей признание ценности человека как личности, стремление к его благу как цели общественного процесса. Во втором, обеспечение прав человека, совершившего преступление, что связано с гуманным отношением к виновным лицам при реализации норм, предусматривающих уголовную ответственность за совершенные ими преступные деяния. Существует немалое количество формулировок принципа гуманизма, в каждой из которых есть свои особенности или хотя бы нюансы, с которыми можно соглашаться или нет. Все формулировки принципа гуманизма, предлагаемые разными авторами [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8], исходят из того, что данный принцип является двухаспектным. В первом случае гуманизм проявляется в уголовно-правовой охране человека, его прав и свобод, во втором — в отношении виновного лица, совершившего преступление. Поэтому точное выражение принципа гуманизма в уголовном праве во многом представляет собой систему уяснения соотношения этих двух аспектов гуманизма: взвешенного подхода к человеку как объекту уголовно-правовой охраны и уголовно-правового воздействия. Нарушение этого соотношения, с одной стороны, может повлечь применение жестоких не соответствующих с идеями равенства, справедливости и человечности мер уголовного наказания..., с другой — привести... к неоправданно мягким, не справедливым и, следовательно, попирающим сущность самого этого понятия наказаниям [9].

Все еще спорным и актуальным остается вопрос о формулировке содержания принципа гуманизма в уголовном законодательстве. Так, например, В. В. Мальцев

предлагает следующую редакцию данной нормы:

«Статья 7. Принцип гуманизма.

1. Уголовное законодательство и суды Российской Федерации обеспечивают охрану гуманистических основ гражданского общества и социального государства в России, приоритетную защиту прав и свобод человека и гражданина.

2. Меры уголовно-правового характера, не имеющие своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства, применяются в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного лицом преступления, тяжести ущерба, причиненного пострадавшему от преступления гражданину» [10; С. 53].

Иную законодательную формулировку принципа гуманизма предлагают Ю. Е. Пудовочкин и С. С. Пирвагидов:

«Статья 7. Принцип гуманизма.

1. Уголовный кодекс служит обеспечению физической, психической, материальной, экологической и иной безопасности человека.

2. Лицу, признанному виновным в совершении преступления, должно быть назначено наказание или иная мера уголовно-правового воздействия, минимально необходимая и достаточная для его исправления и предупреждения новых преступлений. За лицом, совершившим преступление, сохраняются гарантированные ему законодательством Российской Федерации и международными нормами права и свободы.

3. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия не имеют своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» [11].

М.В. Ююкина предлагает исключить ст. 7 УК РФ в той формулировке, которая существует сегодня и изложить ее в следующем виде:

«Статья 7. Принцип гуманизма.

1. Гуманизм уголовного права есть система нормативно закрепленных нравственно-правовых требований, основанных на

положениях конституции и нормах международного права, выражающих признание и сохранение незыблемой ценности человека как личности, охраняющих права, свободы, честь и достоинство человека и гражданина, интересы общества в целом и гарантирующих реализацию данной защиты нормами уголовного законодательства вне зависимости от правового статуса человека» [12].

Е.В. Губенкова также предлагает изменить действующую редакцию ст. 7 УК РФ и изложить ее следующим образом:

«Статья 7. Принцип гуманизма.

1. Уголовное законодательство и суды Российской Федерации обеспечивают безопасность человека.

2. При назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера не должны причиняться физические страдания и унижаться человеческое достоинство лица, совершившего преступление» [13].

Все предлагаемые формулировки, так или иначе, меняют содержание ст. 7 УК РФ, тогда как более детальный анализ действующей редакции позволяет сделать иные выводы.

Во-первых, представляется необходимым высказаться в отношении полемики по поводу определения круга лиц, в отношении которых действует ч. 1 ст. 7 (Уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека). Так, обозначая первый аспект, одни авторы указывают на охрану личности гражданина, собственности [3; С. 22], интересов законопослушных граждан [14], другие делают акцент на защите интересов пострадавших от преступлений [2; С. 21]. М.В. Ююкина, соглашаясь с мнением И.Э. Звечаровского, под определение «все физические лица» включает и законопослушных граждан, и потерпевших, и виновных лиц [12]. На наш взгляд, само понятие «человек», которое имеет отражение в ч. 1 ст. 7 УК РФ, уже является достаточно ёмким и не требует дополнительного пояснения — это и физические лица, и законопослушные граждане, и потерпевшие, и виновные лица, совершившие преступление, в отно-

шении каждого из них государство так или иначе обязано проявить гуманизм, в каком бы статусе или ситуации они не находились.

Во-вторых, не совсем верным считаем подход В. В. Мальцева от общего к частному — «чтобы обеспечить безопасность граждан как членов общества, прежде необходимо обеспечить безопасность общества и государства в целом» [10; С. 51]. Общество только тогда станет гуманным, когда государство создаст такие условия, при которых каждый член общества — человек (гражданин) почувствует свою защищенность, безопасность. И такими условиями должны стать не все усиливающиеся строгие меры наказания, а предупреждение преступлений, их профилактика, ресоциализация лиц, отбывших наказание, и т.п. меры. И только тогда принцип гуманизма в отношении человека ч. 1 ст. 7 УК РФ будет считаться реализованной. Более того, если уж и говорить об обеспечении гуманистических основ общества и социального государства, то эта задача не только уголовного законодательства, а всей российско-правовой системы, либо является одним из важных направлений всей политики государства и должна содержаться в основах конституционного строя.

В-третьих, излишним, на наш взгляд, является включение в предложенные редакции ст. 7 УК соответствие положениям конституции и нормам международного права либо иным образом их напоминание (Ю.Е. Пудовочкин и С.С. Пирвагидов, И.В. Коршиков, М.В. Ююкина), ведь, по сути, подобное является всего лишь дублированием, так как ч. 2 ст. 1 Уголовного кодекса это уже предусматривает.

В-четвертых, предложение В.В. Мальцева и Е. В. Губенковой об обязательном указании судов, как органа, реализующего принцип гуманизма на практике и назначающего наказание, является не вполне уместным, так как деятельность судов регламентируется одним из основных нормативных правовых актов — УПК РФ, в котором принцип гуманизма имеет место (ст. 8 УПК РФ).

Что касается ч. 2 ст. 7 УК РФ, то здесь также имеются некоторые вопросы по ее регламентации.

Во-первых, считаем необоснованным изменение Е.В. Губенковой формулировки «не могут иметь своей целью...» (ч. 2 ст. 7 УК РФ) на формулировку «не должны причиняться физические страдания и унижаться человеческое достоинство лица, совершившего преступление», объясняя это размытостью и отсутствием твердых гарантий непричинения указанных действий, оставляющим суду... возможность не следовать названной цели [13; С. 62]. На наш взгляд, суд так или иначе не сможет применить наказание, способное причинить физическое страдание и унижение человеческого достоинства, т.к. все меры уголовной ответственности и наказания четко сформулированы в ст. 44 УК РФ и выходить за рамки этих мер суд не имеет возможности. Более того, указанные действия не могут применяться судами, согласно ст. 4 Декларации ООН «о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинств видов обращения и наказания» от 9 декабря 1975 г. [15], что соответствует ч. 2 ст. 1 УК РФ, основанном на Конституции РФ и общепризнанных принципах и нормах международного права. Сама же формулировка «не могут иметь своей целью...» предполагает всего лишь навсего наличие иных целей, ради которых и применяются наказание и иные меры уголовно-правового характера. Согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ, к ним относятся — восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

Во-вторых, вызывает возражение мнение М.В. Ююкиной, которая исключает ч. 2 ст. 7, определяя ее как принцип назначения наказания. Отражение одной стороны принципа гуманизма в ст. 7 УК РФ, направленного только на признание и сохранение незыблемой ценности человека как личности, охрану прав, свобод, чести и достоинства человека и гражданина, интересы общества в целом, сужает само понятие гуманизма как уголовно-правового

принципа до философской, нравственно-этической категории. Именно наличие двух аспектов в содержании принципа гуманизма определяет его как принцип уголовного законодательства, более того, «сфера реализации гуманизма еще шире, ибо распространяется и на содержание диспозиций и санкций норм Особенной части УК. Гуманизм как основополагающая идея уголовного права, преломляясь в содержании каждой из таких норм, тем самым облекает себя в правовую форму, становясь при этом уже выражением гуманизма как принципа уголовного законодательства» [10; С. 51].

В-третьих, если согласиться с В.В. Мальцевым, предлагающим свою трактовку ч. 2 ст. 7 УК «меры уголовно-правового характера, не имеющие своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства, применяются в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного лицом преступления, тяжести ущерба, причиненного пострадавшему от преступления гражданину», то такое определение свидетельствует, прежде всего, о наличии общих начал назначения наказания, предписывающих в каждом конкретном случае учитывать «характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного...» (ст. 60 УК РФ) и дублируют ст. 6 УК РФ «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного».

Если же попытаться очертить рамки принципа гуманизма в уголовном законодательстве, то можно остановиться приблизительно на такой формулировке, предложенной В. В. Мальцевым еще до принятия УК РФ: «Гуманизм выражается в преимущественной уголовно-правовой защите человека и в ограничении строгости наказания минимумом, необходимым для достойной охраны личности и применение к лицу, совершившему преступление наиболее гуманных мер уголовно-правового

воздействия, достаточных для его исправления и предупреждения новых преступлений» [16].

Исходя из представленного, нами предлагается изложить ст. 7 УК РФ в следующем виде:

1. Уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека и общества от преступных посягательств.

2. Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть минимально необходимы и достаточны для его исправления и предупреждения новых преступлений и не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства».

Именно такая формулировка ч. 1 ст. 7 УК РФ, на наш взгляд, соответствует ст. 2 УК РФ, в которой государство первоочередной задачей уголовного законодательства устанавливает охрану личности, прав и свобод человека и гражданина, ... обеспечение мира и безопасности человечества от преступных посягательств.... Предложенная формулировка ч. 1 ст. 7 УК РФ, по нашему мнению, сможет установить оптимальный баланс между охраной человека и общества в целом от преступных посягательств и законных интересов лица, подлежащего уголовной ответственности.

Формулировка же ч. 2 ст. 7 УК РФ, на наш взгляд, обеспечит гуманное отношение к преступнику, определяя тот необходимый минимум уголовно-правовых мер, которые применяются в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного лицом преступления, тяжести ущерба, причиненного пострадавшему от преступления гражданину, которых будет вполне достаточно для исправления осужденного и предупреждения новых преступлений, что соответствует и принципу справедливости, и общим началам наказания, и целям наказания, и принципу индивидуализации уголовной ответственности, не обозначенного напрямую уголовным кодексом, но незримо присутствующего в тех или нормах.

На пути реализации принципа гуманизма, воплощения гуманистических идей в реальность возникают серьезные препятствия. За последние 25 лет (1986-2011 гг.) зарегистрированная преступность возросла более чем в два раза. В 1995 г. в России было зарегистрировано 2,7 млн преступлений против 1,3 млн в 1986 г. [17]. В 1999 г. зарегистрированная преступность достигла уже 30001748. Однако самый высокий уровень выпал на 2006 г. — 3855373, что по сравнению с 1986 г. это примерно более чем в три раза. С 2007 г. наблюдается спад преступности и в 2009 г. она составила 2994820 [18], 2011 г. — 1 млн 982, 4 тыс. преступлений, за 8 месяцев 2012 г. — 1 млн 554, 8 тыс. [19], что по сравнению с 1986 г. все равно является больше почти в 2 раза. В принципе, прямое сравнение общих абсолютных показателей здесь недопустимо, так как смена уголовных кодексов, внесение изменений и дополнений в уголовное законодательство за столь длительный период времени, криминализация и декриминализация многих деяний такие показатели делают относительными. Кроме того, «реальное состояние преступности значительно выше, ибо за рамками уголовной статистики остается значительная часть латентной (скрытой) преступности, масштабы которой в последние годы резко возросли» [17]. Профессор Я.И. Гилинский также утверждает, что одним из направлений современной уголовной политики является «...начиная с 1993-1994 гг. — массовое сокрытие преступлений от регистрации» [20]. Известный исследователь В.В. Лунеев пришел к выводу, что при всех существенных расхождениях в уровне преступности в разных странах первой и определяющей тенденцией в мире является ее абсолютный и относительный рост (относительно населения, экономического развития, культуры и т.д.).

Чтобы не допустить неконтролируемого роста преступности, в том числе и латентной, обеспечить безопасность жизни, здоровья, собственности конкретных граждан и обществ в целом, необходимо принимать адекватные меры по предупреждению пре-

ступности и иных правонарушений, социальной адаптации осужденных. Гуманизация системы наказания должна включать широкомасштабную работу по ресоциализации осужденных и предупреждению совершения ими новых преступлений. Только в этом случае корректирование уголовной и уголовно-исполнительной политики будет действительно социально полезным и эффективным [21].

Поддерживая в целом гуманистическую направленность уголовной политики

(ее магистральный путь дальнейшего развития), необходимо сделать, по крайней мере, две существенные оговорки. Во-первых, необходим разумный баланс между обеспечением безопасности граждан и всего общества в целом, т.е. правопослушной части населения и правами лиц, совершающих преступления. Во-вторых, необходимо учитывать состояние и тенденции современной преступности. Однако они таковы, что говорить о широкомасштабной гуманизации уголовной политики не приходится.

Литература

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Наумова. М., 1996. С. 50.
2. Уголовное право. Общая часть / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. М., 1998. С. 21.
3. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. проф. Б.В. Здравомыслова. М., 2001. С. 2.
4. Курс Российского уголовного права. Т. 1. Общая часть / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 2001. С. 16.
5. Российское уголовное право. Т. 1: Общая часть / под ред. А.И. Рарога. М., 2001. С. 18-19.
6. Курс уголовного права. Т. 1: Общая часть. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. СПС ГАРАНТ.
7. Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб, 2004. С. 162.
8. Сизая Е.А. О принципе гуманизма в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2008. № 4(40). С. 136-137.
9. Коршиков И.В. Принцип гуманизма в уголовном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 114.
10. Мальцев В.В. Принцип гуманизма в уголовном законодательстве // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 53.
11. Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб., 2003. С. 151-152.
12. Ююкина М.В. Принцип гуманизма в уголовном, уголовно-исполнительном праве и уголовной политике и его реализация при назначении наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. С. 43.
13. Губенкова Е.В. Принцип гуманизма и проблемы его реализации при исполнении наказания в виде лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2009. С. 67.
14. Уголовное право России. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунева, А.В. Наумова. М., 2003. С. 59.
15. Сборник стандартов Организации Объединенных наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия: Официальное издание ООН. Нью-Йорк, 1992. С. 259-261.

16. Мальцев В.В. Равенство и гуманизм как принципы уголовного законодательства // Правоведение. 1995. № 2. С. 100.
17. Босхолов С.С. Концепция реформирования уголовной политики. М.: Московский институт МВД России. С. 5.
18. Криминологический журнал БГУЭП. 2010. № 1 (11).
19. Состояние преступности за 2010-2012 гг. Сайт МВД России.
20. Гишинский Я.И. Криминология: Курс лекций. СПб, 2002. С. 316.
21. Зубарев С.М. Новое в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве: некоторые аспекты гуманизации карательной политики // Журнал российского права. 2004. № 4. С. 40.

Коротко об авторах _____ **Briefly about the authors**

Бадмаева Б.Б., аспирант, ФГБОУ ВПО Байкальский государственный университет экономики и права
Тел.: 8-924-500-11-15

B. Badmaeva, postgraduate student, Baikal State University of Economics and Law

Научные интересы: уголовное право, криминология, уголовная политика

Scientific interests: criminal law, criminology, criminal policy

Дондоков Ц.С., канд. юрид. наук, доцент, профессор каф. «Административное право и таможенное дело», Забайкальский государственный университет
Раб. тел.: 8(3022)35-24-05

Ts. Dondokov, Candidate of Law Sciences, associate professor, professor, Administrative Law and Customs Business department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: государственное управление, государственная политика, уголовное право, криминология, уголовная политика

Scientific interests: public administration, public policy, criminal law, criminology, criminal policy

Юбилейные даты

Павленко Ю.В. — доктор геолого-минералогических наук, профессор Забайкальского государственного университета является высококвалифицированным специалистом, научный и практический интерес которого охватывает прогнозирование, поиски и разведку месторождений полезных ископаемых.

Родился 27 октября 1937 г. в г. Чита в семье рабочего. После гибели в Великую Отечественную войну отца (1944) и потери матери в 1946-1955 гг. воспитывался в Читинском детском доме № 1. В 1955-1958 гг. обучался в Иркутском геологоразведочном техникуме по специальности поиски и разведка месторождений полезных ископаемых. Производственные геологические практики проходил на знаменитом Нерюнгринском каменноугольном и Мельгинском молибденовом месторождениях Якутии и Хабаровского края.

После получения диплома с отличием был направлен по вызову в Читинское геологическое управление, в системе которого проработал 51 год.

Трудовую деятельность начал в Газимурской геологоразведочной экспедиции коллектором (1958-1960), старшим коллектором (1960), старшим техником-геологом (1960-1961), инженером-геологом (1961-1963). Проводил поисковые, поисково-оценочные и разведочные работы на Ширинском полиметаллическом, Ново-Широкинском золото-полиметаллическом, Кочковском золоторудном месторождениях; участвовал в составлении двух отчетов по детальной разведке Ново-Широкинского месторождения, запасы по которому представлялись в ГКЗ СССР (1962, 1962).

В 1963-1971 гг. возглавлял поисково-разведочные работы по расширению сырьевой базы действующего плавиковошпатового горнодобывающего предприятия — рудника Солонечного. Автор всех проектов работы этой партии, двух промежуточных и двух окончательных отчетов, один из которых, по детальной разведке открытого в 1963 г. Брикачанского флюоритового месторождения, защищен в 1967 г. в ГКЗ СССР. В настоящее время это месторождение уже отработано. Крупномасштабные поисково-разведочные работы, кондиционная геологическая съемка масштаба 1:10 000 в комплексе с другими методами исследований позволили почти вдвое увеличить сырьевую базу горнодобывающего предприятия, создать комплект геологических карт всех флюоритовых объектов в окрестностях рудника Солонечного. В качестве соавтора участвовал в составлении двух отчетов по плавиковому шпату Забайкальского научно-исследовательского института.

В 1971-1976 гг. в качестве старшего геолога Центральной геохимической партии Комплексной тематической экспедиции осуществлял методическое руководство геохимическими методами поисков в системе Читинского геологического управления на все виды минерального сырья. В 1972 г. участвовал в составлении генеральной схемы поисковых работ на флюорит вблизи действующих предприятий Восточного Забайкалья.

В 1959-1965 гг. заочно обучался в Иркутском политехническом институте по специальности «Геология и разведка месторождений полезных ископаемых». Курсовые и дипломный проект базировались на материалах «собственного» (Брикачанского) месторождения. В 1972-1975 гг. являлся заочным аспирантом этого института. В мае 1975 г. защитил диссертацию «Геология флюоритовых месторождений Солонечной группы и направление поисковых работ (Восточное Забайкалье)», в которой использованы материалы 16 статей и трех отчетов, хранящихся во Всесоюзных геологических фондах.

В 1976-1980 гг. находился в загранкомандировке в Германской Демократической Республике. Являясь первым главным консультантом СССР по флюориту и бариту, занимался вопросами повышения эффективности геологоразведочных работ. За этот период существенно возросли их темпы, улучшены стадийность и методика работ, состояние запасов минерального сырья действующих горнодобывающих предприятий. Постоянно занимался вопросами проектирования, корректировки текущих геологоразведочных работ, обработкой, обобщением геологических материалов. Разработанная под его руководством методика позволила коллективам геологов успешно выполнить прогнозную оценку ГДР по флюориту и бариту. Эта работа получила высокую оценку Правительства ГДР. Основные положения методики легли в основу предложений немецкой стороны по методике крупномасштабного прогнозирования флюоритовых месторождений в рамках совместно разрабатываемой проблемы странами-членами СЭВ (1979).

По возвращении на Родину продолжил методическое руководство геохимическими исследованиями, руководил стандартизацией геохимических работ в системе геологического управления. В 1982 г. являлся ответственным исполнителем работ по оценке на фосфатное сырье терригенно-осадочных формаций протерозоя и нижнего палеозоя Восточного Забайкалья. По завершении данной работы осуществлял методическое руководство всеми видами текущих исследований Опытно-методической экспедиции.

В 1985 г. научно обосновал целесообразность, а затем (до 1994 г.) возглавил специализированные работы на цеолитсодержащее сырье. Им практически реализовано новое научное направление в изучении недр, связанное с промышленной цеолитоносностью Забайкалья. Лично и при его участии открыто 3 месторождения, в том числе уникальное Шивыртуйское, 27 перспективных проявлений природных цеолитов, обоснованы крупнейшие в России перспективы впервые выделенной Забайкальской цеолитоносной провинции. Эти успехи 12. 04. 1990 г. отмечены премией Совета Министров СССР. Разведанные запасы составляют крупнейшую в России сырьевую базу цеолитсодержащих пород, способную обеспечить потребности страны на длительный срок. В 2000 г. результаты исследований нового нетрадиционного минерального сырья обобщены в докторской диссертации «Промышленная цеолитоносность орогенно-активизированных структур Восточного Забайкалья». Консультативный совет по научно-технической политике и инновациям Забайкальского края признал это направление наиболее приоритетным для развития региона, в настоящее время по распоряжению Правительства Забайкальского края разрабатывается краевая долгосрочная программа «Цеолиты Забайкалья», призванная обеспечить добычу и комплексное использование цеолитового сырья. Основная научно-производственная деятельность этого и последующего периода освещена в Энциклопедии Забайкалья: Читинская область [Т. III, С. 407] и в Малой энциклопедии Забайкалья: Наука и образование [Ч. I, С. 202; Ч. II, С. 85].

С 1990 г. он являлся ответственным исполнителем тематических работ по оценке перспектив южной части Читинской области на марганец (1993), всей области на медно-порфирировое оруденение (2001). Впервые выделено 37 площадных объектов, перспективных на выявление комплексных золото-медно-молибденовых месторождений с огромными суммарными прогнозными ресурсами, в числе которых осваиваемые в настоящее время Быстринское и Бугдаинское месторождения. В 2003 г. закончил 5-летний цикл, начавшийся в 1983 г., по оценке перспектив области на фосфатное, керамическое сырье, драгоценные камни, флюорит, цеолиты, марганец.

По работам 2003-2005 гг. в 2010 г. издана Государственная геологическая карта Российской Федерации, масштаб 1:1 000 000 (третье поколение), лист М-50 – Борзя, в которой Ю.В. Павленко является автором разделов о полезных ископаемых, закономерностях их размещения и оценки перспектив. Карта является основным источником фундаментальной геологической информации, обеспечивающим развитие геологической науки, общих знаний о геологическом строении, минерагеническом потенциале региона, динамики процессов и явлений, а также стратегических вопросов изучения и рационального использования недр. Впервые оцененный Ю.В. Павленко минерально-сырьевой потенциал Юго-Восточного Забайкалья составляет 9 трлн руб. (в ценах 2005 г.). Эта карта является одной из первых в России, отвечающая современным требованиям к геолого-минерагенической информации региона.

В результате многолетних личных прогнозно-минерагенических исследований Юго-Восточного Забайкалья Ю.В. Павленко обосновал новое «объемное» научное направление минерагении. В опубликованной в 2009 г. монографии «Глубинное строение и минерагения Юго-Восточного

Забайкалья» представлена объемная модель глубинного строения региона, впервые закономерности размещения полезных ископаемых первого горнорудного региона России связываются с флюидопроницаемыми структурами кристаллического фундамента, что предполагает иную стратегию изучения недр и наращивания минерально-сырьевой базы региона.

В связи с возросшим спросом промышленности на сурьму обобщения последних лет, выполненные с участием Ю.В. Павленко, позволили обосновать новую сурьмяную провинцию России, прогнозные ресурсы которой оцениваются в 80 % от общероссийских. Геолого-технологические исследования разнотипного сурьмяного сырья и месторождений, изложенные в монографии 2012 г. «Роль рудоподготовки при геолого-технологической оценке месторождений Восточно-Забайкальской сурьмяной провинции», обосновывают возможность вовлечения в эксплуатацию бедных и забалансовых руд разведанных, а также многочисленных мелких месторождений с содержанием сурьмы 0,3...0,7 %, что существенно повышает полноту использования недр без ухудшения качества готовой продукции.

В 2005-2007 гг. выполнял плановую работу, связанную с паспортизацией рудных полей и рудных районов Читинской области, перспективных на выявление различных видов полезных ископаемых. В 2007-2009 гг. выполнял геологическое доизучение территории листов М-50- XIII, XIV, XX в масштабе 1:200 000 с целью последующего издания комплекта Государственной геологической карты.

Многократно награждался Почетными грамотами, поощрялся премиями, заносился на доску почета. В 1977 г. от имени Госкомитета СМ СССР по внешним экономическим связям и ЦК профсоюза работников госучреждений награжден знаком «Победитель социалистического соревнования», отмечен знаками ГДР. Награжден тремя медалями, в том числе Медалью ордена «За заслуги перед Отечеством II степени», с 1981 г. является ветераном труда.

Неоднократно избирался в состав профсоюзных органов, в руководство общественными организациями, в 1969-1971 гг. являлся депутатом. Активный участник общественных мероприятий. Играет на нескольких музыкальных инструментах, автор стихов и более 20 музыкальных произведений.

С 2002 г. Ю.В. Павленко по совместительству, а с 2009 г. на постоянной основе в качестве профессора участвует в многоуровневой подготовке специалистов (бакалавров, горных инженеров, магистрантов, аспирантов, докторантов) в Забайкальском государственном университете по специальности «Горное дело». Со студентами и магистрантами проводит лекционные, лабораторные и практические занятия по дисциплинам: геохимия, горно-геологические основы обогащения руд, современные проблемы горной науки и производства, комплексное использование минерального сырья, геология, руководит аспирантурой и докторантурой. В 2011 г. докторантом защищена диссертация по россыпной золотоносности, связанной с ледниковыми образованиями Забайкалья.

Ю.В. Павленко автор 140 опубликованных и фондовых работ, а также учебного пособия для студентов направления «Горное дело». Как член диссертационного совета Забайкальского государственного университета по присуждению ученых степеней кандидатов и докторов наук проводит большую консультативную работу с соискателями, что отражено в авторефератах трех докторских и 6 кандидатских диссертаций. Является членом редакционного совета, экспертом раздела науки о Земле теоретического и научно-практического журнала «Вестник ЗабГУ» и членом научно-технического совета Управления по недропользованию по Забайкальскому краю (Забайкалнедра); член-корреспондент международной академии минеральных ресурсов.

Женат, имеет двоих детей. Жена, Павленко (Спыхина) Надежда Николаевна, по образованию учитель русского языка и литературы средней школы, с 1971 г. работает на ВГТРК г. Чита, режиссер высшей категории, автор популярных передач группы «Московский тракт», заслуженный работник культуры Читинской области и Российской Федерации. Дочь закончила с золотой медалью школу, с отличием — Ленинградский электротехнический институт им. А.С. Попова, Московский гуманитарный университет по специальности «Психология», программист высшей категории ОАО Сибирьтелеком. Сын актер театра и кино, работает в Московском театре им М.Н. Ермоловой, женат на Селиверстовой Наталье Викторовне — актрисе этого же театра. Их дочь — единственная внучка Полина учится в Московской государственной академии хореографии при Большом театре.

Содержание

Исторические науки

Петров А.С. Законодательство Российской империи в сфере проституции и регламентационные правила этой деятельности в Чите в период 1907-1917 гг. A. Petrov Russian Imperia Laws in Prostitution's Sphere and Regulation Rules of This Activity in Chita in 1907-1917 Period.....	3
Сажина А.И. Ликвидация неграмотности в Забайкалье в условиях ДВР (1920-1922 гг.) A. Sazhina Illiteracy Liquidation in Zabaikalie in the Far-East Republic Conditions (1920-1922).....	12

Науки о Земле

Барабашева Е.Е. Биогеохимическая модель рудообразования Дарасунского рудного узла E. Barabasheva Biogeochemical Model of Ore Formation in Darasunsky Ore Knot.....	17
Овсейчук В.А., Крылов Д.А., Сидорова Г.П. Радиационные выбросы от угольных ТЭС V. Ovseichuk, D. Krylov, G. Sidorova Radiating Emissions From Coal Thermal Power Plants	24
Синица С.М. Юрская трубчатая проблематика Забайкалья S. Sinitsa Jurassic Tubular Problematic of Zabaikalie	30
Юргенсон Г.А., Лимберова В.В., Миронова Е.В. Строение и рудноформационная принадлежность жильного кварца на ИК-спектрах методом многократного нарушенного полного внутреннего отражения G. Yurgenson, V. Limberova, E. Mironova Structure and Ore Formation Membership of Gangue Quartz on the Irspectra By Means of Multiple Broken Total Internal Reflection.....	36

Педагогические науки

Воронев Е.Т., Грошева И.В. Научно-образовательная деятельность Забайкальского государственного университета в области безопасности жизнедеятельности: современное состояние и проблемы E. Voronov, I. Grosheva Scientific and Educational Activity of Zabaikalsky State University in the Area of Life Safety: Modern Withstanding and Problems.....	43
Халзакова Л. А. Теория и практика формирования самообразовательной компетентности учителя L. Khalzakova Theory and Practice of Teacher's Self-Educational Competence Formation	52

Психологические науки

Калекина А.В., Степанова Г.Ф. Психологическая концепция профессиональной культуры инженеров-конструкторов промышленных предприятий A. Kalekina, G. Stepanova The Psychological Concept of Professional Culture of Design Engineers Working at Industrial Enterprises	58
---	----

Социологические науки

- Романова И.В.
Категория «образ жизни» в отечественной и зарубежной научной литературе
I. Romanova
The Category of «Way Of Life» in Domestic and Foreign Scientific Literature 63
- Дробышевский В.С., Романова Н.П.
Современные типы антикоррупционных систем: региональный срез
V. Drobyshevsky, N. Romanova
Modern Types of Anticorruption Systems: Regional Profile..... 80

Филологические науки

- Николаева О.В.
Взаимодействие картин мира в концептуальном пространстве мультилингвокультуры
O. Nikolaeva
Interaction Pictures of the World in the Conceptual Space Multiculture 92
- Сундужева Д.Б.
Русские старожилы Забайкалья в культурном пространстве Монголии: историографический аспект
D. Sundueva
Russian Oldtimers of the Transbaikal Area in the Cultural Space of Mongolia: Historiography Aspect 98

Философские науки

- Коренкова (Ковалёва) О.О.
Человеческий потенциал и человеческие ресурсы в контексте внешних и внутренних региональных практик современного Китая
O. Korenkova (Kovaleva)
Human Potential and Human Resources in the Context of Out and in Regional Practice of Contemporary China..... 104

Экономические науки

- Кох Ю.В., Кривоногих А. А.
Сущность и этапы развития финансового риск-менеджмента
Y. Kokh, A. Krivonogikh
The Essence and Stages of Financial Risk Management Development 111
- Куклин А.А., Багаряков А.В., Никулина Н.Л.
Факторы и индикаторы инновационного развития региона
A. Kuklin, A. Bagaryakov, N. Nikulina
Factors and Indicators of Innovative Development of a Region 116
- Малышев Е.А., Подойницын Р.Г.
Инновационный метод оценки инвестиций в генерирующие активы на основе реальных опционов
E. Malyshev, R. Podoinitsyn
Innovative Method of the Assessment of Investments in Generating Assets on the Basis of Real Options 122
- Слива С.В.
Управление экономическим развитием: способы и механизмы
S. Sliva
Management of Economic Development: Methods and Ways 130
- Цыренов О.Ч.
Пространственная экономика: эволюция подходов и методология
O. Tsyrenov
The Spatial Economy: Evolution of Approaches and Methodology 136

Юридические науки

- Бадмаева Б.Б., Дондоков Ц.С.
Принцип гуманизма в уголовном законодательстве Российской Федерации
B. Badmaeva, Ts. Dondokov
The Principle of Humanity in The Criminal Legislation of the Russian Federation 141
-
-

ВЕСТНИК

ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 10 (89)

2012

Научный редактор д-р социол. наук Н.П. Романова

Литерат. редактор А.А. Шалавина

Технический редактор И.В. Петрова

Подписано в печать 25.10.2012

Сдано в производство 27.10.2012

Форм. бум. 60 x 84 1/8

Печать офсетная

Уч.-изд. л. 12,6

Тираж 500 экз.

Бум. тип. № 2

Гарнитура Bodoni

Усл. печ. л. 12,4

Заказ № 151

ФГБОУ ВПО «ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ООП ЗабГУ

672039, Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

Раб. тел.: 41-67-18; E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
